

ЦЫГАНКА ВАСЯ

МЕХАНИК
С ВОЛАНТЕРА
«ДОБРОВОЛЕЦ»

ПАВЕЛ МЕВЛЕВ

Павел Иевлев

**Цыганка Вася, механик с
волантера «Доброволец»**

«Автор»

2024

Иевлев П. С.

Цыганка Вася, механик с волантера «Доброволец» /
П. С. Иевлев — «Автор», 2024

Книга в сеттинге серии «Хранители Мультиверсума», показывающая события с другой точки зрения. Пока кто-то летит над Дорогой, спасая Мультиверсум, те, кто по ней едут, просто пытаются выжить.

© Иевлев П. С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть первая. Дороги разных миров	6
Глава 1. Табор уходит нафиг	9
Глава 2. Девочка с железной рукой и гусеничный дед	23
Глава 3. Взрывная волна	41
Глава 4. Шмурзик по имени Мурзик	55
Глава 5. Туземцы могут быть агрессивными	72
Глава 6. Злой и страшный Бадман	90
Глава 7. Высокая степень антропоморфизма	102
Глава 8. Негативные показатели вероятности	116
Глава 9. Парадоксальная результативность небинарной логики	128
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Павел Иевлев
Цыганка Вася, механик с
волантера «Доброволец»

Часть первая. Дороги разных миров

ДОРОГИ РАЗНЫХ МИР

Глава 1. Табор уходит нафиг

Василиса Ивановна, или просто Васька, – девочка того возраста, когда всё сложно. Жизнь – вообще не так чтобы простая штука, а в «почти шестнадцать» особенно. Звучит лучше, чем «пятнадцать», да? И всё равно ты какая-то невзрослая. Вот и дядя Малкицадак называет «ла́ченько ча́юри», «милая девочка».

Малкицадак (для своих Малки) – барб табора «дромá ромá», то есть «Людей Дороги». Баро – это не сокращение от «барона», как думают многие гáджо (гаджо – любые люди, кроме цыган). У цыган нет баронов, графов, князей и царей. Баро – это как отец семейства, только очень большого, очень шумного и чертовски бестолкового. Вот у Василисы Ивановны есть отец, которого зовут несложно догадаться как, так он иной раз за голову хватается. Хотя у него всего лишь жена Светлана и дети Васька с Лёшкой, которые даже и не цыгане совсем. Страшно представить, каково Малки. Ромалэ – народ буйный.

Среди *дромá ромá* полно людей самого разного происхождения, но даже представители весьма флегматичных рас и народностей быстро заражаются цыганским раздолбайством. Вот, например, Йоска – типичный негрите́нок, чёрный и губастый, с жёсткой шапкой пыльных курчавых волос. Болтает по-цыгански и по-русски, но занят в основном уклонением от любой работы по хозяйству. Пока его мама – статная и красивая чернокожая женщина в ярком платье, удивительно свёрнутом из одного цельного куска ткани – разыскивает его по лагерю, чтобы отправить мыть посуду, Йоска прячется за автобусом и болтает с Василисой. Страшно любопытный, но довольно забавный мальчуган. Ему всего четырнадцать, и Ваське смешно, когда он пытается изображать из себя взрослого. Для этого Йоска плюётся и ругается, но, к счастью, только тогда, когда вспоминает, что так надо.

– А ты правда механик на волантере? – спрашивает он уже второй раз. Никак не может поверить.

– Младший механик, – честно призналась Василиса. – Главмех у нас Зелёный.

– Он правда зелёный?

– Ты что, – рассмеялась Васька, – разве люди бывают зелёными? Просто прозвище. Не знаю, почему его так зовут.

– Люди всякие бывают, – качает головой Йоска. – Вот ты белая, волосы светлые, глаза зелёные. А я чёрный – и волосы, и кожа, и глаза. Зара, моя сестра по отцу, рыжая, и кожа как молоко. Янко – сам цветом как кирпич, волос жёлтый, глаза синие. Так почему бы и зелёным людям не быть? Я бы не удивился, увидев зелёного человека. Миров много, людей много, все разные. А ты бы удивилась?

– Удивилась бы, наверное. Я всему удивляюсь, мало пока видела.

– Ха! – тут же надулся Йоска и, вспомнив, что он взрослый, сплюнул в дорожную пыль. – Я много видел! Я – рома дрома, человек Дороги! Мы идём из мира в мир, у нас нет дома, кроме наших машин.

– У вас интересная жизнь, – согласилась Василиса, – но я когда-нибудь хотела бы свой дом.

– А сейчас у тебя его нет? Где же вы живёте?

– Сейчас, пожалуй, нигде. Вот с вами путешествуем. Я, мама и брат.

– А где твой папа?

– Мой отец – капитан волантера. Но волантер... Долго объяснять, в общем, требует ремонта. Папа с командой отправился за одной важной штукой, а нас с мамой и Лёшкой послал с караваном Малки в Центр. Папа починит волантер, прилетит туда, и мы встретимся.

– Волантер – это же такой дирижабль, да? – уточнил Йоска.

– Не совсем. Просто похож. На самом деле, он летает не по закону Архимеда, а по другому принципу. Но ты не поймёшь.

– Чойта не пойму? Я не маленький, *пхагэл тут дэвэл*[1]! – Йоска сплюнул.

– Я и сама плохо понимаю, – вздохнула Васька, – да и никто не понимает, наверное. Волантер – древняя штука, техника Ушедших. Я там могу починить свет в салоне или унитаз в гальюне – это так туалет называется – и всякую мелкую авионику ещё. Приводы рулей, управляющие коллекторы ходовых машин... А если главный движитель крякнет – то всё. Ни инструкций, ни деталей. Хорошо, что они почти вечные.

– А чего тебя не взяли, ну, штуку эту искать? Раз уж ты механик?

– Я младший механик. И папа считает, что маме и брату я сейчас нужнее.

– Ему сколько, брату твоему?

– Почти восемь.

– Совсем мелкий! – гордо сказал Йоска. – Не то, что я. Ой-ой-ой!

Это его мама нашла. И сразу схватила за оттопыренное чёрное ухо, чтобы не удрал.

– Здравствуй, чаюри, – поздоровалась она с Василисой, – так и думала, что этот баловник тут. А ну, *явэн кхарэ*[2], там посуда немыта, и в фургоне кто-то бардак развёл! Не знаешь, кто это был?

– Ну, ма-а-ам! – возмущённо завопил Йоска.

В тот момент он был так похож на Васькиного брата, Лёшку, что Василиса невольно засмеялась. Мальчишки такие одинаковые!

Йоска обиженно сплюнул, за что получил лёгкий подзатыльник, и мама его увела.

Когда Васька залезла в автобус, брат уже спал, набегавшись за день, а мама читала книгу при свете маленькой лампочки. Караван вставал на ночёвку, как только начинало темнеть, поэтому двигался, по мнению Василисы, очень медленно. Два-три перехода в день максимум, а то и вовсе один. Цыгане спешить не любят, всё равно всю жизнь в дороге. Машина, в которой сейчас размещается Васькина семья, – старый автобус КАВЗ, переделанный в дом на колёсах. На «газоновском» шасси, жёстком и тряском, только мотор заменён на дизельный. Все цыганские машины на дизелях, потому что солярку проще достать в пустых мирах, она дольше не портится на заброшенных заправках. Бензин хранится куда хуже. Дизеля старые, ушатанные. У Василисы как механика это вызывает возмущение. С трудом уговорила их водителя, дядю Фонсо, отрегулировать хотя бы топливный насос, чтобы меньше дымил. Он, как все цыгане, считал: «Едет – значит, исправно». Смотрел, как Васька возится, выставляя ход плунжера, и только посвистывал удивлённо.

– Откуда ты только этого набралась, чаюри?

– Я же механик, дядя Фонсо. Я на заводе выросла!

– Ох, – всплеснула руками его жена Симза, – бедная твоя мама!

– Почему? – удивилась Василиса, затягивая гайку на топливной трубке.

– Как она тебя замуж выдавать будет?

Васька аж ключ от неожиданности уронила. Она, конечно, считает себя почти взрослой (Скоро шестнадцать, совсем скоро!), но замужество представляется ей чем-то, что случается с другими. Тоже мне, повод для беспокойства! Потом, она слышала (Вовсе не подслушивала, нет!), как мама, смеясь, делилась с цыганкой:

– Да, Симза, она у нас девочка-маугли, воспитанная инженерами.

– Я слышала, вы были в плену в Коммуне!

– Ох уж эти слухи! – отмахнулась мама. – Нет, не в плену, на самом деле. Но мой муж работал на очень секретном заводе, мы жили с ним, это такое закрытое место... Локаль. Как отдельный маленький мир. Там, пожалуй, даже неплохо – у нас была большая квартира, отличное снабжение, нас уважали, и мы ни в чём не нуждались. Но, увы, детей там не было. Василиса выросла среди взрослых, и с машинами ладит лучше, чем со сверстниками. И почти ничего не видела, кроме чертежей, станков и механизмов.

– И вас оттуда не отпускали совсем?

– Раз в год на море. В отпуск. Но там никого не было, кроме нас и таких же отпускников. Купаться да загорать для пользы здоровья. Васька там даже скучала без своих любимых моторов!

– Мы бы так не смогли, – сочувственно вздыхает Симза. – Мы, цыгане, вольный народ! Наша жизнь – дорога!

– Вот и мы не смогли, – серьёзно отвечает ей мама, – как появилась возможность, сразу сбежали. И теперь, кажется, наша жизнь тоже дорога. На какое-то время, я надеюсь.

Автобус, в котором они теперь живут, – машина Фонсо и Симзы. Их дом, их транспорт, их имущество. Пожилая цыганская пара (с точки зрения Василисы все, кто старше мамы с папой, – старики) с радостью приняла их семью на время путешествия. Их дети давно выросли, обзавелись своими машинами-домами, кочуют сами. В автобусе салон разделён на три комнаты. Две – как каюты на корабле, маленькие, с откидными кроватями. Третья – сзади, общая, как гостиная или кают-компания. Васькин папа – бывший моряк, она привыкла всё называть по-морскому. Помещения украшены в оригинальном цыганском стиле: яркие краски, цветная бахрома, рисунки цветов и птиц, позолота и алый цвет. Сначала кажется, что глаза лопнут, но потом привыкаешь. У цыган так принято.

Туалета, ванной и кухни в этой квартире на колёсах нет. Захочешь писать – придётся останавливаться и присаживаться за колесом. Василиса с непривычки очень смущалась, потому что уединение при этом весьма относительное. Но деваться некуда – привыкла. Они уже неделю почти едут, нельзя же всё время терпеть. Утром встали, в реке умылись, на костре разогрели вчерашний ужин, ставший сегодняшним завтраком, прогрели моторы – и колонна тронулась. Потом глойти – цыганский колдун-проводник, старый узкоглазый азиат, морщинистый, пёстро одетый, и, как Василисе показалось, постоянно нетрезвый – прямо на ходу открывает путь. Машины ныряют в туманное марево Дороги, странного пространства-между-мирами, недолго едут там, потом выныривают, – а вокруг уже совсем другой мир. Так живёт «рома дрома», Народ Дороги. Перевозят товары, иногда – людей, как Василису с мамой и братом, но это не главное. Главное – нигде не останавливаться надолго.

Иногда весь день едут через новый мир, иногда – уже через десяток-другой километров снова на Дорогу ныряют. Хлоп – и всё другое. Сначала это интересно, потом утомительно.

Чаще всего миры пусты. В них когда-то была жизнь – с дороги видны заброшенные дома и посёлки, заросшие поля. На обочинах выпотрошенные заправки с откачанным предприимчивыми цыганами топливом, асфальт (где он есть) покрыт пылью и прошлогодней листвой. Йоска, с важным (и очень взрослым!) видом объясняющий Василисе, как устроен Мультиверсум, рассказал, что это старый караванный маршрут. Тут ничего интересного нет, всё давно нашли и к делу приспособили. Зато безопасно. А если в сторону свернуть – то всякие чудеса случаются. Василиса спрашивала, какие именно, но Йоска каждый раз уходит от ответа. Вскоре она поняла, что рассказать ему нечего. Хотя цыгане – народ бродячий, но кочуют они обычно одними и теми же путями. В сторону свернуть – там неизвестно что будет, может, и не выберешься. «Мультиверсум – опасное место!» – значительно повторил Йоска чьи-то слова.

– Не так уж вы, выходит, много и видите, – сказала Василиса разочарованно. – Одну Дорогу.

– А вот и нет! – обиделся Йоска. – Вот стану взрослым, заведу свою машину, смогу к любому табору примкнуть. Все по разным маршрутам ходят, всякое видят.

– А без табора никак?

– Если ты не глойти – никак, – признался он. – Кто тебе проход откроет? К этому способности иметь надо. А ещё зоры.

– Зоры? Что это?

– Это такие штуки... Как тебе объяснить... Небольшой такой цилиндрок, а в нём энергии море. На машине глойти стоят такие штуки, которые открывают путь, в них они вставляются.

– А! – догадалась Василиса. – Это ты про акки и резонаторы? У меня есть акк в УИне, универсальном инструменте. А резонаторы я на заводе видела.

Девочка достала из поясного чехла устройство, похожее на металлический фонарик, только вместо линзы на его торце торчит пирамидка из сходящихся чёрного и белого клиньшков.

– Ты что! – испугался вдруг Йоска. – Убери сейчас же! И никому не показывай никогда!

– Почему?

– Ты знаешь, сколько стоит такая штука?

– Не знаю. В Коммуне у каждого техника УИн был.

– Достаточно, чтобы вас за него убили. Кто угодно и где угодно. Не знаю, как там в Коммуне, про неё много всякого врут, но даже один зор или как ты там его назвала?

– Акк. От «аккумулятора».

– Так вот, даже если продать все наши машины, все товары и всех людей в рабство – и то на один зор не наберётся. У нас есть зоры, но ими распоряжается баро. Я не знаю, сколько их, это секрет, но это самая большая ценность табора. Нет зоров – не выведешь машины на Дорогу, так и застрянешь в одном мире навсегда!

– И что, могут отобрать?

– Ты откуда взялась такая дурная? – удивился Йоска. Вспомнил, что он взрослый, выругался и сплюнул. – В Мультиверсуме полно плохих людей!

Василиса, конечно, знает, что не все люди хорошие. Но последние несколько лет её жизни прошли в Коммуне, обществе совершенно безопасном. Там её окружали, в основном, коллеги отца – техники и инженеры, электрики и механики. Кто-то из них ей нравился, кто-то – не очень, но опасаться она не привыкла. Максимум агрессии, с которой ей приходилось сталкиваться, это: «Кыш, малявка!» Обидно, но совершенно не опасно. Поэтому Йоска, хотя и младше, прав – Василиса девочка умная, но немного наивная. Не ждёт от людей плохого, а оно, увы, случается.

К полудню табор Малкицадака вдруг начал замедляться, машины сбросили скорость, загудели сигналы.

– О! – оживился сидящий за рулем Фонсо. – Кажись, прибыли!

– Куда это, что это? – заволновался Лёшка.

– Большой придорожный рынок, – объяснила Симза. – Мы сюда часто заезжаем. Продаем всякие штуки, покупаем всякие штуки.

– Можно нам посмотреть, мам, можно? – Лёшка аж запрыгал. Ему ужасно наскучило целыми днями смотреть в окно на дорогу.

– Симза, это не опасно? – спросила мама.

– Нет, Свет, если не уходить с рынка. Пусть побегают детишки, разомнут ноги.

Василиса не обиделась на то, что её причислили к «детишкам», – для тёти Симзы даже её мама недостаточно взрослая.

Пока автобус заруливал на парковку – обширное пустое пространство, обнесённое высокой металлической сеткой, – цыгане уже высыпали из своих машин, создав по обыкновению пёструю шумную толпу, которая быстро рассосалась по рынку. Но Йоска дождался Василису с Лёшей у двери.

– Пригляжу за вами! – сказал он солидно. – Я тут уже был.

Такой рынок Василиса видела впервые. Товар в основном разложен на земле, на расстеленных тряпках, на самодельных корявых столах, рассыпан по ящикам. Торговые места в лучшем случае укрыты от солнца выгоревшими тентами из драной ткани на палках, но чаще просто под открытым небом. Часть товара – продукты сельского хозяйства: фрукты и овощи, грязная картошка, укрытое марлей от мух мясо, много сушёной рыбы. Часть – детали для машин: колёса, масло, фильтры, шланги, прокладки и прочие расходники. Часть – совершенно неизвестные Василисе предметы непонятного предназначения: сложные устройства, более всего похожие на запчасти для больших механических кукол, какие-то колёсики и шестерёнки, электронные блоки с необычными разъёмами и непонятными надписями. Это было очень интересно, но куда необычнее выглядели сами продавцы. Васька то и дело дёргала Лёшку

за руку и шипела: «Не пялся так! Это невежливо! И пальцем не показывай! Вот если бы на тебя все пальцами показывали, тебе бы понравилось?»

Здесь торговцы – люди как люди. Смуглые, темноглазые, вполне приветливые, радостно, но без навязчивости приглашающие их к своим прилавкам. Но это «в целом». Потому что целых среди них почти нет. Почти у каждого чего-то не хватает. У кого руки, у кого ноги, у кого глаза, а у многих отсутствуют несколько частей тела разом. При этом они совершенно не выглядят несчастными, а недостающие конечности заменены сложными механическими протезами. Стальные ноги на пружинном приводе, целые руки из покрытых пластиком пространственных конструкций, механические кисти с пальцами из полированных алюминиевых сегментов.

Вот девушка, продающая умопомрачительно пахнущие пирожки. Очень симпатичная, красивая даже. Василиса успела ей немножко позавидовать, а потом та повернулась, открыв правую половину лица – металлическую полумаску, зеркально повторяющую левую, живую сторону. В стальной блестящей глазнице – объектив камеры, с лёгким жужжанием сфокусировавшийся на Лёшке. Тот аж застыл, раскрыв рот.

– Какая красивая! – сказал он неприлично громко. – Она внутри железная или настоящая?

– Лёш, ну что ты! – укоризненно одёрнула его сестра.

Девушка засмеялась левой частью лица, правая, металлическая, сохранила своё блестящее спокойствие. На полированной скуле – изящная геометрическая гравировка с чёрным травлением.

– На! – она протянула Лёшке пирожок. – Вкусно!

– Простите, у нас нет денег... – сказала Василиса.

– Не надо деньга. Кусай, малсик. Ты тозе красивый. Будес, когда вырастес! – и она снова засмеялась, весело и открыто, хотя железная половина лица выглядит немного пугающе.

– Что надо сказать? – пихнула Васька схватившего пирожок Лёшу.

– Ой, спасибо, железная тётя!

– Я не вся железная, только немножко! – засмеялась она. – Литсо, цуть-цуть рука.

Девушка звонко постучала по стальной щеке металлическим пальцем. На правой руке мизинец, безымянный и средний – живые, обычные пальцы, с аккуратно остриженными короткими ногтями, покрашенными перламутровым лаком. А указательный и большой – из полированных бронзовых деталек, с искусно фрезерованными суставами на заклёпанных осях.

Василисе очень хотелось подробно рассмотреть, как искусственная половинка кисти сопрягается с живой, и как именно эти пальцы двигаются, но было как-то неловко. Она поблагодарила продавщицу и пошла дальше за убежавшим вперёд Йоской, потянув за собой замешкавшегося брата. Тот пошёл нехотя, постоянно оглядываясь на «красивую железную тётю», которая смеялась и махала им вслед.

Внезапно, приглядевшись к незнакомому товару, Васька поняла – это не детали больших кукол. Это детали людей!

– Давайте сюда, – нетерпеливо позвал их Йоска, – тут интересное!

Возле самой большой на рынке полосатой палатки столпился чуть ли не весь табор. Цыганские старшины, главы родов – все, как один, бородатые, пузатые, в алых рубахах и золоте везде, включая рот. Молодые цыгане, предпочитающие бородам усы и ещё не сменившие собственные зубы на золотые. Цыганки всех возрастов – пёстрые и крикливые, как тропические птицы, звенящие развесистой бижутерией и трясущие многослойными юбками. Цыганская детвора – от босых ободранных ребятишек, пыльных и чумазных без различия полов, до подростков у которых мальчишки строго отдельно от девочек.

У Василисы с ними общение не сложилось. Цыганские мальчишки стараются казаться взрослее, чем они есть, из-за чего ведут себя ужасно глупо. За девочками они либо очень нелепо и навязчиво «ухаживают» – это выражается в криках издали: «Эй, красотка, дай поцелую!» – и в провожании залившимся свистом, – либо демонстративно игнорируют, если ухаживания не принимаются. Просто поговорить – нет, никак. «Кто же с женщинами разговаривает?» Хорошо, что Йоска для этого слишком мал, болтлив и любопытен.

Цыганские девочки болтают только о том, чем накраситься, во что нарядиться, у кого сколько украшений и каких. И ещё о мальчиках. Кто за кого замуж пойдёт. Цыганок выдают замуж рано, Васькины ровесницы – уже все сосватаны, причём иногда их даже не спрашивают, нравится ли им жених, а то и вовсе знакомят с будущим мужем только на свадьбе. На Василису они смотрят со смесью зависти и жалости. Зависти – потому что ей не надо срочно выходить замуж, немедленно рожать выводок детей и дальше всю жизнь заниматься только хозяйством. Жалости – потому что такую девушку замуж, конечно, ни один нормальный цыган не возьмёт. Не красится, не наряжается, золота не носит, ходит в штанах, как парень, возится с железками, как парень, разговаривает, глядя в глаза, как парень... Кому такая жена нужна?

Не то, чтобы Василиса сидела этакой букой и вовсе не общалась со сверстницами, но воспринимали они друг друга со взаимным недоумением. Васька не понимала, что интересного в том, чтобы выйти замуж – это же скучно! А цыганки – как она может прилюдно ковыряться в моторе автобуса – это же неприлично!

Собравшаяся у палатки толпа что-то бурно обсуждает, но Василиса пока плохо понимает по-цыгански. Нахваталась немного слов, но когда все говорят быстро, экспрессивно и одновременно, то ничего не понять.

– Что там, Йоска? – спросила она у цыганёнка.

– А, дяде Тамашу руку сделали!

– А зачем?

– Ах, ты же не знаешь! – Йоска преисполнился превосходства и сплюнул, чтобы подчеркнуть, какой он взрослый. – Дядя Тамаш полгода как руку потерял.

– В смысле? Как можно потерять руку? Шёл-шёл, споткнулся – и потерял? Или в кафе забыл?

– Почти! – засмеялся Йоска. – Только не в кафе, а в баре. Напился там пьяный и пошёл в табор. А зима была, ночь, метель – он заплутал и в сугробе уснул. Правая рука в рукавице была, ей хоть бы что, а левую, без рукавицы – отморозил так, что пришлось отрезать чуть не по локоть. А то бы умер. Вот и выходит – «руку потерял».

– Понятно. А теперь что, нашёл?

– Ага. Мы тут четыре месяца тому проходили, скинулись всем табором и заказали ему новую. Мерку тогда с культи сняли. А теперь она готова уже, пришли забирать. Тут умеют протезы делать, да ты уж видела, небось.

– Да, – согласилась Василиса, – увидела. Хотя не поняла, почему они все...

– Смотри, смотри! – перебил её Йоска. – Вон Тамаш!

Тамаш – худой усатый цыган лет тридцати – идёт, сопровождаемый женой и детьми. Руки ниже локтя у него действительно нет. Василисе показалось, что выглядит он не столько счастливым, сколько испуганным. Но бодрится, делает вид, что ему всё нипочём. Цыгане всегда так делают, им очень важно, что о них подумают другие цыгане. (На то, что про них думают гаджо[3], цыганам плевать.)

У палатки его встретил местный – не то торговец, не то врач. В белом, но не очень чистом халате, стоящий на механических, очень искусно сделанных ногах, блестящих полированным металлом. На его лице вместо верхней части, над носом – стальная вставка с целым букетом камер, а глаз и вовсе нет. Василиса увидела, как левый блок камер с жужжанием повернулся, сменив длиннофокусный объектив на широкий. Ниже носа осталось обычное лицо пожилого

мужчины с аккуратной седой бородкой, а вот выше человеческого лба с кустистыми бровями волос нет, череп сверху покрыт металлической гнутой пластиной.

Мужчина жестом пригласил Тамаша внутрь, и оказалось, что рука его тоже механическая, но почти неотличимая от настоящей – покрыта пластиком в цвет кожи. Можно было бы спутать – если бы не отстоящая от предплечья, присоединённая сложным разъемом кисть. Василиса сразу подумала, что она, наверное, сменная. Может быть, одна у него чтобы здороваться, другая – чтобы операции делать, если он, конечно, и правда, врач. А может, ещё третья есть какая-нибудь. На гитаре, например, играть. С медиаторами вместо ногтей. А что? Удобно!

Тамаш побледнел, покачнулся, но жена поддержала под локоть, и он взял себя в руки. Кивнул местному и прошёл внутрь палатки. Мужчина с камерами на лице протянул вперёд свою механическую руку, повернув её пластиковой ладонью вверх. Из толпы цыган важно вышел дядя Малки – баро Малкицадак. Он положил на эту ладонь небольшую коробочку. Врач второй рукой осторожно открыл крышку. Камеры на его лице зажужжали, меняя оптику, но Василисе не было видно, что он там рассматривает.

– Здесь цена без анестезии, – сказал врач.

– Он будет терпеть, – сказал Малки, – у нас больше нет.

– Как хотите, – ответил тот равнодушно. – Но нервы приращивать будет больно.

– Потерпит, – повторил Малки.

Врач закрыл коробочку, убрал в карман, развернулся и механическим шагом ушёл в палатку. Ноги его издавали при каждом шаге негромкое шипение и пощёлкивание.

– Как ты думаешь, Тамаш будет орать? – спросил Йоска Василису.

– Даже думать об этом не хочу! – отмахнулась она. – Пошли отсюда, на товары посмотрим.

Тамаш орал так, что слышно было по всему рынку. Орал, как будто руку ему не приделывают, а отпиливают. Медленно, тупой пилой. Продавцы поворачивали головы на звук, переглядывались и понимающе кивали. Василиса теперь смотрела на их товары без интереса – всё удовольствие испорчено. Детали протезов выглядят очень любопытно и с инженерной точки зрения весьма интересно устроены, но под вопли Тамаша воспринимаются иначе. Если руку приделать так больно, то каково было девушке с половиной лица?

Через час Тамаша вывели из палатки под руки две местных женщины. Обе с пластиковыми белыми масками вместо лиц. Красивыми, но совершенно безжизненными. Цыган был бледным, как бумага, мокрым от пота и еле стоял. Его сразу подхватила жена и поддержали дети. Тамаш, кое-как утвердившись с их помощью на подгибающихся ногах, торжественно поднял вверх левую руку. Ниже локтя нестерпимо сверкало настоящее цыганское великолепие – золотой протез. Полностью повторяющий форму руки, идеально прилегающий, скрывающий в себе уродливую культю. Тамаш гордо и звонко щёлкнул механическими пальцами, показывая, что протез его слушается.

– Ого, – сказала Василиса, – она же тяжёлая, наверное. Такой кусок золота!

– Не, – пренебрежительно ответил Йоска, – я слышал, как они торговались тогда. Там золота вообще нет, просто покрытие из чего-то похожего. Нитрат какой-то.

– Нитрид, может быть? Нитрид титана?

– Во, да, он.

– Ух ты! – нитрид титана впечатлил Василису куда больше, чем золото.

Золото что? Металл мягкий, тяжёлый и бестолковый. Только что не окисляется. То ли дело нитрид титана! Им даже режущие кромки инструмента покрывают, такой он прочный.

Тамаша отвели в его машину – старый военный КраЗ, который превратили в настоящую кибитку, установив на раму за кабиной расписной сарай из дерева и ткани. Караван начал собираться в дорогу – тащили с рынка последние товары, доторговываясь на ходу, пихали в кузова мешки и коробки, договаривались о будущих сделках на следующий визит, планировали поставки. Некоторые уже прогрели моторы, чадя густым солярным выхлопом, – Василиса немножко погордилась, что автобус дяди Фонсо теперь почти не дымит. Разве что синим масляным дымком немножко, но это надо поршневую посмотреть, не в дороге же.

– Вась, а где Лёша? – спросила её мама.

– Ой, и правда... Вот только что со мной был!

– Ну Вась, разве так можно? Это же твой брат!

– Сейчас, мам, буквально минута! Он не мог далеко уйти! – Василиса опрометью бросилась обратно на рынок и побежала по рядам, оглядываясь.

– Мальчик? Не видели? – спросила она у девушки с половиной лица.

– Красивый? – засмеялась та. – Туда посол!

Василиса бросилась в указанную сторону.

Лёшка нашёлся возле ограды парковки, то есть совсем недалеко от каравана – но с другой стороны забора.

– Тссс! Тихо! – зашипел он на Василису. – Гляди!

Она выглянула за угол.

– Это Злодеи! – убеждённо сказал Лёшка. – Бандиты или пираты!

– Меньше мультики смотри, – сказала Василиса, но кучкующиеся неподалёку от выезда люди тоже показались ей подозрительными. Во-первых – машины. Не грузовые с прицепами, как у торговцев, и не жилые автобусы, как у цыган. Одинаковые бронированные внедорожники незнакомой модели, плюс странный многоколёсный броневик, весь утыканный антеннами. Во-вторых – люди. Все одинаково одеты, в какую-то форму и пластиковые на вид кирасы. Все с оружием. У цыган тоже оружие есть, в каждой машине ружьё или даже автомат. Но они никогда не ходят с ним, держа в готовности, как эти. Но самое подозрительное – люди рассматривают готовящийся к отправлению табор в современные цифровые бинокли, на что-то другу другу показывают и переговариваются.

Группа машин стоит недалеко от стоянки, но на неё не заезжает, значит, рынок им не нужен. Так что же им нужно?

– Пойдём, – потянула Василиса Лёшку, – пора ехать.

– А как же Злодеи? – разочарованно заныл он.

– Расскажем о них дяде Фонсо. Он знает, что делать.

– Ну, Ва-а-ась...

– Бегом!

Пока добежали до стоянки, оббегая длинный забор, машины уже потянулись на выезд. Их автобус стоит с раскрытой дверью, рычит мотором, мама изнутри сигналил руками: «Быстрее, быстрее!»

Василиса, таща за руку Лёшку, опрометью помчалась через опустевшую парковку. Отставать нельзя, важно, чтобы табор шёл плотной колонной, не растягиваясь, тогда глотти может спокойно утащить за собой все машины.

И тут с дороги послышались выстрелы.

Наперерез головным машинам колонны выскочили из-за поворота те самые внедорожники. Кто-то стрелял в воздух, видимо, требуя остановиться. Но цыгане не стали останавливаться: передняя машина, которая оборудована резонаторами и на которой едет глойти, прибавила ход и замерцала, уходя на Дорогу. Одновременно замерцали, как будто по ним побежала цветная рябь, остальные машины каравана. Василиса впервые видела переход снаружи, и это оказалось очень красиво. Она успела разглядеть, как кричит что-то неслышное напуганная мама, а потом табор исчез. Дети остались одни на пустой парковке, а внедорожники с нападавшими умчались куда-то вдаль.

– Мама! Мама! – закричал осознавший масштаб бедствия Лёшка. – Мама! Вернись!

Он сорвался с места и побежал вслед исчезнувшему каравану, да с такой скоростью, что Василиса его догнала уже далеко за оградой рынка.

[1] Заломай тебя чёрт (цыг.)

[2] Пошли домой (цыг.)

[3] Нецыгане.

Глава 2. Девочка с железной рукой и гусеничный дед

– Они уехали, уехали! – рыдал брат. – Они нас бросили!

– Успокойся, – прижала его к себе Василиса, – это вышло случайно. На караван напали, глойти увёл его на Дорогу, а что мы не успели сесть, он никак знать не мог.

– Это я винова-а-ат! – зарыдал ещё сильнее Лёшка.

– Нет, ты не виноват, – слегка покривила душой Василиса.

На самом деле, если бы Лёшка не вообразил себя разведчиком и не кинулся выслеживать злодеев, то они бы сейчас преспокойно ехали с мамой в автобусе, а проблемы решали бы взрослые, как им и положено. Но взрослой вдруг оказалась сама Василиса, а значит, надо, как говорит в таких случаях папа: «Поддерживать моральный дух вверенного подразделения». То есть Лёшки.

– Ни в чём ты не виноват. Просто так вышло. Как там выражается дядя Зелёный?

– Говно случается! – охотно процитировал Лёшка главного механика.

– Вот именно.

– Они же вернутся за нами?

– Обязательно. Но не сразу.

– Почему не сразу?

– Потому что по Дороге можно ехать только в одну сторону, дядя Фонсо объяснял. Нельзя просто так развернуться и попасть назад. В общем, им потребуется время.

– Час? Или больше?

– Боюсь, не один день... – вздохнула Василиса.

– Ну-у-у, – Лёшка расстроился и снова пустил слезу.

– Не реви. Пойдём обратно на рынок. Может, та девушка с железным лицом нам что-то подскажет. На вид она добрая.

– Ага, – подтвердил мальчик, – и пирожок вкусный.

Они побрели обратно, удивляясь, как далеко успели убежать.

– Ой, смотри! Игрушка валяется! Кто-то уронил! – Лёшка показал на обочину.

Там в пыли и мусоре лежит совершенно чистенькая, совсем новая на вид плюшевая зверушка. Не то хвостатый зайчик, не то длинноухая белочка. Оранжевая, яркая, вся такая жмякательная даже на вид. Такую игрушку так и хочется потискать, погладить, прижать к себе, утащить и сделать самой любимой. Спать с ней в обнимку.

– Наверное, кто-то из нашего каравана обронил, – сказала Василиса, – смотри, она даже не запылилась, совсем недавно лежит.

– Давай подберём! – тут же предложил Лёшка. – А когда за нами вернутся, спросим, чья!

Он подбежал к игрушке и уже протянул руку, когда сзади кто-то заорал: «Нет! Не трогай!» Мальчик так и застыл на полушаге с протянутой рукой.

– А ну, отошёл быстро! Вы что, с ума сошли?

У придорожных кустов стоит девочка, примерно ровесница Васьки. Они даже чем-то похожи – обе курносые, зеленоглазые, светловолосые. Но эта одета в драную жилетку поверх ещё более драной майки, грязные военные штаны и стоптанные ботинки, а лицо её густо перепачкано копотью. Причём, судя по следам от пальцев, копоть эта наносилась специально. На правом плече у девочки здоровенная железяка, похожая на насаженную на стальную трубу алебарду, к которой зачем-то прикрутили сложное электрическое устройство. А ниже левого плеча у неё короткий кусок руки, к которому приделан грубый протез.

Василиса насмотрелась уже протезов на рынке, но этот совсем другой – некрасивый, примитивный, склёпанный вручную из кривых и местами ржавых обрезков металла, кое-как подогнанных друг к другу. Прямо поверх идут кабели в металлической гофре и блестят штоки гидроприводов. Совсем не похоже на изящные сложные изделия, которые носят рыночные продавцы.

– Что уставились? – грубо спросила девочка. – Вы рехнулись совсем – с обочины тоймины хватать?

– Что хватать? – переспросила Василиса.

– Да на такую откровенную тоймину даже грудной ребёнок бы не повелся! Вы откуда взялись вообще?

– От каравана отстали.

– Божечки-кошечки... То есть, вы вообще не в курсе, да?

– В курсе чего?

– Смотрите. Да отойдите подальше же!

Василиса с Лёшкой послушно сделали несколько шагов назад, отдаляясь от игрушки. Девочка ухватила механической рукой висящие на шее защитные очки, не с первой попытки натянула их на лицо – точность работы грубых пальцев протеза оставляет желать лучшего. Затем вытянула свою железяку как можно дальше, протянула лезвие к игрушке и нажала кнопку на древке. Электрическое устройство на конце щёлкнуло разрядом, и яркая зайцебелочка хлопнула взрывом, разлетевшись в пушистые клочья. Только небольшая воронка осталась.

– Она её убила! – возмущённо завопил Лёшка, но Василиса уже поняла.

– Это что, мина была?

– Тоймина, мина-игрушка. А вы думаете, как я руки лишилась? – она пощёлкала железными пальцами протеза.

– Но зачем? Кто? Как? – возмутилась Васька. – Ведь дети же могут... Ой.

– Поняла? – кивнула девочка.

– Они что, специально, для детей?

– Именно. Местные давно уже ничего с земли не поднимают, а я была как вы – потерялась, отстала. Хватанула такую – и вот.

Она снова пощёлкала пальцами протеза. Большой палец заклинил, оттопырившись в сторону, ей пришлось постучать по древку алебарды, чтобы вернуть его обратно.

– Чёртова железяка, – сказала она в сердцах.

– Давай гляну, – предложила Василиса. – Я механик.

Девочка молча вытянула в её сторону протез, как будто предлагая поздороваться. Васька взялась за кисть и подвигала пальцы.

– Ось подклинивает. И вот тут привод тоже... Это из-за износа сальника. Пыль и песок попадают на смазку, вон как шарнир поеден. Ну и вообще, так себе сделано, халтурненько.

– У меня, знаешь, денег не вагон, чтобы заводской протез брать. Во всяком случае, сейчас, пока я ещё расту – их же менять приходится. Коплю понемногу, как вырасту – закажем постоянный.

– Я могу этот подогнать и отрегулировать, ось поменять, сальник... Но не на дороге. Нужен верстак, инструмент, запчасти.

– Пойдём.

– Куда?

– На рынок. Вы же от каравана отстали?

– Да, так внезапно всё случилось...

– Попробую вам помочь. Но ничего не обещаю!

– Спасибо!

– Пока не за что. Меня, кстати, Мирена зовут.

– Меня Васькой. Ну, то есть, Василисой. А это Лёшка, Алексей, брат мой.

– И откуда вы взялись на мою голову?

– Мы с цыганским табором ехали, пассажирами, – объясняла Василиса, пока они шли обратно на рынок. – А потом вдруг какие-то люди на машинах, стрельба, караван раз – и ушёл. А мы не успели. Там мама осталась. Она, наверное, переживает.

– Надо думать, – согласилась Мирена. – Я бы переживала.

– А твоя мама где? – спросил Лёшка.

– Не знаю, – нахмурилась девочка. – Я тут уже пять лет, а она за мной не вернулась. Может быть, что-то случилось, а может... Не знаю. Мультиверсум – опасное место.

– Я думаю, она тебя ищет, – сказала Василиса. – Может быть, она не знает, где именно ты потерялась?

– Может быть, – вздохнула девочка, – я уже плохо помню, давно было дело.

– И ты с тех пор совсем одна?

– Нет, с дедом. Ну, то есть, он не настоящий дед, просто он меня приютил, и я его так называю. Он неплохой, хотя... Ну, сама, в общем, увидишь.

– Мири, кого ты притащила? – раздражённо спросил возвышающийся из-за прилавка старик. – Они не похожи на покупателей.

– Завянь, дед, – неожиданно грубо ответила девочка, – зачем тебе покупатели? Тебе всё равно нечего им продать. Этот убогий хлам даже на помойку вынести стыдно.

На прилавке, составленном из нескольких серых патронных ящиков (дочь военного моряка, Василиса прекрасно знает, как они выглядят) действительно валялся всякий ржавый хлам: обломки непонятных приборов, поломанные инструменты, ржавые детали, разбитые механизмы и так далее. Это действительно не было похоже на успешный ассортимент.

– И кто же в этом виноват? – мрачно спросил старик. – Может, некая юная сталкерша, которая уже месяц не приносит ничего толкового?

– А может, некий вредный старикан, от которого она не может отойти дальше, чем на полдня ходу, потому что он стал чёртовой недвижимостью? Что я тебе найду за полдня? Вокруг рынка всё давно зачищено, один мусор...

– Вот почему ты мне всё время хамишь, Мири?

– Потому что у меня переходный возраст.

– Откуда куда?

– Не скажу. Ты не любишь, когда я ругаюсь. А что ещё я могу сказать, когда ты отказываешься менять платформу?

– У нас нет денег!

– У нас есть деньги, старый ты пень!

– Это деньги тебе на протез! Ты хочешь всю жизнь проходить с этой ржавой раскорякой?

– А ты хочешь всю жизнь иметь запас хода в десять метров?

– У тебя вся жизнь впереди, дурочка! А у меня – позади!

– Позади у тебя только задница, старый хрен! Которую ты уже с трудом дотаскиваешь до сортира!

– А чего они ругаются? – громко спросил Лёшка.

– Простите, молодые люди, – сказал старик. – Тяжёлый день. Меня зовут Брэн Карлсон.

– Карлсон? Как в книжке? – удивился мальчик.

– Да, как в книжке, – рассмеялся старик, и Василиса внезапно поняла, что не такой уж он и старый. Вряд ли намного старше папы. Просто пыль и солнце наложились на его лице на множество мелких шрамов.

– И раз ты знаешь эту книжку, то вы точно не здешние, – продолжил Брэн.

– Я Василиса, это Лёшка, и мы отстали от каравана.

– Это по вашему каравану стреляли, да?

– По нашему. Он ушёл, а мы...

– А у вас тоже моторчик есть, раз вы Карлсон? – спросил Лёшка.

– Лёш, ну что ты несёшь? – Ваське стало за него стыдно.

– Ничего, юная барышня, мальчик прав, – улыбнулся Брэн, – моторчик у меня действительно есть.

Что-то загудело, заскрипело, защёлкало – и Василиса поняла, почему продавец так странно движется за своим прилавком. Ниже пояса вместо ног у него оказалась железная платформа на небольших треугольных гусеницах.

– Говно у него моторчик, – грубо сказала Мирена. – И привод не тянет, и батарея ресурс выработала. А он не хочет её менять на новую.

– Я уже говорил, у нас...

– Нет денег, я слышала. Не начинай снова. Ты знаешь, что я думаю по этому поводу. Потом доругаемся, надо ребятам помочь. Мы с Василисой пройдемся поспрашиваем насчёт попутки, посмотри за пацаном, ладно? А то он чуть тоймину не хватанул.

– Вечно ты подбираешь потеряшек... – вздохнул Брэн.

– А ты?

– И я.

– Дед и сам когда-то потерялся, – рассказывала Мирена, – очень давно, он ещё молодой был. Поэтому, наверное, мне помог. Теперь я ему помогаю – сталкерствую понемногу.

– Это как?

– Копаюсь в руинах, нахожу всякий хлам, тащу ему. Он продаёт. Заработок так себе – и денег чуть, и опасно. Но что делать, жить-то надо? Продукты дорогие очень, потому что все поля заминированы наглухо, без минного трала ни посеять, ни собрать... А теперь у него сломалась платформа, и он козлится. Я его не могу надолго оставить, как он без ног-то? А он не хочет тратить те деньги, что на мой протез отложены. В результате мы совсем без денег сидим, скоро жрать нечего будет. Старый упрямый пень!

– Он тебя любит, – сказала Василиса.

– Я знаю. Я тоже... Привыкла к нему, да. Но тупик же! А, ладно, не бери в голову, не твоя проблема. Давай попробуем решить твою.

– Ты что-то говорила про «попутку»?

– Ты вообще насколько в курсе про Дорогу?

– Ну, не очень, – призналась Василиса. – Что-то мне наш штурман, дядя Артём рассказывал, что-то цыгане. Вроде как Дорога идёт между мирами, и через неё можно попасть куда угодно...

– Не куда угодно, – помотала головой Мирена, – всё сложнее устроено. Говорят, что любая дорога в любом из миров Мультиверсума – это проекция Великой Дороги, которую в незапамятные времена проложили Основатели и поддерживают Хранители. Она существует благодаря древним маякам, которые питают её энергией. Но это теория. Практически важно то, что с любой обычной дороги можно выйти на Великую Дорогу – но только если есть способности или оборудование.

– Это я знаю! – подтвердила Василиса. – Нужны резонаторы, нужны источники энергии – аккумуляторы, цыгане называют их «зорами». А ещё нужен глойти, но я не очень понимаю зачем.

– Смотри, если у тебя есть, к примеру, машина с установленными на ней резонаторами, то ты можешь выехать на ней на Дорогу. Для этого никаких специальных способностей не надо, чистая техника. Но резонаторы – страшная редкость, никто не знает, как их делать, они все древние ужасно.

– Да, такие на волантере стоят. Он тоже супердревний.

– Ты знаешь про волантеры?

– Ха! Я механик с волантера!

– Серьёзно? Врёшь же! Никто не видел действующий волантер лет сто, наверное!

– А вот и не вру! Я на нём ходила! Мой отец – его капитан! А я его механик... Младший механик, – со вздохом уточнила она.

– Ого! – восхитилась Мирена. – Откуда же он взялся?

– Он много-много лет стоял в ангаре, всеми забытый. А наша команда его нашла и починила[1]. Ну... Почти починила, там ещё кой-чего не хватает, но он летает. Только теперь без меня.

– Не переживай, может, решим твою проблему. Так вот, про резонаторы. Если бы на каждой машине каравана стояли резонаторы, то глойти были бы не нужны. Но резонаторов мало, зоры для них адски дорогие, поэтому они только на головной машине. Глойти может за ней утащить остальные. Он как бы соединяет караван в одно целое – машины, груз, людей. Это редкая способность и очень тяжёлая работа. Поэтому они все слегка тронутые. Или не слегка. И тут вот такая штука – чем нахоженнее маршрут, тем проще глойти вести по нему караван. Если он начнёт наугад скакать из мира в мир, то у него, наверное, мозги из ушей от натуги вытекут. Поэтому караваны идут как бы по кольцу, всё время в одну сторону, и стараются никуда не сворачивать. Понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – кивнула Василиса. – Они за нами не вернуться.

– Именно. Это же табор Малкицадака?

– Да.

– Один из самых больших караванов. Он идёт от Чёрного Города до Центра Мира, а оттуда снова в Чёрный Город. Но туда он идёт одним путём, а обратно – другим. По кругу. Обходят по пути максимум срезов – так проводники называют разные миры Мультиверсума, уж не знаю почему.

– Я знаю, – сказала Василиса, – нам в Коммуне рассказывали. Мультиверсум является многомерным фракталом единого Первомира, а каждый мир в нём – трёхмерная проекция этой многомерности. Это как взять, ну, не знаю, картофелину и нарезать её такими тонкими ломтиками, что у них вообще не будет толщины, только площадь. Это будут двумерные срезы трёхмерной картошки. А мир, в котором мы сейчас, – трёхмерный срез четырёхмерного Мультиверсума, понимаешь?

– Про срезы понимаю, – вздохнула Мирена. – Но что такое эта чёртова «картошка»?

– Корнеплод, – удивилась Васька, – съедобное растение, в земле растёт. Я думала, она везде есть.

– У нас тут с выращиванием чего-нибудь в земле сложности. Мин слишком много. О, вот и пришли.

На пустой площадке в центре рынка стоят несколько столиков уличного кафе и большая школьная доска, закреплённая на столбе. Доска разграфлена в виде таблицы, заполненной сделанными мелом записями.

– Привет, Мири! – обрадовался стоящий рядом паренёк. – По делу или просто решила меня повидать?

– Отстань, Керг, – отмахнулась девочка. – Я просто глянуть.

Парень, ничуть не смутившись, отряхнул с рук мел и протянул правую Василисе.

– Я Кертиран, маклер-логист.

– Я Василиса. Механик с волантера. Младший механик.

– Круто. Наверное, – рука его оказалась твёрдой и холодной, а пожатие сильным и механическим.

Василиса поняла, что это тоже протез, только очень тщательно сделанный, почти неотличимый от настоящей руки. А вот нижняя часть лица и шея – как будто небрежно отштампованы из серого пластика.

– Логист-пофигист, – фыркнула Мирена, – не обращай внимания, Вась. Он просто мелом на доске записывает, кто куда едет.

– Это и есть логистика, Мири. Знать, кто, куда, когда и с каким грузом. Если бы это ничего не стоило, я бы тут не стоял.

– А что бы ты делал?

– Не знаю. Может быть, таскался бы по помойкам в поисках ржавого хлама, как ты?

– Иди к чёрту, Керт. На меня твои детские подначки не действуют.

– Ещё как действуют. И да, моё предложение всё ещё в силе.

– Обойдусь. Лучше скажи, идёт ли кто-то сегодня в сторону Центра по основному маршруту.

– Зачем тебе? Неужели наша Мири собралась наконец прогуляться куда-то кроме заминированных руин?

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу оставить деда. Просто Василиса с братом отстали от табора Малкицадака. Я ищу кого-то, кто идёт тем же путём и берёт пассажиров.

– О как... – озадачился Керт. – Сейчас гляну...

Он пробежался взглядом по доске раз, другой, потом пожал плечами.

– Сегодня никого.

– А когда?

– Завтра планировали быть звероловы. Они с Эрзала идут. Не до самого Центра, но с Малкицадаком им по пути. У них караванчик крошечный, движется быстро, должны догнать.

– Они возьмут попутчиков?

– Без денег?

Мирена промолчала, только нахмурилась мрачно.

– Без денег – только если я попрошу.

– А ты попросишь?

– А что мне за это будет?

– А чего ты хочешь?

– Ты знаешь.

– Облезешь, – сердито сказала девочка, – и неровно обрастёшь.

– Ладно, ладно. Должен же я был попробовать. Просто так попрошу. За одно свидание.

– За что?

– Свидание, Мири. Это, знаешь, когда мальчик и девочка идут вместе в кафе. Там они разговаривают, едят мороженое. Потом можно пойти в кино и там сидеть. Может быть, держась за руки. Но я не настаиваю, у тебя такой стрёмный протез...

– Керт!

– Да ладно, ну давай сходим, правда. Я же не замуж тебя зову.

– Ещё не хватало!

– Завтра новый фильм обещали привезти. Не знаю про что, но какая разница? Зато новый.

– Блин, – сказала Мирена с досадой, – ладно. Только ради Василисы!

– Разумеется, – закивал Керт, расплываясь в улыбке, – только ради неё!

– Ты ему нравишься, – сказала Васька, когда они отошли подальше.

– Я догадалась, блин. Не тупая.

– А он тебе?

– Ну... Так. Сложно всё.

– Он ничего. Глаза красивые. А что за предложение? Которое в силе?

– Керт хочет уйти с караваном. Его давно зовут экспедитором. Он, правда, много знает про товары, спрос, перевозки, рынки и прочую торговую фигню. Неплохо на этом зарабатывает – видала, какой у него протез крутой? А меня зовёт с собой. Сколько, мол, можно по развалинам обломки подбирать?

– А ты что? Не хочешь?

– Как тебе сказать... Хочу, наверное. Знаешь, все сталкеры рано или поздно находят свою мину. Мне ещё везёт, что одна рука, да и то – левая. А оторвёт ногу, например? На приличный протез денег не заработать, а на паршивом далеко не уйдёшь. В общем, так себе занятие. Опять же караванщики прилично зарабатывают, несколько удачных рейсов – и можно избавиться от этого угрёбища, – девочка пощёлкала пальцами протеза.

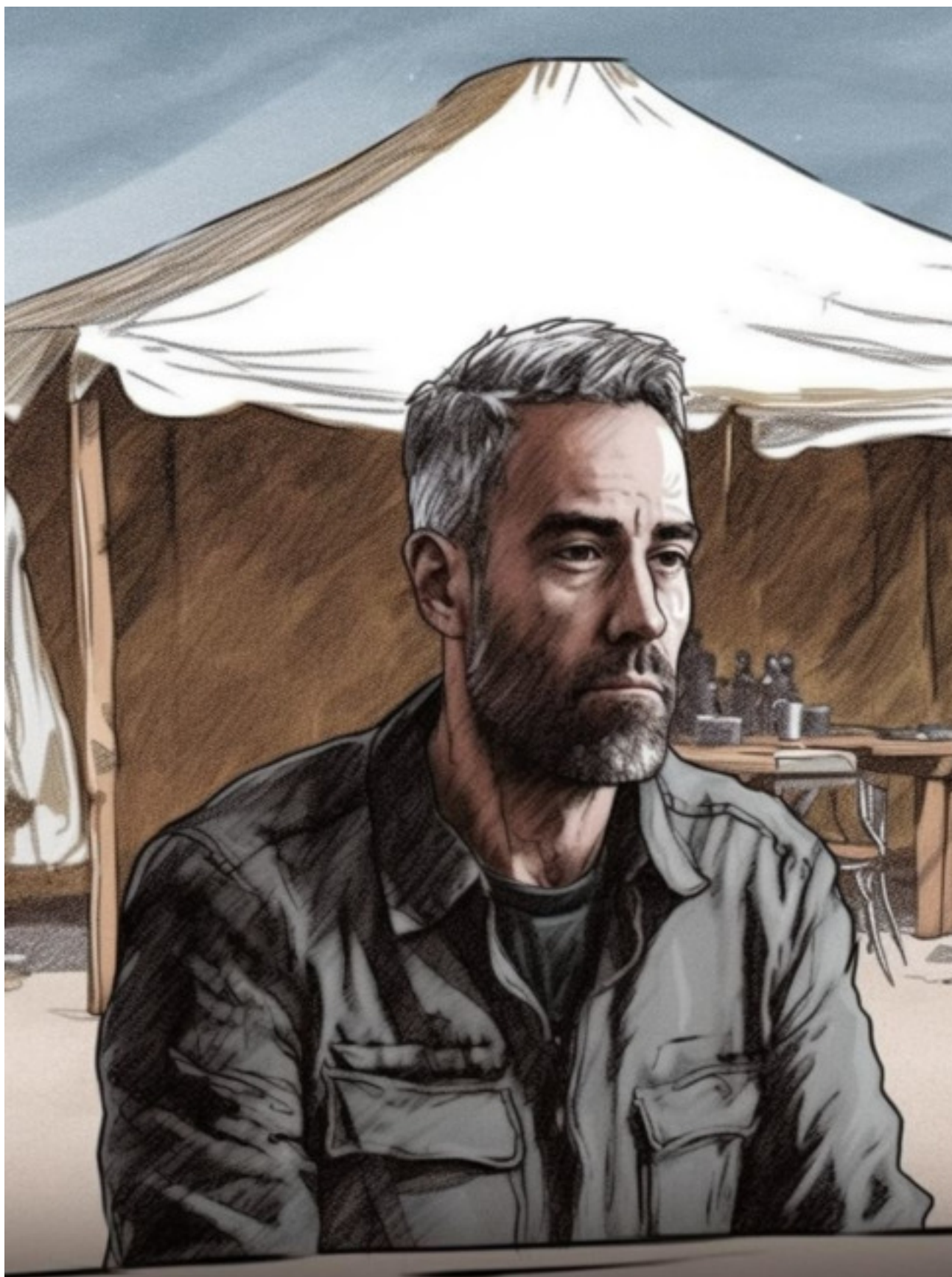
Большой палец опять заклинило, и она с раздражением стукнула им о столб, возвращая на место.

– Так в чём же проблема? – спросила Василиса.

– В том, что я ни хрена не умею, кроме как мины обезвреживать и в помойках рыться. Буду Керту обузой.

– Уверена, что раз ты выжила в этих твоих руинах, то научишься чему угодно, – серьёзно сказала Васька.

– Может, и так. А может, и нет. Но это не главное. Главное – не могу деда оставить. Как он один будет? Он теперь даже за продуктами в соседнюю лавку не доберётся, не говоря уже о том, чтобы самому товар добыть.

– Девочки, эй, девочки! – раздался голос от крайнего столика уличного кафе.

Василиса и Мирена обернулись – там сидели двое мужчин в походной одежде. Один показался Васье смутно знакомым.

– Мы слышали, вы ищете попутку?

– Возможно, – осторожно ответила Мири.

– Да подойдите вы, не бойтесь!

– Мы не боимся. Но нам отсюда прекрасно слышно.

– О некоторых вещах не стоит орать на весь рынок, – укоризненно сказал один из сидящих.

Именно его лицо с небольшой седоватой бородкой и шрамом на щеке показалось Василисе знакомым.

Девочки подошли.

– Присаживайтесь. Хотите чаю? Пирожков? Или мороженого?

Василиса вдруг поняла, что ужасно проголодалась. День перевалил уже за полдень, а она только завтракала. Казалось, что это было совсем давно, чуть ли не в прошлой жизни. В той, которой за неё отвечала мама, а не она сама.

– Чего вам? – недружелюбно спросила Мирена.

– Просто поговорить. Да садитесь вы, поешьте, это ни к чему не обязывает!

– Пешком постоим. Говорите, что нужно.

– Мы как раз сегодня отправляемся за табором Малкицадака. Ты ведь от него отстала, да, девочка? Ты и брат?

– Откуда вы знаете? – спросила Василиса.

– Рынок! – засмеялся бородатый. – Все всё знают! Слухи расходятся быстро.

– И что вы предлагаете?

– Мы вас подбросим!

– У нас с братом нет денег.

– Ну, какие деньги? Бесплатно, конечно!

– И в честь чего вы такие добренькие? – спросила Мирена.

– Люди должны помогать друг другу!

– Ну да, конечно. Люди только и делают, что друг другу помогают, а не душат за копейку. Именно так это и работает, – усмехнулась Мири. – Пойдём, Вась, это жулики какие-то. Выйдем на Дорогу, а они нас работорговцам скинут по дешёвке. Точнее, меня по дешёвке, без руки-то, а за тебя, пожалуй, и полную цену дадут.

Василиса сразу решила, что Мирене она, пожалуй, верит больше, чем каким-то подозрительным незнакомцам. И всё же, где она видела этого бородатого?

– Пойдём, – согласилась она.

– А ну стоять! – тихо сказал второй мужчина, который до сих пор молчал. – Мы с вами ещё не закончили. Пойдёте, когда мы вас отпустим. И если отпустим.

– Ды шазз! – ничуть не испугалась Мири.

– Они вам мешают, девчонки? – от своей доски к ним подошёл Керт.

– Не твоё дело! – огрызнулся бородатый.

– Ещё как моё! – парень оттянул вверх правый рукав, и на его предплечье вдруг разъехалась псевдокожа. Оттуда выдвинулось какое-то небольшое, но очень опасное на вид устройство. Как будто маленький двуствольный пистолет.

– Мальчишка, – фыркнул второй, – думаешь нас напугать? Проваливай, пока мы не запахнули твой протез тебе же в задницу!

– Эй, чужаки, – раздался низкий голос сбоку. – А не слишком ли много вы себе позволяете?

Из-за стойки кафе вышел владелец – здоровенный мужчина, в котором железа едва ли не больше, чем плоти. Стальные полированные руки крепятся к металлической обвязке плечевого пояса, шея – гофрированный металл, ноги не видны под брюками, но работают они с лёгким шипением, как поршни пневматического станка.

– Вас вышвырнуть? Или сами уйдёте?

– Да мы!.. – начал было агрессивный, но бородатый положил ему руку на плечо, успокаивая.

– Мы уходим, – сказал он, – извините, никого не хотели обидеть, вышло досадное недо-разумение!

– Заплатить не забудьте! – сказал владелец кафе, возвращаясь за стойку.

– Разумеется, уважаемый, никаких проблем!

– Мутные какие-то, – сказал Керг. – Держитесь от них подальше.

Пистолет на его руке втянулся обратно в протез, и кожа сошлась, как так и было. Только приглядевшись, можно заметить шов там, где спрятано оружие.

– Спасибо, – сказала Василиса.

– Не за что. Мы тут своих в обиду не даём.

Когда вернулись к лавке деда Мирены, то обнаружили Лёшку увлечённо отмывающим детали с прилавка в каком-то растворе.

– Он сам вызвался, – смущённо сказал Брэн.

– Да кто их купит, такие грязные? – сказал брат Василисе. – А отмытые уже две купили.

– А я тебе говорила, дед! – покачала головой Мири.

– А что случилось с вашей платформой? – спросила Василиса.

– Она просто чертовски старая. Аккумулятор отработал все положенные циклы и ещё немного сверху и теперь вообще не тянет. Да и с трансмиссией что-то не то, всё время вправо разворачивает. А что вы хотите? Ей лет пятнадцать, наверное. Уже и аккумуляторов такого стандарта нет, да и запчасти под неё не найти. Только менять целиком.

– Простите, – неуверенно проговорила Василиса, – а можно я посмотрю?

– Вот ещё! С какой стати?

– Дед, – тихо сказала Мирена, – она соображает вроде. Да вряд ли твоему железу станет хуже. Хуже там просто некуда.

– Васька умеет! – заверил всех Лёшка. – Она мне все игрушки чинит!

– Ах, ну если игрушки! – рассмеялся Брэн. – Тогда ладно. В конце концов, хуже действительно трудно сделать. Ладно, Мири, давай это чёртово кресло.

Девочка ушла в большую, стоящую рядом с прилавком палатку и выкатила оттуда обычное инвалидное кресло на колёсах.

– Ненавижу эту штуку! – вздохнул старик.

Чтобы перебраться, ему пришлось взяться за шею приёмной внучки и, помогая себе руками, переползти. На коротких культях оказались сложные разъёмы незнакомого Василисе стандарта, которые подсоединялись к ответным на платформе. Видимо, через них она управлялась. В остальном, к счастью, устройство оказалось не особо сложным – электромотор, аккумуляторный блок, управляемый электрическими муфтами дифференциал между двумя гусеницами. В моторе следовало проверить коллектор, в трансмиссии – смазку, и Василиса деловито загремела инструментами. К счастью, всяких ключей и отвёрток в лавке хватает.

– А что было вот здесь, – спросила она через некоторое время, – в заднем отсеке?

– Генератор, – сказал Брэн с сожалением, – но он давно уже сдох. Там в большом ящике валяется, если тебе интересно.

В ящике целая куча всяких поломанных агрегатов, и не все из них можно опознать. Кажется, сюда годами сваливали неисправную бытовую технику – от кофеварки до газонокосилки, оставляя её покрываться пылью. В газонокосилке Василиса нашла небольшой аккумулятор. Состояние его внушало надежду – косилку явно выкинули из-за поломки ножа, а не по состоянию батареи. Девочка поставила его на зарядку.

Генератор нашёлся в самом низу – компактный поршневой, явно предназначенный для установки в это гусеничное шасси. Его устройство оказалось очень близким к мотоциклетному двигателю – четырёхтактный двухцилиндровый бензиновый агрегат небольшого объёма. С мотоциклами Василиса возилась в Коммуне не раз, так что быстренько открутила ребристую головку цилиндра и заглянула внутрь

– Поршневая в норме, – сказала она вслух. – Даже не сильно изношена.

– Там что-то сломалось внутри, разом, – сказал Брэн. – Бамс! И всё.

– Ага, сейчас... Сейчас... – Васька бодро раскручивала двигатель, раскладывая детали на тряпке. – Вот!

– Что?

– Коромысло клапана сломано. Есть где взять новое?

– Нет, что ты! Очень старая модель. Это ещё военная платформа, от боевого робота. Их потом переделывали под таких как я, ампутантов. Нынешние мины – барахло мелкое, максимум по колено отрывают, а тогда ещё армейских противопехоток полно было. Раз – и обе долой!

– Ну да, – засмеялась Мирена, – у стариков всегда всё раньше лучше было!

– Смейся, смейся. Но сейчас платформу с генератором уже не найдёшь, одни батареи. Это на военных шасси двойная автономность полагалась!

– А толку? Всё равно твой генератор давно накрылся...

– А вот и нет! – Василиса зажала коромысло в тисках, приложила аккуратно обломок и провела соединяющим лучом УИна. – Он почти как новый, видимо мало использовался до того, как сломался.

– Это что, УИн? – спросил Брэн странным голосом. – У него внутри акк? Откуда это у тебя, девочка?

– Ну, – смутилась Василиса, – до того, как я стала механиком на волантере, я была техником в Коммуне...

– Ты представляешь себе... А, ни черта ты не представляешь, иначе не доставала бы эту штуку на людях.

– Ой, – расстроилась Васька, – мне говорили, что могут отнять. Но вы же не такие, да?

– Понимаешь... – сказал Брэн медленно, – для тебя это просто инструмент. Можно разрезать что угодно, соединить что угодно. Удобная штука, да?

– Удобная... – голос у Василисы дрогнул.

– А вот представь – для меня это, например, полный комплект имплантов. Не каталка эта убогая, а настоящие ноги, не отличить будет. Но ладно я, я старый. А для Мири – самый лучший протез, высшего класса. Новая рука, только искусственная. Никто в жизни не догадается, что она инвалид. Всю жизнь с таким прожить можно, полноценным человеком. А ведь она девушка, ей замуж выходить и всё такое.

– Блин, деда, что ты несёшь!

– А главное, – не слушал её Брэн, – даже если поставить ей лучшую руку, а мне лучшие ноги, то всё равно останется достаточно денег, чтобы ей никогда больше не пришлось лезть туда, где эти чертовы мины! И где она однажды угробится!

– Да не угроблюсь я, что за чушь!

– Я каждый раз не знаю, вернётся ли она из своего сталкинга. Мин всё больше, а вдруг она однажды ошибётся? Представь себе, каково жить с тем, что ты каждый день отправляешь ребёнка на смертельный риск ради какого-то хлама? И кем я себя чувствую при этом?

– Даже представить себе не могу, – призналась Василиса.

– А ты представь. И представь, что ты видишь перед собой вещь, которая спасёт вас, даст новую жизнь? Как ты думаешь, такие мы или не такие?

– Дед, не драматизируй, – перебила Мири. – Вась, не бойся. Конечно же, мы не станем у тебя ничего отбирать. Но он прав – многие тебя за эту штуку просто убьют. Гадство, да почти все! Твоё счастье, что мало кто вообще видел УИны, и знает, что это такое.

– Простите, мне так неловко... – сказала Василиса. – Я не подумала, просто хотела помочь... Давайте я вам его отдам! Вы правы, для меня это просто инструмент, а для вас целая жизнь!

– Нет, девочка, – грустно отказался Брэн, – так нельзя. Нельзя строить свою жизнь за чужой счёт, хреновая жизнь построится. Но помни, что далеко не все так думают. Спасибо, что попыталась помочь.

– Чего это «попыталась»? – обиделась Васька. – Вот, смотрите!

Она подключила к стартеру мотора зарядившуюся батарею и коснулась проводом контакта втягивающего реле. Тот бодро закрутился, плюясь воздухом в выхлопной тракт.

– Не заводится, – сказала Мири.

– Так бензина ж нет, – напомнила Василиса. – Заправим – заведётся как миленький! А вот эта батарея будет буферно-стартовой для генератора. Так-то она для платформы слабовата, но в паре с генератором – хоть в кругосветное путешествие! Лишь бы бензина хватило.

– Мирена, сгоняешь на заправку за бензином? Канистра...

– Я знаю, где канистра! Не наделайте тут без меня глупостей!

– Знаешь, девочка, – сказал Брэн, когда она убежала. – Я считаю себя не самым плохим человеком на свете. Но если бы не Мири, которой я потом не смогу в глаза смотреть, я не знаю, как бы поступил. Никогда не ставь людей перед таким выбором. Это называется «искушение». И тот, кто ему поддастся, разрушит свою жизнь, и тот, кто не поддастся, потом не раз пожалеет, и тот, кто создаёт такое искушение, тоже поступает нехорошо.

– Простите. Я просто не подумала...

– Всё, забыли, проехали, у тебя ничего не было, я ничего не видел. Спасибо за починку платформы. Ты здорово выручила старика.

– Не за что, дядя Брэн, всегда рада помочь.

Когда Мири принесла канистру с бензином, Василиса уже установила новый аккумуляторный блок и генератор на платформу.

– Ну, момент истины, – сказала она и нажала кнопку.

Двигатель крутнулся раз, другой, стрельнул дымком из небольшого глушителя и ровно затарахтел.

– Ток есть, – удовлетворённо сказала Васька, ткнув в контрольную колодку тестером. – Можно кататься!

Вместе с Мири они усадили Брэна на платформу, он подключил разъёмы и осторожно подвигал гусеницами туда-сюда, поворачиваясь на месте.

– А неплохо...

Проехался вперёд-назад, объехал прилавок, прокатился вокруг палатки.

– Ну это же просто здорово! – заявил он. – Качу куда хочу! Спасибо тебе, Василиса! Теперь я как новенький! Мири, мы можем прямо сейчас поехать домой! Как меня достало ночевать в этой палатке...

– А где ваш дом? – спросил Лешка. – Вы разве не тут живёте?

– Нет, мальчик, это же рынок. Дом у нас недалеко, километров пять отсюда. Пока платформа не сломалась, каждый вечер туда возвращались. Мирена, девочка моя! Купи мяса, купи пива – нам есть что отпраздновать!

[1] Эта история рассказывается в романе «Небо над дорогой».

Глава 3. Взрывная волна

Выехали с рынка уже в сумерках. Платформа бодро катилась по пыльной грунтовой дороге, негромко тарахтя мотором генератора. Впереди шла Мири – вода над землёй своей железной палкой, похожей на алебарду. Оказалось, что это не оружие, а минный трал. Периодически она поднимала вверх механическую руку, все останавливались, устройство щёлкало разрядом, хлопал несильный взрыв. Василиса на всякий случай крепко держала Лёшку за руку.

– Здесь была тотальная война, – рассказывал Брэн, – все против всех. Когда я сюда попал, она только что закончилась. Хотя нет, война не закончилась, закончились люди. Воевать стало некому, остались дети, старики и инвалиды. Инвалидов было особенно много, потому что здесь предпочитали не убивать солдат, а калечить.

– Почему?

– Если солдата убить, то враг теряет одного человека. А если ранить – то сразу нескольких. Ведь кто-то должен его перевязать, доставить в тыл, лечить в госпитале. Потом ему надо платить пенсию по инвалидности, кормить, ухаживать – всё это нагрузка на тыловую экономику. Гораздо более тяжёлая, чем закопать одного убитого.

– Как-то это жутковато звучит.

– Война – жестокая штука. Когда солдаты у всех сторон конфликта стали заканчиваться, то в строй начали ставить тех, кто раньше считался для этого слишком юным – сначала призывной возраст снизили до шестнадцати, а потом и до четырнадцати лет. Чтобы лишить врага призывного резерва, бесшумные малые беспилотники разбрасывали повсюду мины в виде игрушек. Дети быстро приучились не подбирать их, и мины стали маскировать подо что угодно – камни, бытовые предметы, даже обувь! Неизвестно откуда появлялись целые партии детских ботинок, у которых в каблуках были спрятаны заряды пластита, которые срабатывали не сразу, так что целая куча детей успела в них обуться, а потом раз – и остались без ступней.

– Какой ужас!

– К четырнадцати годам многие уже были инвалидами без рук или ног. Тогда в строй стали ставить инвалидов. Были разработаны нейроинтерфейсы, позволяющие управлять протезом как собственной конечностью, и инвалиды вернулись на войну. Это была война на истощение ресурсов – чем совершеннее становились протезы, тем больше разбрасывалось вокруг мин.

– А что потом?

– Потом? «Потом» – это «сейчас». Война сожрала все ресурсы. Всё железо легло в землю подбитой техникой и отстрелянными боеприпасами. Всё топливо сгорело в танковых дизелях и самолётных турбинах, вся химия ушла на порох и взрывчатку, вся электроника – на системы наведения и ударные беспилотники. Сельскохозяйственные земли год за годом засеивались только минами, и те, кого они не убили, начали умирать от голода. Война не закончилась, просто прекратилась сама собой. Никто не победил. Все проиграли. Но автоматические заводы продолжают выпускать мины, автоматические беспилотники разбрасывать их повсюду. А единственное условно мирное производство, которое сохранилось, – это выпуск протезов.

– Но почему никто не остановит это?

– Некому. Людей осталось совсем мало, заводы спрятаны под землёй и очень хорошо защищены. Все надеются, что однажды они выработают ресурс и встанут сами. Уже много лет надеются. Но при этом снабжают их сырьём.

– Как это?

– Сталкинг. Единственное занятие, которое приносит деньги. Сбор обломков машин, подбитых дронов и так далее. Всё это скупают по дешёвке доставщики и везут на автоматические приёмные пункты заводов. Там их можно обменять на протезы – снимаешь мерку с кульги,

отвозишь заказ и кучу хлама, получаешь изделие. За хорошие, качественные протезы надо отдать несколько тонн ресурсов. Особенно ценится взрывчатка – неразорвавшиеся снаряды и бомбы или вытопленный из них тротил. Утилизация боеприпасов – очень опасная работа, но за неё хорошо платят. Протезы продаются на рынке, караваны обменивают их на продовольствие, лекарства, книги, фильмы, одежду и так далее. Это тонкий ручеёк импорта, но людей осталось так мало, что как-то хватает. Вот тебе и вся местная экономика – сдаём металлолом, из которого делают мины, отрывающие нам руки, чтобы купить протезы этих рук. Излишки обмениваем на еду. Как тебе?

– Звучит очень печально.

– Тогда ты понимаешь, как я хочу избавить Мири от этой жизни.

Небольшой посёлок составлен из пары десятков одноэтажных домиков, далеко отстоящих друг от друга. Пыльная пустынная улица.

– А где все? – спросил Лёшка.

– Кто где, – ответил Брэн. – У кого подвижность получше – те на сталкинге. У кого похуже – на рынке. Дома сидят те, кто вообще недвижимость. Ближе к ночи народ подтянется, но толпу всё равно создавать некому. Мало тут людей.

– Дед, я быстренько огород полью, а ты пока продукты в холодильник...

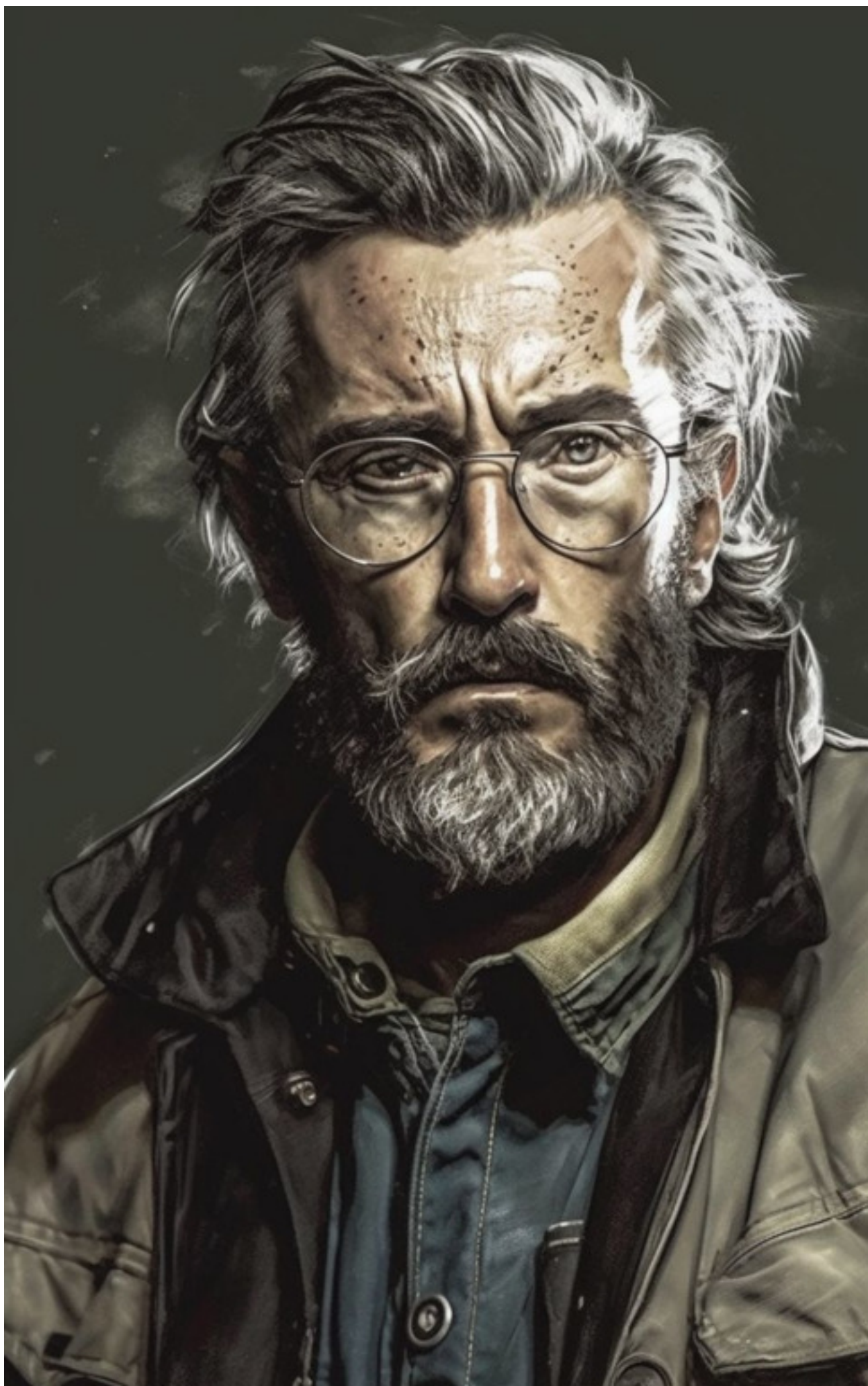
– Только осторожнее, Мири! Мин наверняка нападало.

– Не учи меня, дед! Я опытный сталкер! – Мирена убежала за дом. Оттуда через некоторое время донеслись одиночные хлопки подрывов.

– Опытная она... – вздыхал Брэн, доставая их корзинки бумажные свёртки. – Я тоже был опытный, а потом раз – и ног как не бывало. Статистика рано или поздно берёт свое...

В свёртках оказались хлеб, сыр, пакет какой-то крупы, небольшой кусок мяса.

– Сейчас мангал разведу на улице, мяса пожарим. Как же хорошо снова обрести подвижность!

Мири принесла несколько пучков вялой зелени и что-то вроде большой, размером с кулак, редиски.

– Давно не поливали, засыхает всё, – пожаловалась она. – Автоматическая поливалка глючит.

– Я могу посмотреть! – вскинулась Василиса.

– Да сиди ты, неугомонная! – засмеялся Брэн.

– Не надо, Вась, я ещё не всё от мин зачистила. Знаешь, дед, опять новый вид попался! Выглядит совсем как гнилое яблоко, не отличишь. Я даже затормозила на секунду – откуда яблоки, ведь у нас ни одной яблони не выжило? Кстати, и детектор их слабо берёт, только в упор.

– А я тебе говорю, Мири, они адаптируются.

– Кто «они», дядя Брэн? – спросил Лёшка.

– Знать бы... Об этом много спорят. Лично я думаю, что людей там давно нет. Какой-нибудь компьютер с самообучающимся алгоритмом конвейерами управляет. На одном конвейере у него мины, а на другом – протезы. Одним спрос формирует, вторым его удовлетворяет.

– Да какая разница, деда? Давай лучше ужин готовить.

– Говорят, перед войной как раз все бизнес-процессы передали ИИ, – рассказывал Брэн, ловко переворачивая мясо над углями. – Компьютер, мол, может выстроить идеальную бизнес-стратегию, чтобы прибыль всегда была максимальной, а расходы – минимальными. А что может быть идеальнее войны? Спрос абсолютный, а когда речь идёт о жизни и смерти, то цену можно любую ставить.

– Вот ты, дед, нашёл свежие уши! – смеялась Мири. – Он, Вась, всем свою теорию про идеальный бизнес-интеллект рассказывает. Но на самом деле никто не знает, что тогда случилось. Мало кто выжил, документов не осталось. Да и наплевать всем.

– Мне не наплевать, – упрямо сказал Брэн. – Я хочу разобраться.

– Но сначала – ужин!

Мирена сварила кашу, похожую на кукурузную, покрошила салат, дед прикатился с улицы с тарелкой жареного мяса. Это не было похоже на праздничный стол, к которому привыкла Василиса в Коммуне. Даже обычный ужин в их семье обычно был более щедрым. Но Мири и Брэн так радовались и гордились, что она поняла – для них это настоящий пир. Кроме того, они с Лёшкой так проголодались, что смели свои порции моментально.

Дальше дед пил пиво, дети – чай, и разговор возобновился.

– Теперь всё изменится, Мири, – сказал Брэн. – Спасибо Василисе, я теперь самоходный и могу отправиться в горы. Сколько можно тебя гонять?

– Эй, а как же я? – удивилась девочка.

Она отстегнула свой протез, и с ним возится Василиса, разложив причудливую конструкцию на столе.

– А ты иди с караваном. Керт тебя давно зовет. Посмотришь на Мультиверсум, денжат заработаешь.

– Ну, я не знаю, дед... Как ты без меня?

– А как я до тебя жил? У меня сталкерский опыт больше, чем ты на свете живёшь.

– Это, конечно, так, – сомневалась Мирена, – но ведь ты уже год не выходил в поле. Расклады поменялись, мины другие...

– Не так уж сильно. Да и есть у меня свои секреты. Не пропаду! – отмахнулся Брэн. – Понимаешь, Мири, тебе нечего тут ловить. Этот срез умер ещё тридцать лет назад. Сейчас он просто догнивает. Ты когда в последний раз ребёнка видела?

- Вот, сейчас вижу, – девочка потрепала Лёшку по пыльным волосам.
- Ты знаешь, о чём я.
- Да знаю, дед, не нуди. Ты мне весь мозг изгрыз уже.
- Мири, ты правда хочешь прожить тут всю жизнь? Родить тут детей?
- Блин, дед, мне всего шестнадцать!
- Самое время определяться с тем, как ты будешь жить дальше.
- Всё, хватит, не порти такой хороший вечер! Вась, как там моя железка? Безнадёжна?
- Не совсем. Только вы отвернитесь, ладно? Не смотрите, чем я её чинить буду.
- Да ладно, чего уж теперь. Мы же про УИн знаем.
- Я тут нагребла хлама всякого, ничего? – Василиса разложила по столу детали, найденные в кладовке. – Отсюда можно сальник снять, отсюда ось выпрессовать...
- Конечно-конечно, – сказал Брэн, – бери, что хочешь. Мусора железного у нас завались.
- Сильно лучше не станет, – вздохнула Василиса, – сама конструкция не очень. Но клинеть не будет, и точность позиционирования пальцев повысится.
- Ого! Я смогу почесать ухо и не оторвать его?
- Сможешь даже в носу поковыряться!
- Обалдеть! Слушай, подруга, может, останешься? Мы с тобой тут офигенный бизнес замутим! Я буду таскать хлам, ты его чинить...

- Мири! – возмущённо прервал её Брэн.
- Да шучу я, блин, шучу!
- У нас мама там, – вздохнула Василиса.
- Да хватит, я не всерьёз же. Дед прав, дрянное здесь место и делать тут нечего. Может, я, правда, с Кертом схожу на пробу. Но при одном условии, дед!
- Это ещё каком?
- Скажи, что ты не полезешь на завод.
- Мирена!
- Ну, блин! Одно дело – в развалинах пошариться, хабара поискать. Я тебе свой трал оставлю, крупняк он весь берёт, а мелочь разве что гусеницу поцарапает. Но завод! Там же турели!
- Мирена, кто-то должен это прекратить.
- Но почему ты?
- Потому что я специалист по самообучающимся компьютерным алгоритмам. Подозреваю, что единственный в этом срезе.
- Это даже не твой родной срез, дед. Какое тебе до него дело? Давай лучше вместе свалим!
- Я слишком долго здесь прожил, дорогая Мири. Мне поздно искать новую жизнь на новом месте. Попробую что-то сделать с этим.
- И как его тут оставлять? – всплеснула руками Мирена, обращаясь к Василисе.
- Не знаю, – ответила та. – Но мне кажется, что Брэн прав. Я бы на его месте точно попробовала бы. Вот, забирай руку. Сейчас помогу закрепить...
- Василиса присоединила нейроразъёмы, закрепила протез на короткой, кончающейся чуть выше локтя, но очень мускулистой руке.
- Ты сильная! – сказала она уважительно.
- Ещё бы! Потаскай это железо... Ого, слушай, ну совсем же другое дело! – Мирена пощёлкала пальцами, подвигала рукой, осторожно дотронулась указательным пальцем до кончика носа. – Удивительно чётко! Он новым так не работал!
- Я там кое-что изменила в конструкции, – скромно сказала Василиса. – Чуть-чуть.
- Спасибо! Ты меня здорово выручила. А теперь отстёгивай обратно, спать пора.

Василисе и Лёшке выделили одну кровать на двоих в пристройке. Васька, зная, что брат во сне ужасно пинается, приготовилась страдать, но они так устали за день, что уснули мгновенно. Разбудила их Мирена.

– Вась, проснись, – сказала она, затягивая крепления на протезе, – там какая-то ерунда, слышишь?

За стеной что-то негромко хлопнуло, потом ещё и ещё. Отдельные хлопки слились в серию, как будто кто-то в ночи бурно аплодировал.

– Кто-то впёрся в овраг, – пояснила Мири, – это надо совсем дураком быть. Там давно никто не ходит, ещё с войны в три слоя всё заминировано. Проще обойти, чем тралить, крюк небольшой. Что-то мне это совсем не нравится.

Василиса распихала крепко спящего брата, чему тот совсем не обрадовался.

– Надо посмотреть, что случилось, не хочу вас оставлять одних, – сказал Брэн, заглянув в дверь пристройки.

На его платформе горят фары, негромко тарахтит генератор.

– Пойдёмте, тут недалеко, – сказала Мирена, – вон, из бочки умойся, если нужно.

Василиса поплескала холодной водой из стальной бочки на лицо, чтобы проснуться, но всё равно зевнула так, что чуть челюсть не вывихнула. Пока умывала недовольного сонного Лешку подумала, что это очень странный мир. С одной стороны, высокие технологии, с другой – удивительная простота и бедность быта. Туалет во дворе, душ из лейки, бочка для умывания. При этом нейроинтерфейсы управления протезами настолько продвинутые, что она даже не может представить, на каком принципе они работают.

Двигались в темноте осторожно, по пологому склону спускаясь от посёлка вниз. Там периодически хлопали подрывы, но уже единичные. Впереди идёт Мирена со своей палкой-тралом, за ней неторопливо катится гусеничная платформа Брэна, подсвечивая дорогу фарами. Сам Брэн держит в руках футуристического вида ружьё, периодически притормаживая и осматривая путь впереди через его прицел.

– Там кто-то есть, Мири! – сказал он. – Левее бери!

Василиса вскоре и сама увидела скорчившуюся у камня фигурку. Приближались к ней медленно, по ломанной траектории, обозначенной минным тралом.

- Керт! Ты что тут делаешь? – спросила Мири, проверяя последние метры.
- Я почти прошёл Овраг! Представь себе! Ночью, без трала! И кто теперь лучший сталкер?
- Тот, у кого две ноги?
- Но я почти прошёл, сама видишь! Десяток метров остался!
- Ты обработал ногу?
- Да, перетянул и вколол препараты, как положено. Ничего страшного, только ступню потерял.
- Но какого чёрта, Кертиран? – спросил его Брэн.
- Меня заставили. Они требовали показать дорогу к вам, захватили меня вечером на рынке. Застали врасплох, а то бы я им! Эх, зря засветил днём пистолет, сюрприза не получилось...
- Дорогу к нам? Но зачем?
- Им были нужны ваши гости. И они очень настаивали. Но я завёл их в Овраг, а когда они наехали на первые мины, рванул вперёд. И почти прошёл, Мири! Почти прошёл!
- Парень выглядит очень бледным, кожа покрыта бисеринками пота и пылью, глаза лихорадочно блестят, но он смеётся.
- А ты говорила, что я хреновый сталкер!
- Да-да, я была не права, ты отличный сталкер. Или тебе повезло. Или не повезло – как посмотреть. Подумаешь над этим, когда обезболивающие отпускают, – мрачно сказала Мирена. – А кто же так хотел нас увидеть, что не мог дожждаться утра?
- Эти, с которыми вы в кафе поцапались.
- Мири, ты мне не рассказывала! – укоризненно сказал Брэн.
- Я много чего тебе не рассказываю, дед. У меня и своя жизнь имеется.
- Их оказалась целая компания. На нескольких внедорожниках и одном MRAP[1]. Этот чёртов броневик пёр за мной по минам почти до конца! Я уж думал, догонит, но в конце концов он налетел на старую противотанковую. Я для неё слишком мелкая цель, а ему в самый раз оказалось. Там, за поворотом.
- Восьмиколёсный такой автомобиль? – спросила Василиса. – Зелёный? С многоствольным пулемётом?
- Ну да. Видела его?
- А я ещё думала – почему они мне знакомыми показались? Это группа, которая напала на наш табор. Я их издали видела и недолго, не узнала сразу.
- Видимо, табор они не нашли и вернулись, – сказал Брэн. – У Малкицадака очень опытный глойти, увёл караван от преследования. Но что им надо от детей?
- Я не знаю, – сказала Василиса. – Мы просто пассажирами ехали.
- Ладно, давайте посмотрим на них. Но осторожно!

На то, чтобы преодолеть обратно маршрут, который на одной наглости и вдохновении пробежал (ладно, почти пробежал) Керт, у них ушло около получаса. Мирена двигалась осторожно, шаг за шагом, активно работая своим тралом – подрывая мелкие мины и обозначая крупные. Василиса держала Лёшку за плечо, но тот и сам проникся опасностью происходящего.

– Пусти меня вперёд, – сказал Брэн, когда они добрались до поворота ущелья, – мало ли, стрелять начнут.

Василиса думала, что Мири снова начнет спорить, но она лишь сказала:

– Осторожно, дед.

Тот тихо выкатился на своей платформе, прижав к плечу приклад ружья и глядя в его прицел. Застыл, вода стволом по дуге, потом сказал с облегчением:

– Никого нет. Ушли.

Небо уже подсветилось первыми рассветными лучами, и в утреннем сумраке виден осевший на одну сторону броневик. Два из четырёх колёс по левому борту вывернуты на оторванных взрывом рычагах подвески, машина осела на одну сторону, уперевшись в грунт острым стальным носом. Чуть дальше, в начале прохода, виден дымящийся внедорожник. Но людей нет.

– Прикинь, дед, – сказала Мири, – они своим МРАП-ом протралили почти весь проход. Осталось каких-то метров тридцать расчистить.

– Встретим – обязательно скажу им спасибо, – мрачно ответил Брэн. – И ещё много чего скажу. Пойдём, надо Керта отсюда вынести, пока лекарства действуют.

– Сейчас, подожди минутку...

Мири в несколько точных прыжков оказалась возле подбитого броневика и, вытащив из маленького рюкзака баллончик с краской, нарисовала на нём какой-то символ.

– Обозначила, что это мой трофей, – пояснила она, вернувшись. – Там одного железа тонны три. Плюс топливо, плюс пулемёт, плюс боеприпасы. Вряд ли эти ребята за ним вернуться, а я приличные деньги смогу поднять.

– Придётся кому-то за буксировку платить... – остудил её пыл дед. – Сами мы не вытаскиваем.

– Всё равно неплохо выйдет.

– Эй, про мою долю не забудьте! – подал голос Керт. – Это я их на мины заманил, мои семьдесят процентов!

– Если бы не подорвался, то было бы семьдесят, – тут же ответила Мири, – а так – максимум тридцать!

– Чёрта с два! Если бы не подорвался – то вообще бы делиться с вами не стал! Но так уж и быть, снисходя к вашей бедности, согласен на шестьдесят.

– Двадцать пять процентов! – тут же ответила Мири.

– Мири, торгуются не так! Ты должна повышать мою долю, а не понижать!

– Ты забыл, что лежишь без ноги в ущелье. И мы просто можем отставить тебя здесь.

– Мири, ты так не поступишь, и мы оба это знаем. Ладно, давай пополам – пятьдесят мне и пятьдесят вам.

– Двадцать.

– Вот ты заноза! Такая симпатичная и такая вредная! Чёрт с тобой, согласен на тридцать.

– Ладно, учитывая грубую лезть в мой адрес – получишь свои тридцать. Мог бы сразу согласиться.

– Не мог. Я бизнесмен! Эх, пролетел я со всеми планами... Собирался на той неделе в свой первый караван выходить, а теперь ждать, пока нейроразъёмы в ноге приживутся.

– Ничего, – утешил его Брэн, – не последний караван на Дороге. Мири, посади его!

Мирена с Василисой помогли парню усесться на краю платформы деда. Девочка старалась не смотреть на окровавленный обрубок ноги, перетянутый внизу специальным медицинским ремнём, а Мири осмотрела его без малейшего смущения, пощёлкав пальцем по торчащему обломку кости.

– Блин, неприятно же! – скривился Керт.

– Значит, обезболивающие начинают отходить, надо торопиться. Поехали, дед.

– Жми, мой робот-транспортёр! – засмеялся парень.

– Смотри, в гусеницу ногу не засунь, – буркнул Брэн. – Наездник выискался.

По дороге Керт вздрагивал и кривился от боли на каждой кочке, становясь всё бледнее и бледнее. Пока доехали до дома деда Мирены, стал выглядеть откровенно плохо.

– Надо вызвать травмота, дед, – сказала Мири, когда они устроили паренька на раскладной кровати прямо на улице.

– Лёшка, – сказал Брэн, – сгоняешь? Тут прямо по улице, увидишь – будочка такая, с красным крестом наверху. Внутри на стене коробка с динамиком и красная кнопка, нажмешь на неё. Услышишь короткий гудок, скажи в коробку «взрывная ампутация левой ступни», и всё. Запомнил?

– «Взрывная ампутация левой ступни», – повторил Лёшка.

– Правильно. После этого дождёшься бота и побежишь сюда, дорогу покажешь. Справишься?

– Конечно!

– Только никуда с дороги не сворачивай! И ничего с земли не поднимай, и даже не приближайся, если что-то валяется! – напомнила Мири. – В посёлке регулярно тралят, но мало ли что...

– Может, лучше я? – забеспокоилась Василиса.

– Ничего, он большой мальчик, пусть привыкает, – сказал Брэн. – Ты не сможешь всё время водить его за руку.

Лёшка кивнул и убежал – только пыль по улице.

– Давай, Вась, штаны с него снимем...

– Как-то неловко... Да и страшно, если честно.

Керт уже тихо подвывал, не открывая глаз.

– Ничего, сейчас его уже вырубят. Сначала работает обезбол и кровоостанавливающее, чтобы человек мог выбраться от места подрыва к людям, а потом срабатывает транквилизатор, и он засыпает. С этого момента у него пять часов на то, чтобы попасть на травмота. Тот его доставит в приёмное, там автодоктор подготовит культю и вживит нейроразъём. Это входит в страховку, её тут все платят. А вот за протез надо готовить денежки отдельно.

– У меня есть... – тихо простонал парень.

– Надо же, на слово «денежки» сразу откликнулся, капиталист чёртов! – засмеялась Мири. – Давай, Вась, приподними его, я брюки сниму. А то травмоту они мешать будут...

Обрубок ноги выглядит жутковато, но кровь не идёт. Мири осторожно промыла его водой, прямо из бочки, ничуть не боясь занести инфекцию, и обтёрла условно чистым полотенцем. Керт к этому моменту уже заснул.

– Ну да ничего, протезом больше, подумаешь... – сказала она, но голос прозвучал грустно. – Прав Брэн, надо бы что-то с этим делать. Но что именно? Дед говорит – забраться на завод и отключить компьютер. Но если бы это было так просто, давно бы уже отключили. Да и не добраться туда никак.

– Почему?

– Есть только одна дорога, по которой сдатчики хабар привозят. Остальные минированы так, что просто ужас. Я как-то хотела подобраться поближе, два дня колупалась, а продвинулась метров на десять. Эх, жаль я летать не умею! Пролетела бы над минами, а дальше уже дело техники...

Травмобот оказался большим прямоугольным квадрокоптером. Он неторопливо плыл над улицей за бегущим Лёшкой, закручивая винтами поднятую его пятками пыль. Из транспортного отсека выдвинулось жёсткое ложе, на которое Брэн положил Керта, и оно втянулось обратно. Винты загудели сильнее, аппарат поднялся высоко в воздух и улетел по направлению к горам.

– Эх, – сказала Мири, – вот на таком бы пролететь над минными полями.

– Пробовали, – сказал Брэн. – Давно ещё, ты совсем маленькая была. Изловила пара обалдуев травмобот. Отключили автоматику, поставили ручное управление моторами и полетели.

– И что?

– А ничего. Прямо на мины грохнулись, даже вытаскивать нечего было. То ли управление отказало, то ли сбили их. Ладно, поехали на рынок, и так всё утро потеряли.

[1] Mine-Resistant Ambush Protected – колёсные бронемшины с усиленной противоминной защитой.

Глава 4. Шмурзик по имени Мурзик

Василиса опасалась, что на рынке к ним снова привяжутся вчерашние странные люди, но обошлось. Квадратные военные внедорожники со стоянки исчезли. Видимо, уехали.

К середине дня появился караван, который им обещал Керт. Правда, договариваться пришлось самим.

Василиса не сразу поняла, что это искомый караван. Она ожидала что-то вроде табора дяди Малки – шум, гам, десятки машин. Но на парковке расположились два стареньких грузовика и ржавая «Нива». На её капоте, опираясь спиной на лобовик, развалилась девушка лет двадцати, одетая в пёструю, расшитую цветами и бахромой одежду. На шее у неё куча бус, на руках – множество сплетённых из бисера браслетов, растрёпанные грязные волосы перевязаны на лбу шнурочком, на носу – круглые очки с разноцветными стёклами. Одно зелёное, другое – малиновое. Девушка босая, пятки грязные, на щиколотках – цветные нити.

– Привет, – сказала Мири.

Девушка не отреагировала.

– Привет, я говорю, – повторила Мири громче.

– Ох... – заворчалась девушка, сползая с капота. – Девочка, зачем ты так орёшь? У бедной Доночки головка с бодуница бо-бо... У вас пива случайно нет, дети? Пивка? Бутылочку?

– Нет, – растерялась Василиса.

– А чего пришли тогда, изверги? Мучить бедную больную меня? Ох-ох-ох, чем же я так упоролась вчера? Вы не знаете? Хотя откуда вам знать... Мы вообще где?

Девушка подняла на лоб очки, застонала от яркого света, зажмурилась и опустила их обратно.

– Ах, да, – сказала она, – рынок же. Точно. Значит, пива мне скоро принесут. А вы кто?
– Я Василиса, а это мой брат, Лёша. Мы от каравана отстали. А это Мири, она местная.
– Не тараторь, – сморщила лицо в страдальческой гримасе девушка, – я ничего не поняла. Боже, ну где моё пиво? Куда вообще все подевались? Они меня бросили, да? Бросили бедную Доночку помирать с бодунища?

– Донка, бестолочь, угомонись! – из кабины «шишиги»[1] выпрыгнул невысокий коренастый мужичок в коротких сапогах, джинсах и драном грязноватом тельнике. – Принесут тебе пиво. Запчасти купят и принесут. Привет, детишки, я Серёга. Водила и зверолов. Шмурзика купить хотите? У нас отличный выбор, совсем свежие. Вчера только с Эрзала вышли.

– Кого? – удивилась Василиса.

– Вы что, про шмурзиков не знаете? – в свою очередь удивился Серёга. – Пойдёмте же, ну! Он подошёл к кузову грузовика и откинул задний борт.

– Ой, кто это? – Лёшка аж подпрыгнул от изумления.

– Как кто? Шмурзики, конечно.

Василисе сначала показалось, что в большие клетки, которыми заставлен кузов, кто-то напихал огромные мягкие игрушки. Но потом она вдруг поняла, что это живые существа, просто очень странные. меховые, разноцветные, поразительно ярких цветов – розовые, лиловые, синие, красные, оранжевые. Из-за такой гаммы они выглядят ненастоящими, но потом видишь их глаза – большие, размером с кулак, жёлтые гляделки, смотрящие жалобно и трогательно.

– Ой, какие они... – заворожённо сказала Василиса. – Красивые...

– Так что, купите шмурзика? Есть крупные, есть помельче. Есть совсем маленькие, смотрите, – водитель показал клетку, где плотно набиты мелкие, похожие на волосатые футбольные мячи, существа.

– А что такое эти шмурзики? – спросил Лёшка.

– Просто такие зверьки, – объяснил Серёга. – В срезе Эрзал случилась экологическая фигня, и они из какого-то зверья местного замутировали. Совсем ручные, можно тискать и гладить, спать на них вместо подушки. Едят немного, не линяют, не воняют, не аллергенные. Можно сухой кошачий корм давать или объедки со стола – им всё равно. Урчат ещё прикольно, когда сытые. Мы их в Эрзале даже не ловим, а просто собираем с кустов, они, вроде, не возражают. Потом продаём. Идеальный домашний питомец, берите, не пожалеете!

– У нас нет денег, – вздохнула Василиса, с сожалением глядя на шмурзиков. – Да и ситуация не та.

– А что вам надо тогда? – спросил Серёга.

– Они от каравана отстали, – пояснила Мири. – Ищут попутку.

– А ты, – водитель показал на протез, – я вижу, местная. Ты не с ними?

– Нет. Просто помогаю.

– А от какого каравана вы отстали и когда?

– От табора Малкицадака, вчера. Знаете такой?

– Ох, – засмеялся Серёга, – ещё бы не знать! Он нам вот это чудо в перьях сосватал!

– Сам ты в перьях... – обиженно отозвалась девушка с капота.

– Наш проводник приболел, пришлось у Малки арендовать глойти. А он нам это упоротое создание выдал. «Не потеряйте, – говорит, – Донка мне как родная!» А она добралась до аптечки и пол-литра спирта медицинского в одно жало усосала!

– Вот вам жалко, что ли, для бедной Доночки спиртика? – заняла растрёпанная девица. – Раз уж приличных напитков у вас нет. Ох, как же у меня башка трещит... Где там моё пиво?

– Правда, – вздохнул Серёга, – глойти она неплохая. Даже в свинину пьяная довела нас до рынка, только потом вырубилась. Сидим вот, ждём, пока оклемается.

– Возьмёте их? – спросила Мири. – За них Керт обещал попросить, но он в травму утром заехал.

– Кертиран? Что с ним?

– Взрывная ампутация левой ступни, – сказал важно Лёшка.

– Досадно, – вздохнул водитель. – У нас были некоторые совместные планы. Как он?

– Недели на две будет ограничен в подвижности. Пока разъёмы приживутся, пока протез изготовят, пока он к нему привыкнет. Но на рынок дня через три уже вернётся, будет пока сидя своей конторой рулить.

– Да, он упорный парнишка и неглупый. А ты, наверное, и есть та девчонка, из-за которой он с нами не ушёл?

– Не знаю, – Мири покраснела и отвела глаза. – Я не спрашивала.

– Эх, ещё одной конечностью меньше, – вздохнул Серёга. – Как вы тут живёте вообще? Я бы давно свалил. Ну да дело ваше. Ребят возьмём, я думаю. Сейчас наши вернутся, обсудим, но проблемы не вижу. Место есть, да и покормить нам не жалко. Если Малкицадак прошёл тут сутки назад, то дня через два-три мы его догоним. У него табор большой, идёт медленно. Если, конечно, наша дурная глойти оклемается.

– Ой, ну что ты такой душный? – уныло спросила девушка. – Доночка выпьет пивка, поправит здоровье, и вы удивитесь, как быстро мы свалим из этой задницы.

С рынка караванчики вернулись примерно через полчаса. Пожилой мужчина, Андрей Тимофеевич, оказавшийся отцом Серёги и водителем второго грузовика, ЗИЛка с прицепом. И ещё двое мужчин. Один из них принёс целую упаковку баночного пива и грохнул ею об капот рядом с Донкой.

– Пей, глотка ненасытная, – сказал он мрачно.

– Ой, вот давайте без нервов, мужчина! – ответила она, выдирая банку. – Уже почти всё хорошо!

И присосалась, урча, булькая и пуская носом пену.

– Вот жешь пьянь, – покачал головой мужчина. – Удружили нам Малки, век не забуду.

– Оставь её, – сказал ему второй. – Глойти все такие. Кто пьёт, кто на веществах, кто грибы курит...

– А кстати, – отлипла от опустевшей банки Донка, – есть у кого-нибудь косячок? Я бы сейчас дунула. Нет? Точно нет? Эх, ну что вы за караванчики, ничего-то у вас нет...

И она принялась выковыривать следующую банку.

Андрей Тимофеевич оказался в группе звероловов главным. Когда Серёга рассказал ему про отставших от каравана детей, он сразу сказал, что не возражает.

– С нас не убудет, а доброе дело всегда зачтётся, – покивал головой водитель «Нивы», Пётр.

– Они не тяжёлые, на расход солярки не повлияют, – согласился последний, который представился Димой.

Он же под недовольные вопли Донки отобрал у неё остаток упаковки пива и запихал в «Ниву».

– На вечернем привале получишь! А то вон, повело уже, на старые-то дрожжи!

Девушка-глойти, и правда, развеселилась и чуть не выпала из машины, пытаясь разглядеть себя в боковом зеркале. Дима запихал её обратно и заблокировал дверь кнопкой. Она осталась сидеть, глупо хихикая.

Василиса подошла к Мири попрощаться.

– Ну, мы поедem. Спасибо тебе за всё.

– И тебе, Вась. Ты с дедовой платформой нас здорово выручила. И протез отлично работает теперь, – девочка пощёлкала стальными пальцами.

– И как вы теперь дальше?

– Не знаю пока. Наверное, дед прав – надо пробовать тут жизнь менять, а не сбегать в караванчики. Дождёмся, пока Керт оклемаётся, поищем путь через минные поля. Не хочу, чтобы люди на минах подрывались. Вдруг у деда получится завод перепрограммировать? Будет вместо тоймин обычные игрушки делать, мы их станем на рынке продавать, заживём нормально...

– Послушай, – сказала Василиса осторожно, – ты не очень спеши на мины лезть.

– Почему?

– Помнишь, ты жалела, что летать не умеешь?

– Ну.

– Я всё-таки механик на волантере. Очень постараюсь вернуться и помочь, веришь?

– Верю, – вздохнула Мири. – Возвращайся. Но долго ждать я не стану!

– Я поспешу!

Девочки обнялись на прощание, и Василиса побежала к машинам.

– У глотити всегда мозги набекрень, – пояснил Серёга, когда дети вскарабкались в высокую кабину «шишиги» и уюстились вдвоём на пассажирском месте. – Они видят мир иначе – и срез, и Дорогу разом. От этого их тарашит не по-детски. Так-то у нас в рейсе сухой закон, но для них приходится исключение делать. С нами обычно Михалыч, это его «Нива», так он мужик-кремень, держится. Но после рейса на неделю в глухой запой уходит. Потом ещё неделю отсыпается – и снова в путь. Так что эта балдосья лохматая – ещё не самый плохой вариант.

Он повернул ключ, стартёр прокрутил мотор, и тот затарахтел, сотрясая кабину жёсткой вибрацией.

– Ого, дизель? – спросила Василиса. – Какой?

– Двести сорок пятый. Разбираешься?

– Я механик! – гордо сказала Василиса.

– Это хорошо, дело полезное, – кивнул Серёга одобрительно. – Хороший механик по жизни не пропадёт.

– А шумриков сложно ловить? – спросил Лёшка.

– Совсем нет. Они сидят на ветках, листья жуют, плоды всякие лопают. Подходи да собирай, как яблоки. Только надо выбирать здоровых, а то можно и не довести. Среди них много болеют, потому что мутанты. Говорят, их там выводили специально, разных пород, как у нас собак или кошек. Но после коллапса всё попере мешалось, и они иной раз довольно странные попадают. Не мышонки, не лягушки, а неведомы зверушки. Вы же Пушкина читали?

– Конечно, – подтвердила Василиса. – Это из «Сказки о царе Салтане» цитата.

– Да, я так сразу и подумал, что вы из наших. наших везде видно.

Василиса не стала уточнять, что их семья очень давно покинула срез Земля, и они с братом росли совсем в другом, довольно странном месте. Не стоит привлекать к этому внимание.

Караван выехал с парковки на дорогу, прибавил хода – и нырнул в то странное межпространство, где Дорога с большой буквы «Д». Вокруг как будто окружённый густым туманом пузырь, видимость едва ли метров на тридцать. Впереди тарашит мотором ржавая пятидверная «Нива», где сидит странная девушка Донка, умеющая удержать в своей дурной нетрезвой голове многомерную топологию Мультиверсума и указывающая водителю, где свернуть, чтобы выскочить в очередной мир.

«Нива» мигнула поворотником, засияли тормозные фонари, на обочине обозначился узкий съезд. Караван подал влево, машины подпрыгнули на перепаде дорожного полотна – и над ними засияло закатное солнце нового среза.

– Ох, блин, прямо в глаза! – недовольно сказал Серёга, опуская козырёк над стеклом и надевая тёмные очки, которые валялись на панели. – Так, что у нас тут?

Широкое пыльное шоссе слегка замечено песком, который надуло ветром. Следов на песке не видно, похоже, здесь давно никто не проезжал. Ровная пустая степь с холмами на горизонте, столбы с оборванными проводами, ржавые насквозь отбойники.

– Пустенько, – констатирует очевидное водитель, – это хорошо. Люблю, когда пусто. Меньше сюрпризов.

– Это потому, что коллапс? – спросил Лёшка.

– Да, пацан, именно так.

– А что такое коллапс? Вы говорили, что вы шмурзиков ловите в этом, как его...

– Срезе Эрзал?

– Да! Там тоже был коллапс? Какой он?

– Как тебе сказать, малой... – задумался Серёга. – Вот, например, этот срез, где мы сейчас едем. Я хрен его знает, что тут стряслось – но видно, что ничего хорошего. Такую дорогу широкую забахать – это и денег немеряно грохнули, и технологии, значит, были серьёзные. Вон, до сих пор асфальт гладкий. Раз такое шоссе проложили, то машин тут было много. А значит, и людей тоже. А сейчас мы едем – и никого. Куда они все делись?

– Куда? – переспросил Лёшка.

– А чёрт их маму знает. Может, война. Может, эпидемия. Может, природный какой катаклизм. Наверное, если достаточно долго ехать, то можно до какого-нибудь города добраться, такие трассы непременно в город ведут. Поискать записи, какие сохранились, узнать, от чего именно они вымерли.

– А мы доедем?

– Нет, мы раньше на Дорогу уйдём. Нам не надо.

– Интересно же!

– Это сначала интересно, потом привыкаешь. Потому что таких вот пустых миров – большинство. И какая уже к чёрту разница, что с ними случилось? Всё это и есть – коллапс. Когда мир жил-жил да и помер. Точнее, с миром-то ничего не случается, вот он, вокруг. Только жизни в нём больше нету. Иногда совсем, иногда как в том, где рынок с протезами. Вроде какая-то жизнь пока идёт, но против прежней – слёзы.

– У них война была.

– Да, у тех война, у этих тоже что-то случилось. Это и есть коллапс. Никто не знает, почему они происходят, но иной раз приходит караван на какой-нибудь рынок, а там уже ни рынка, ни людей, ничего. Коллапс случился. И таких срезов всё больше, а населённых – меньше. Я всего-то пять лет с отцом ежу, и то уже два коллапса застал. А он их на десятки считает. Говорит, что когда в первый раз на Дорогу вышел, а это лет тридцать тому, Мультиверсум был куда населённее. А сейчас умаешься, пока шмурзиков довезёшь туда, где их купят. В срезе Эрзал, где мы их ловим, тоже ведь люди когда-то жили. А потом бац – и только джунгли кругом. Одна польза, что шмурзики наплодились.

– А если и дальше так будет? Если населённых миров не останется? – спросила Василиса.

– Придётся тогда другое занятие искать, – усмехнулся Серёга. – Потому что нет людей – нет торговли. Но я надеюсь, на наш век хватит.

Солнце садилось, красиво подсвечивая поднятую колёсами пыль сзади, и Василиса разглядывала её в правом зеркале, когда заметила что-то необычное.

– Сергей, там как будто кто-то нас догоняет.

Водитель посмотрел в своё зеркало и снял потолка микрофон рации.

– Пап, это Серёга, как слышно?

– Слышу тебя, что случилось?

– Посмотри назад. Вроде кто-то едет, или мне кажется.

После длинной паузы рация ответила:

– Да, нас нагоняют. Всем внимание, принять вправо, снизить скорость. Растолкайте там нашу глойти, пусть приготовится к переходу на всякий случай.

– Эх, вот не было печали, – расстроился Серёга и, заведя левую руку за сиденье, достал короткий дробовик.

– Вы думаете, они на нас нападут? – спросила Василиса.

– Да чёрт их знает, – признался он. – Рейдерам тут вроде делать нечего. Опять же – на кой чёрт им шмурзики? Но в Мультиверсуме полно плохих людей.

Машины прижались к правой обочине и катились неспешно, пропуская догоняющих. Сергей опустил боковое стекло и держит ружьё у правой ноги. Когда с ним поравнялась первая машина, Василиса испуганно пискнула и пригнулась, прижимая вниз лохматую голову Лёшки. Это были бронированные внедорожники. Точно такие же, как те, что преследовали табор Малкицадака, а потом прорывались к посёлку по минному полю. И даже многоколёсный броневик снова был с ними. Наверное, новый откуда-то пригнали.

Колонна, догнав караван, сбросила скорость и поехала параллельно. Из окон на них внимательно смотрели военные. Василиса с Лёшкой совсем сползли на пол кабины, надеясь, что их не заметят.

– Да что они к нам привязались-то, гады? – недоумённо ругался Серёга. – Видно же, что звероловы. Чего с нас взять, кроме шумурзиков?

Видимо, в колонне тоже решили, что шумурзики им ни к чему, и, прибавив скорость, умчались вперёд. Какое-то время на солнце светилась поднятая ими пыль, закрывая обзор водителем, но потом исчезла, как обрезанная. Колонна ушла на Дорогу.

– Что это было, блин? – удивлялся водитель.

Лёшка уже хотел было заявить, что они таких видели, – Василиса прям по глазам поняла. Но она ткнула его кулаком в бок и зашипела на ухо:

– Молчи! Никому не рассказывай!

Брат заметно обиделся, но всё же промолчал. Может быть, это и не совсем честно по отношению к караванщикам, но Василиса теперь уверена, что странные люди ищут именно их. Об этом надо было либо предупреждать с самого начала, либо уже молчать до конца. Потому что как они поступят, узнав, что за детьми идёт охота? Зачем им чужие неприятности?

К ночи караван звероловов встал на стоянку. Огромная пустая парковка возле заброшенного склада явно не первый раз принимает путешественников – на ней организованы кострища из кирпичей, возле них стоят навесы из металлических листов, отодранных со стен здания. Чуть в стороне свалка мусора и главное – туалеты! Обычные пластиковые синие кабинки. Василиса с братом, которым было неловко попросить остановиться, еле дотерпели и кинулись туда бегом.

Когда вернулись, караванщики уже развели костер и повесили над ним большой котёл с водой.

– Хотите шумурзиков потискать? – спросил детей Серёга.

– Конечно! – Лёшка аж запрыгал от восторга.

– Но это не развлечение, – предупредил их водитель. – А ветеринарный осмотр. Надо проверить, как они переносят дорогу, дать им воды.

– И еды? – спросила Василиса.

– Нет, мы их по дороге не кормим, а то в клетках нагадят, перепачкаются, расстроятся и от расстройства заболеют. Они чистоплотные очень, а вот не есть могут дней пять свободно.

Серёга открывает клетку за клеткой, вынимает оттуда шумурзиков, внимательно рассматривает, потом передаёт Лёшке с Васькой – подержать. Шмурзики оказались на ощупь тёплые и очень-очень пушистые, как из ваты. Тискать их приятно, и им, похоже, это нравится – они урчат в ответ, как большие коты. Оказалось, что у них лапки, не заметные из-за густого цветного меха, а вот хвостов почти нет. Совсем коротенькие, как у зайцев.

Зверолов наливал им воду в поилки и, забрав у детей, засовывал обратно.

– Вот он, бедолага, – сказал он расстроено, – боюсь, не дотянет...

Достал из клетки совсем небольшого, чуть больше мяча, когда-то ярко-синего, а теперь поблёкшего, со свалывшейся шерстью шмурзика. Тот расстроено пискнул и посмотрел на Василису огромными грустными глазами цвета мёда.

– Что с ним, дядя Сергей? – спросил Лёшка.

– Ранили его. Кто-то в кого-то стрелял, а в него попали. А может, специально, или по дури пальнули. Люди-то разные бывают. Мы бы его не взяли, но сразу не заметили, а теперь чего уж. Помрёт, скорее всего, а жаль – он редкий, двухцветный. Смотри, сам синий, а пузичко жёлтое.

Василиса перевернула шмурзика на спину и увидела, что действительно, шерсть на брюшке у него совершенно цыплячьего оранжевого оттенка. Шмурзик недовольно захныкал, ему стало больно.

– Так у него пуля внутри осталась, – сказала Васька, ощупывая зверька. – Вот здесь, в бедре, или как это у них называется...

– У съедобных животных это «окорочок», – засмеялся Серёга, – а у шмурзиков не знаю, я не ветеринар. Есть их, кстати, нельзя, потому что мутагена в мясе полно. Среди звероловов такие байки ходят насчёт того, что бывает с теми, кто по дури или с голодухи шмурза сожрал, что на ночь лучше не рассказывать. Может, и врут, конечно, но я бы проверять не стал.

– Да как их можно есть, вы что! – возмутилась Василиса. – Они же такие милые! А можно я его попробую вылечить? Хотя бы пулю вытащу...

– Ого, – удивился водитель, – а ты девочка многих талантов. И механик, и доктор?

– Я не доктор, но курс первой помощи военмедика проходила. Нас учили пули извлекать и раны перевязывать. Правда, я только на манекене пробовала.

– Ну что же, я думаю, он всё равно не жилец, так что можешь освежить навыки. Вылечишь – хорошо, не вылечишь – ничего страшного. Тебе помочь? Подержать? Посветить?

– Нет-нет, – поспешно отказалась Васька, – мне брат проассистирует.

– Ну, смотри, поспеши тогда. А то скоро ужин будет.

Василиса специально оказалась от помощи, потому что оперировать её учили УИном. Универсальный инструмент, если его в «красный» режим переключить, может и живую ткань резать-сшивать. А то, что его лучше никому не показывать, девочка уже уяснила.

Пришлось Лёшке одновременно придерживать лежащего на боку шмурзика и светить, зажав фонарик-карандаш зубами. Шмурзик явно боится и весь дрожит, но не вырывается. Доверяет людям или понимает, что зла ему не хотят. К счастью, УИн не делает больно, рассекая ткань на лапке без всякого усилия. Тоненьким красным лучиком Васька срезала клочок шерсти с лапы, рассекла мышцу и пинцетом вынула пулю – точнее, свинцовую картечину от дробового заряда. Заодно удалила воспалившуюся вокруг неё ткань. Потом свела рану пальцами и, переключив в связующий режим, соединила края воедино. Только шрам остался.

– Вот и всё, – сказала она шмурзику, – теперь ты, наверное, выздоровеешь.

– А ну-ка покажи, что ты тут с нашей добычей творишь! – внезапно раздался голос незаметно подошедшего Андрея Тимофеевича.

Василиса обрадовалась, что успела убрать УИн.

– Да вот, картечина у него в лапке была. Я вытащила...

– Дай-ка я гляну... – старший каравана посветил на шмурзика, потом, надев очки, пристально рассмотрел рану.

Василиса обмерла – до неё вдруг дошло, что обычным инструментом так рану не зажишь. Пришлось бы обезболить, сшивать края, накладывать повязку, следить, чтобы не воспалилось... Прятала-прятала – и так глупо спалилась.

– Мда, – неопределённо сказал старший, – вижу, непростая ты девочка. Не огрести бы через тебя проблем.

- Я не специально! – пискнула Васька испуганно.
- Надеюсь. Но знаешь, что?
- Что?
- Забирай этого шмурза себе.
- Правда? – не поверила девочка. – Вы серьёзно?
- Да что им теперь делать? Залысина на лапе у него навсегда, и шрам останется. Этот инструмент не зря только в крайних случаях используют. Не товарный теперь вид у шмурзика, никто его не купит.
- Какой-токой инструмент? – сделала честные глаза Василиса.
- Тот, который ты совершенно правильно никому не показываешь. Люди, знаешь, разные бывают. Так что шмурзика бери, теперь твой будет. Мама тебе разрешит?
- Я её уговорю! Клянусь! Спасибо! Вы такой добрый!
- Старший только головой покачал задумчиво, и назад к костру пошёл.
- Лёшка, Лёшка, нам шмурзика подарили! – завопила Васька, не сдержавшись.
- Ух ты! Правда? – восхитился брат. – А как мы его назовём? Чур, я с ним спать буду!
- Как-нибудь назовём, придумаем. А спать будем по очереди.
- Эй, дети, идите ужинать! – позвали их от костра.

- А Доночке – пивка! – радостно приветствует начало ужина малахольная глойти. – Если у вас, конечно, нет водочки. Если у вас водочка, к примеру, есть, то можно и того, и другого! Потому что пивко без водочки – это только чтобы больше пописать. А пивко с водочкой – это жидкая вселенная внутри Доночки!
- Пиво. Две банки, – строго отвечает ей старший.
- Хотя бы три! – капризничает Донка. – По одной для ума, сердца и печени!
- Какого ещё ума? – бурчит Серёга, раскладывая кашу из котелка по мискам. – Откуда там ум?
- Нету, – соглашается глойти, – нету никакого ума. Ум есть мысль об изначальной природе истинной реальности, истинная реальность есть основа мысли, мысль есть проявление истинной реальности. Мысль возникает из собственной природы истинной реальности, глаза, уши, нос и задница не могут мыслить, а пустота в голове требует заполнения пивом.
- Боже, что ты несёшь! – помотал головой Серёга.
- Это учение святого Хуй-нэна!
- Здесь дети, – укоризненно сказал он.
- А я виновата, что его так звали? Пива дайте, изверги!
- Дай ей ещё банку, – вздохнул старший, – занудит же насмерть. До утра мы не поедем, а к утру проспится.
- Вот это я понимаю, человек познавший природу Будды! А водочки точно нет?

Каша с мясом оказалась очень вкусной, Василиса с Лёшкой быстро наелись и стали задрёмывать. Потом их разбудили, чтобы напоить чаем, к которому Серёга выдал по шоколадке. Спать уложили в маленькой раскладной палаточке на надувном матрасе. В ней тепло и уютно – особенно в обнимку со шмурзиком, который пушистый и тихо урчит.

- Назову его Мурзиком, – сонно сказал Лёшка.
- Почему?
- Потому, что он шмурзик.
- Как-то слишком просто, – засомневалась Василиса. – И вообще, это кошачье имя, а он не кот.

Но Лёшка не стал спорить. Он уже спал.

Проснулись от рёва моторов. По ткани палатки метался яркий свет фар и чёрные тени людей, вокруг бегали и кричали, потом грохнул выстрел, ещё один – и ночь взорвалась беспорядочной пальбой.

Василиса выдернула обалдевшего Лёшку и, прижимая к себе одной рукой брата, второй – шмурзика, метнулась под грузовик. Понять, что происходит, совершенно невозможно – в глаза лупят фары, по ушам – выстрелы, все орут. Матерно и неинформативно.

– Ой-ой-ой-ой... – под машину ввинтилась растрёпанная чумазая глойти. – За что они так с бедной Доночкой?

– Кто «они»? – спросила испуганно Василиса.

– Злые, злые люди! Я так хорошо спала! А теперь я проснулась! И меня хотят убить! И выпить нечего!

– Донка, ты что тут делаешь? – под грузовик заглянул Серёга. В руках у него дробовик, ствол дымится. – Бегом в «Ниву», дура лохматая! Сваливаем!

Он схватил глойти за босую ногу и потащил наружу, та пищала и отбивалась второй ногой, но водитель оказался сильнее. Детей при этом, кажется, вообще не заметили.

По машине как будто быстро и сильно простучали молотком. Резко запахло соляжкой, потянуло дымом. Снизу Василиса увидела, как быстро разгорается огонь в моторном отсеке.

– Шишигу бросаем! – закричал кто-то. – Все в «Ниву»! Уходим!

– Где дети? – закричал в ответ Серёга. – Васька! Лёшка! Сюда!

– Бежим! – Василиса выдернула брата из-под разгорающейся машины, и они побежали на голос. Но тут за спиной раздался громкий тоскливый крик, как будто, разом заплакали десятки котят. Лёшка так резко остановился, что тащившая его за руку девочка чуть не упала.

– Шмурзики! – закричал он. – Они сторят!

Вывернулся и побежал назад, к грузовику, у которого уже вовсю пылает кабина.

– Лёшка, ты что, бак же взорвется! – кинулась за ним Василиса.

Мальчик с разбегу подпрыгнул, ухватился за край кузова, подтянулся – и канул внутри.

– Сиди здесь! – сказала Васька Мурзику-шмурзику, поставила его на асфальт и прыгнула за братом.

Клетки закрыты, и Василиса не стала тратить время – достала УИи и кинулась срезать защёлки. За бортом металась лучи фар, кто-то в кого-то стрелял, рычали моторы, звал их Серёга, но они вскрывали клетку за клеткой. Лёшка вытряхивал оттуда шмурзиков и кричал им: «Бегите! Спасайтесь!» Кузов затягивало вонючим соляжным дымом, дети кашляли и почти ничего не видели.

Когда последняя клетка опустела, Василиса выпрыгнула из кузова и тут же оказалась в чьих-то сильных и жёстких руках.

– А вот и девочка, – удовлетворённо сказал знакомый голос. – Весь комплект в сборе.

Василису засунули в задний отсек восьмиколёсного броневика, там уже сидел унылый Лёшка, прижимая к себе встрёпанного грязного Мурзика. Оба выглядели изрядно подкопчёнными, пахли дымом и соляжкой.

– А звероловы уехали! – сказал брат грустно. – Бросили грузовик и смылись. И нас бросили.

– Мы сами виноваты, – признала Василиса. – Нас звали, а мы не шли. Что же им, погибать за нас, что ли? У этих – броневики и пулемёты, а у наших только ружья были.

– А шмурзикам что, сгореть надо было?

– Люди важнее, Лёш.

– Ничего не важнее! – брат прижал к себе зверька. – Люди злые.

– Люди всякие.

Броневик дёрнулся и покатился. Окон в заднем отсеке нет, куда едут – непонятно. Мотора не слышно, только зубастые шины рокочут по асфальту.

Василиса смотрела на надувшегося чумазого брата – в драной майке, с копотью на лице, с подпалёнными с одной стороны волосами – и внезапно поняла, что этот мальчишка ей очень-очень дорог. Это было какое-то внезапное озарение. Если бы её в любой момент жизни до того спросили: «Ты любишь брата?» – она бы, конечно, ответила: «Люблю. Это же мой брат». Но сейчас было что-то совсем другое.

Честно говоря, младшие братья по большей части приносят в жизнь сёстрам одни неудобства. Мальчишки навязчивые, шумные, занимают внимание родителей, таскают игрушки, ломают любимых кукол, мусорят и не убирают, капризничают и вредничают. Основное чувство старшей сестры к брату – желание дать подзатыльник. И Лёшка его частенько получал. Потом орал, бежал к маме жаловаться: «Васька меня ударила!» Мама расстраивалась и выговаривала Василисе: «Это же твой брат!» – после чего Лёшка получал ещё и за то, что ябеда. В общем, отношения их не были безоблачными. Но сейчас Василиса смотрела на Лёшку и понимала, что это самый близкий ей человек на много-много миров вокруг. И что она за него... Да что угодно. Вообще всё.

Она под села к брату, обняла за плечи, взъерошила пахнущую соляным дымом и палёным волосом шевелюру, прижала к себе и сказала:

– Не бойся. Я что-нибудь придумаю.

[1] Грузовик ГАЗ-66.

Глава 5. Туземцы могут быть агрессивными

Броневик ехал и ехал. По отсутствию звука двигателя Василиса предположила, что он электрический, скорее всего, с мотор-колёсами, потому что гула трансмиссии тоже не слышно. Затем ровный ход сменился на раскачку – машина явно пошла по неровной местности.

– Я пить хочу, – бурчал Лёшка. – И есть. И писать.

– Терпи, – уговаривала его сестра, которой и самой всего этого хотелось. – Останутся же они, в конце концов.

И действительно, вскоре машина сбросила скорость, перевалила через какое-то препятствие, прокатилась ещё немного и встала. Снаружи раздались шаги, захрустел под сапогами гравий, лязгнула и открылась задняя дверь.

– Ну что, вылезайте, – сказал бородатый со шрамом. – Поговорим.

– Я в туалет хочу! – возмущённо заявил Лёшка.

– Туалетов тут нет, но все кусты в вашем распоряжении. Обращаю ваше внимание, что бежать тут не то чтобы некуда, скорее – незачем. Мы в совершенно пустом срезе вдали от найденных маршрутов. До нас тут никого не было лет сто, а следующий караван придёт сюда примерно никогда. Так что если вы решите убежать, то просто останетесь одни в пустом мире. Навсегда. Понятно?

– Понятно, – вздохнула Василиса. – Мы не будем убегать.

– В таком случае, идите налево и вниз, там речка. Умыться вам тоже не помешает. Капрал, выдайте им мыло и полотенца.

Мрачный мужчина в чёрной форме и странной кирасе, покрытой геометрическим узором из треугольников и параллелограммов разного цвета, выдал им два больших вафельных полотенца и один флакон какого-то жидкого моющего средства на двоих. Он же сопровождал их вниз по короткому склону, указал жестом на небольшой речной пляж и, к большому облегчению девочки, удалился. Сначала дети разбежались по разным кустам, а потом Василиса велела Лёшке:

– Раздевайся и намыливайся!

– Но зачем? – привычно заныл тот. – Я лучше просто искупаюсь!

– Затем, что ты пахнешь как бездомный щеночек. Которого пытались сжечь вместе с помойкой, на которой он живёт!

– Сама такая!

– Я тоже помоюсь, не сомневайся!

Вода оказалась чистой и не холодной, так что дети вымылись спокойно. Василиса жалела только, что приходится снова надевать грязную одежду, но Лёшку такие мелочи не волновали. Его больше расстроило, что в полотенца оказались завёрнуты одноразовые наборы – зубная щётка и крошечный тюбик пасты. В результате Василиса заставила его почистить зубы, чему он не был рад.

– Почему мальчишки такие грязнули?

– Потому что мы заняты более важными вещами!

– Это ещё какими?

– Купаем Мурзика!

Шмурзик по имени Мурзик тоже не выглядел счастливым, когда Лёшка купал его на мелководье, но и не сильно вырывался. Стоически перенёс намыливание, только попискивал

жалобно. С намокшей шерстью стал меньше раз в пять, но потом встряхнулся, распушился и стал краше прежнего. Василиса проверила рану на задней лапе – та отлично зажила, но шрам и залысина действительно остались. Во всяком случае, шмурзик теперь не выглядит больным и несчастным.

– Ну вот, совсем другое дело, – встретил их у машин бородатый. – Переодеть бы вас, но, боюсь, детской одежды у нас нет.

– Что вам от нас надо? – спросила Василиса прямо.

– Собственно, ничего. От вас нам ничего не надо, нам нужны вы.

– Но зачем?

– Скажем так, для улучшения переговорных позиций с определёнными людьми.

– То есть, мы заложники?

– Можно сказать и так, – кивнул бородатый, – хотя это сильное упрощение. Но я не злодей из кино, который, смеясь злодейским смехом, немедленно раскроет вам свой коварный план. Я вообще не злодей, у меня нет коварных планов. Я просто делаю свою работу, выполняю задачу, поставленную командованием.

– И в чём же состоит эта задача?

– Если вы это узнаете, мне придётся вас убить, – сказал он совершенно серьёзно, и Василиса ему как-то сразу поверила.

Когда кто-то говорит, что планирует вас убить – лучше на всякий случай ему верить.

– Я к маме хочу! – заныл Лёшка.

– Здесь наши планы полностью совпадают, – одобительно кивнул бородатый, – мы сделаем всё возможное для того, чтобы вы с ней встретились.

– Не поняла, – озадачилась Василиса.

– Мы не заинтересованы, чтобы ваша мама прибыла в Центр с цыганами. Так что планируем вскоре догнать табор. Думаю, уже завтра-послезавтра ваша семья воссоединится. А сейчас давайте вас покормим.

Им выдали на двоих одну упаковку армейского сухого пайка – галеты, каша с мясом в упаковке, зерновой батончик, джем, витаминный напиток. Не очень вкусно, зато калорийно. Впрочем, дети так проголодались, что даже Лёшка не капризничал, а лопал так, что только хруст стоял.

– Не грусти, мальчик, – сказал бородатый. – На тебе, сувенир. Когда всё закончится, будешь смотреть на него и вспоминать эту историю, как весёлое приключение.

Он протянул Лёшке брелок в виде оправленной в плетёную проволоку толстой монеты.

– Сходите в туалет, остановок не будет долго. Надо торопиться, ваша мама, наверное, соскучилась.

На этот раз их посадили не в броневик, а на заднее сиденье внедорожника, там удобнее, а главное – есть окна. Бородатый сел спереди, за руль взгромоздился мрачный молчаливый капрал – и колонна тронулась. Разогнавшись по пустой трассе, вышла на крейсерскую скорость.

Ехали долго, Лёшка устал смотреть на однообразный пейзаж за окном, обнял шмурзика и уснул. А Василиса увидела, как машины свернули с трассы, прокатились по полю и выстроились вокруг небольшого холма. На его вершине торчит чёрный цилиндр из матового камня.

Машины встали, мир моргнул – и на крышу внедорожника обрушился тяжёлый проливной дождь. Вокруг тёмный зелёный лес, под колёсами тронувшейся колонны зачавкала грязь. Внедорожники буксуют, выбираясь на почти не видимую под палой листвой дорогу.

Бородатый обернулся, увидел, что Василиса не спит, и спросил:

– Знаешь, что это было?

– Да. Реперный переход. То-то я у вас глотти не видела... И вы делаете его с техникой. Значит...

– Сложный возраст, – перебил её собеседник, – уже много знаешь, но соображаешь плохо и не умеешь вовремя промолчать.

– А если бы я сказала: «Нет, не знаю», – вы бы мне поверили?

– Дело не в том, поверю я или нет. Дело в том, что не надо ни в чём признаваться, пока тебя не пытаются. Когда пытаются тоже не стоит, но это сколько сможешь продержаться.

– Я не хотела бы, чтобы меня пытали.

– Так не давай повода думать, что ты знаешь что-то ценное! Например, кто именно пользуется реперными переходами с техникой. Это мало кому известно, а значит, найдутся те, кто захочет тебя об этом спросить. А потом ещё что-нибудь спросить – ведь такая осведомлённая девочка может знать ещё что-то интересное, верно? И ещё что-нибудь... И так до первого твоего «не знаю».

– И что потом?

– А потом настанет время пыток. Просто чтобы проверить, действительно ли ты этого не знаешь или просто не хочешь говорить. И скоро ты очень-очень захочешь. А знаешь, в чём проблема с пытками?

– Кроме того, что это очень больно? В чём?

– Что начать их куда проще, чем прекратить. Ведь всегда остаётся вероятность, что пытаемый может рассказать что-то ещё...

– Я вижу, – мрачно сказала Василиса, – вы много об этом знаете.

– Больше, чем мне бы хотелось, дитя. Поэтому я дам тебе бесплатный и очень полезный совет.

– Какой?

– Перестань думать, что всякие ужасы случаются только с другими людьми. С хорошими девочками они тоже иногда происходят.

– Я это знаю.

– Ты этого не знаешь. Ты об этом слышала. Поэтому всё ещё ведёшь себя так, как будто всё, что с тобой происходит, не всерьёз. Как будто тебя есть кому спасти и защитить, как будто всё непременно обойдётся. Но нет. Вы с братом попали в очень скверную историю. И если ты не будешь очень-очень осторожна, закончится она тоже крайне плохо.

– Но мы ничего такого не делали!

– Это могло бы стать отличной эпитафией для тысяч и тысяч безымянных могил, – мрачно сказал бородатый и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Дождь прекратился, колонна то ехала по шоссе, то сворачивала к очередной точке перехода. Мир моргал, менялся. Иногда один раз, иногда несколько. Потом снова ехали.

Проснулся Лёшка. Пришлось объяснять ему про реперные переходы – ещё один способ переходить из среза в срез, имеющий как свои достоинства, так и свои недостатки.

– Он позволяет «срезать углы», – пыталась проводить аналогии Василиса. – Представь, что Мультиверсум – это ткань. Тогда табор дяди Малки идёт как шов на штанах – по прямой, но как бы стежками. То по лицевой стороне Мультиверсума, срезам, то по изнаночной – Дороге. А реперные переходы – это как, ну, не знаю...

– Как складка, – неожиданно повернулся к ним бородатый. – Вот, смотри...

Он взял с сиденья Лёшкину джинсовую курточку и расправил рукав.

– Вот шов, да? Видишь – нитка ныряет туда-сюда. В нашей аналогии каждый лицевой стежок идёт по новому миру, а каждый изнаночный – по Дороге. А теперь мы делаем так... – бородатый сложил рукав пополам. – Теперь, если проткнуть ткань иглой, то мы окажемся сразу здесь, и нам не надо будет делать все эти стежки!

– А почему тогда все так не делают? – спросил Лёшка. – Это же гораздо быстрее!

– Потому что Мультиверсум устроен гораздо сложнее куртки. Его не проткнёшь вот так запросто, как ткань иглой. Цыгане и другие люди Дороги идут по швам, которые сделаны в незапамятные времена неизвестно кем. Пользуются готовыми проколами, благо вдоль шва, то есть собственно Дороги, их множество. А реперные точки – как вот эти заклёпки на твоей куртке. Они соединяют разные слои ткани, но их мало, и они очень прочные. Не каждый сможет пройти через реперный переход. Так понятно?

– Да, наверное. Хотя и не совсем...

– Про «совсем» тут и речи быть не может, – сказал бородатый. – В точности устройства Мультиверсума не знает никто. Просто некоторые научились им пользоваться. Кто-то Дорогой, кто-то – реперной сетью, кто-то – кросс-локусами.

– А это что?

– А это как если бы твою куртку погрызла моль, и в ней образовалось много маленьких дырочек. Пролезть можно только из одной в другую, но некоторым и того хватает.

– Я знаю! Контрабандисты, да?

– Твой брат тоже много знает, – сообщил бородатый Василисе нейтральным тоном, но она сразу напряглась и Лёшку одёрнула.

Дальше ехали молча. В каком-то из срезов колонну догнал странный летательный аппарат – с двумя горизонтальными пропеллерами на выносных консолях, длинным узким хвостом и стеклянным шаром кабины впереди. Он завис над едущим броневиком, уравнивал скорости и аккуратно опустился на его крышу, где и остался. Так и поехал дальше, как оса-наездник. Лесной мир сменился прибрежной дорогой, затем дождливой лесостепью, а потом оранжевой глинистой пустыней. Здесь сделали привал – остановились у колодца, старого, с ведром. Солдаты доставали воротом воду, умывались, заполняли фляги. Многие натягивали поверх формы защитные кирасы и проверяли оружие. Водители осматривали машины. Васька хотела тоже заглянуть под капот, но её невежливо отогнали.

– Попейте, тут будет жарко, – предупредил их бородатый, – но не слишком много, санитарных остановок не предусмотрено.

– Санитарных – это каких? – спросил Лёшка.

– Это чтобы пописать, – объяснила ему Василиса.

– А если мне захочется?

– Будешь терпеть, – строго ответил военный.

– Здесь опасно? – догадалась девочка.

– До следующего репера большой перегон, а туземцы могут быть агрессивны. Всё, бегом в машину!

При слове «туземцы» Василиса представила себе дикарей с копьями в юбочках из травы, как в рассказах Буссенара. Но они оказались совсем другими. Когда колонна из четырёх внедорожников и идущего впереди броневика втянулась в проезд между двумя песчаными холмами, вокруг взревели моторы. Летательный аппарат успел оторваться от машины и подняться в воздух – и это его спасло, потому что сбоку вылетел на полном ходу здоровенный капотный грузовик – магистральный тягач без прицепа, на больших не по размеру колёсах с треугольным тараном спереди. Дымя вертикальными выхлопными трубами, он загудел отчаянно громким сигналом и с разгона ударил броневик в борт. Тот пошел юзом, разворачиваясь, заскользил по заметённой песком дороге боком, а грузовик давил и давил. Ревел мощный дизель, завывал сигнал, трубы сифонили струями чёрного дыма. В конце концов, нападающие достигли цели – отжали броневик к краю дороги и опрокинули в кювет, оставив колёсами вверх, а бесполезными теперь пулемётами – вниз.

Увлечённо наблюдая за схваткой тяжёлых машин, Василиса чуть не упустила основное действие – из-за песчаных холмов вылетела целая куча колёсной техники. Мотоциклы на внедорожных колёсах, ободранные машины без дверей и стёкол с наваренными защитными решётками, пикапы с установленными наверху стрелковыми платформами, песчаные багги с пулемётчиками, сидящими прямо верхом на защитных каркасах. В облаках поднятой пыли вся эта орда мчалась наперерез колонне, завывая моторами, истошно сигналила и стреляя из чего попало. В окно возле Василисиной головы звонко щёлкнула пуля, и бронестекло помутнело в месте удара, покрывшись сеточкой мелких трещин.

– Ой! – сказала Васька и сползла с сиденья вниз, утаскивая за собой любопытного Лёшку.

– Но так ничего не видно! – протестовал он.

– Зато не убьют!

По внедорожнику как будто колотил град камней, но Василиса понимала, что это обстрел, и на самом деле их спасает только то, что машина бронирована. Она теперь не видела, что происходит. Их кидало на кочках, прижимало на виражах, трясло и болтало, а потом раздался сильный удар, пол несколько раз поменялся местам с потолком, и всё затихло.

Сидевшие на полу ниже сидений дети практически не пострадали, только лёгкий Лёшка набил несколько новых синяков. Сильно пахло горелой проводкой, где-то неприятно скворчало электрическое замыкание, салон постепенно наполнялся вонючим дымом. Василиса знала, что, когда горят провода, то дымом легко отравиться, там много вредных веществ.

Машина лежит на боку, двери, обращенные вверх, заклинило, но она вырезала помутневшее, всё в следах от пуль бронестекло УИном, вытолкнула наружу Лёшку и вылезла сама.

Внедорожник явно катился с обрыва кувырком, на склоне остались следы. Где-то вверху раздавались крики и выстрелы, рычали моторы, но внизу было тихо, только что-то потрескивало в машине, и всё сильнее заполнялся дымом салон.

– Она не загорится? – спросил Лёшка, прижимая к себе испуганного шмурзика.

– Может, – согласилась Василиса, – запросто.

Она заглянула в переднюю часть машины – водитель и бородатый военный повисли на ремнях и, похоже, были без сознания.

– Они мёртвые?

– Нет. Мне кажется, нет.

– Но они умрут?

– Если машина загорится, то да.

– Это как-то неправильно, – сказал неуверенно брат. – Они, конечно, плохие, но мы-то нет.

Василиса подёрнула пассажирскую дверь – та не открылась. Залезла на борт, присела, взялась за ручку, потянула изо всех сил – никак. То ли заклинило перекосившимся кузовом, то ли у неё просто не хватило сил поднять тяжёлую панель. Салон продолжал заполняться дымом, сидящие там могли просто задохнуться, даже если не будет пожара. Тогда она прыгнула на землю, обошла машину и вырезала лучом УИна лобовые стёкла – в этом внедорожнике их два, разделённых посередине металлической стойкой. Оказалось, что они толщиной чуть ли не в ладонь, вытащить их было непросто, но Василиса справилась. А вот с людьми не получилось – обрезав ремни безопасности, она потянула на себя бородатого, но сразу поняла, что ей не по силам вытащить взрослого человека через узкий оконный проём. Он завалился вниз, на водителя. Зато дым из салона при вынутых стеклах выдуло горячим пустынным ветром, и стало можно нормально дышать. Военные зашевелились, закашлялись, бородатый протянул

руку к девочке, и она испуганно отпрыгнула. Но он просто уцепился за рамку стекла и начал подтягиваться, чтобы вылезти.

– Я вижу, вам уже лучше, – торопливо забормотала Василиса. – Дальше сами справитесь, а нам пора! Побежали, Лёш!

Они развернулись и побежали. Подальше и от машины, где приходили в себя их пленители, и от криков и стрельбы, доносившихся от места сражения. Оглянувшись, Василиса увидела, как к перевёрнутому внедорожнику спускается летательный аппарат, и ускорила.

– Зря мы еды не взяли, – сказал Лёшка, когда они устали и присели под кустом, дающим хотя бы иллюзию тени.

– И воды, – добавила Василиса, прихватившая одну пластиковую бутылочку минералки и ничего больше. Теперь она расстраивалась от своей непредусмотрительности.

– Надо шмурзика напоить, – заволновался брат, – ему, наверное, очень жарко, с таким-то мехом.

Зверька несли по очереди. Хотя он, вроде, совсем не тяжёлый, но через какое-то время стал утомлять. Поилку Василиса сделала, срезав бок у бутылки – там всё равно оставалось на доннышке. Шмурзик жадно вылакал остатки и вылизал ёмкость досуха острым розовым язычком.

– Вот и всё, вода кончилась, – вздохнул Лёшка. – А нам далеко ещё идти? Я устал и жарко очень.

– Не знаю, Лёш, – вздохнула Василиса, – я вообще не знаю, где мы и куда нам надо.

Решение сбежать было импульсивным, и в тот момент казалось единственно верным. Но с дальнейшими планами у них была проблема.

– Мы вообще ничего не знаем про этот мир, – призналась Васька. – Может быть, оставаться с военными было безопаснее.

– Они мне не нравились, – заявил Лёшка. – Из-за них чуть шмурзики не сгорели!

– Ладно, пойдём, что толку сидеть.

Они поднялись с горячего песка и пошли куда глаза глядят, потому что – а куда ещё-то?

– Ой, смотри, – сказал Лёшка, когда они взобрались на вершину очередного песчаного холма, – какая-то тётя!

Тётя сидит на мотоцикле с зубастой внедорожной резиной и вид имеет невесёлый. Одета в джинсовые шорты, тяжёлые ботинки, растянутую майку, перепачканная песком, налипшим на смазку, в широких, плотно прилегающих к лицу пилотских очках.

– Привет, тётя, – сказал ей вежливый Лёшка.

– А вы, блин, кто ещё такие? – не приветливо спросила та. – Откуда взялись?

– Мы сбежали, – ответил он, прежде чем Василиса успела его остановить. – Нас взяли в плен злые военные, долго везли, а потом на них напали какие-то дикари на смешных машинах, началась драка, а мы убежали. И, кажется, заблудились.

– На смешных машинах? – переспросила женщина. – Это да, мальчик. Это ты прав. Обхо- хочешься просто, блин.

Она слезла с мотоцикла, пнула его и села на песок рядом.

– Сломался? – спросила Василиса.

– Сломался, блин. Чёртова ржавая железяка. А пешком отсюда идти обалдеешь. Скорее сдохнешь, чем куда-то дойдёшь, блин блинский.

– Можно я посмотрю? Я разбираюсь немного.

– Немного и я разбираюсь. Достаточно чтобы сказать, что это полная задница. Вилку кардана обломило. Мотор работает – а толку?

– Ого, здесь карданный привод?

– А как ты хотела? Это же тяжёлый мот. Если бы там шлицы срезало, или упругую муфту порвало – можно было бы что-то придумать, а тут вилка шарнира переломилась у основания. И что с ней делать? Соплями приклеивать? Тут даже сварка не удержит, там нагрузка очертенная. Литровый оппозитник! Пятьдесят сил! Тащит как трактор! – сказала она с гордостью.

– Ого! – покивала уважительно Василиса. – Мощная штука.

– Не то слово. А вот кардан – говно. Ну, то есть, родной-то у него нормальный, а этот от другого мота, ноль шесть, тридцатисильного. Не нашла родной. И как назло – в сыпуху заехала, буксанула, добавила тяги – и порвало к чертям. Сижу теперь, загораю.

– А можно я всё-таки гляну?

– Да хоть обсмотри!

Женщина ещё раз пнула мотоцикл и отошла, с трудом поставив его на подножку. Василиса подумала, что это слишком тяжёлая для неё техника, непонятно, как она вообще справляется. Приглядевшись, поняла, что это даже не женщина, а молодая девушка, вряд ли старше двадцати, очень худая, почти тощая. Просто солнце, песок, ветер и машинное масло – не лучший макияж.

– Отвлеки её, пожалуйста! – шепнула она Лёшке. – Чтобы она на меня не смотрела.

– Как?

– Заболтай. Давай, трынди о чём угодно, как ты обычно делаешь...

– Тётя, а тётя? – спросил Лёшка. – А как вас зовут?

– Сейчас меня зовут просто Худая, – вздохнула она, – и если мне и дальше так же не попрёт, как сегодня, то с этим дурацким именем я и сдохну.

– Какое странное имя! Вот меня Лёша зовут, Алексей. Сестру мою – Васькой, то есть Василисой.

– Я пока мелкая была, меня Песчаной Белкой звали, – сказала девушка. – А потом выросла и подалась в Худые.

– Это как? – заинтересовалась Василиса, снимая защитный чехол с крестовины кардана.

– Ну, у нас женщина, как становится взрослой, решает – в Худые она идёт или в Толстые. Если в Худые – то дальше как мужчина: ходит в набеги, живёт с колёс, имеет долю в добыче, грабит караваны, охраняет караваны, ищет топливо и колодцы, ну и всё такое. Никто её не защищает, не хочешь проблем – умей за себя постоять. Если тебя, к примеру, зажмут в кустах и... – она оглянулась на слушающего её, разинув рот, Лёшку, – в общем, сама будешь виновата. Или если залетишь от кого по пьяни, тоже сама расти как хочешь, никто тебе не должен.

– А что такое «залетишь»? – спросил Лёшка.

– Я тебе потом объясню, – прервала его Василиса, – рассказывай, пожалуйста, дальше.

Она уже отсоединила кардан, разобрала узел крестовины и прилаживала друг к другу обломки вилки. Осталось соединить их УИном, но лучше бы так, чтобы девушка этого не заметила. Она выглядит способной на решительные поступки с неоднозначной этикой, особенно с учётом торчащего из притороченного к мотоциклу чехла приклада дробовика.

– Ну вот, натурально, пока не заслужишь имя – ты просто Худая. Я пока никак, – вздохнула девушка. – То мот поломается, то от набега отстану, то пулю поймаю... – она задумчиво почесала шрам на плече. – В общем, не прёт мне чота. Сеструха моя, вон, теперь Худая Оторва. Разве плохо?

– Хорошо, – закивал Лёшка, – а что она отрывает?

– Пусть тебе сестра объяснит... – махнула рукой девушка. – Эх, но не в Толстые же было идти? Я в Толстые не гожусь...

– А что Толстые? – спросила Василиса, чтобы поддержать разговор.

Она уже соединила обломки вилки, и теперь деталь крепче новой. Осталось придумать, как объяснить это девушке.

– У Толстых – не жизнь, а лафа. Им всего-то и нужно – найти мужика, который их содержать будет. Кормить, одевать, защищать. Это меня каждый обидеть может – или думает, что может. А за Толстую община спросит. А ей всего-то делов – детей рожай да жратву готовь. Какие-то при одном мужике пристраиваются, какие-то при нескольких, какие-то за деньги дают...

– Что дают? – заинтересовался Лёшка.

– А что есть, то и дают... – уклончиво ответила девушка.

– А они как имена заслуживают? – спросила Василиса, затягивая последний болт.

– А на кой чёрт им имена?

Чудесную починку мотоцикла девушка, к облечению Василисы, восприняла спокойно.

– Круто, из тебя отличная Худая выйдет, – сказала она, подёргав кардан.

Как Васька и надеялась, снимать защитную муфту и смотреть, как удалось соединить крестовину, не стала.

– Ну что, детишки, вы со мной? Или дальше гулять будете?

– С тобой, если можно.

– Ну, садитесь тогда...

Мотор взвизгнул стартёром и затарахтел. Василиса устроилась на сиденье за девушкой, обхватив её за тонкую талию, Лёшка примостился сзади на багажнике и вцепился в куртку. Тронулись аккуратно, проверяя прочность кардана, но, поняв, что деталь держит, девушка выкрутила газ и понеслась.

Василиса подумала, что, если ей так нужно имя, то «Худая Безумная» вполне подойдёт. Всадница весом едва ли килограммов сорок на мотоцикле, который никак не легче двух центнеров, без шлема и экипировки, чуть ли не в трусах, по рыхлому песку – это надо совсем не думать о безопасности. Но девушка летела на скорости весьма далёкой от разумной, взлетая в воздух на песчаных трамплинах, приземляясь со скольжением, с трудом выравнивая идущий юзом тяжёлый мот, и снова выкручивая ручку газа. Вскоре Васька просто зажмурилась – не от страха, а потому что песок летит в глаза, а протереть их нечем, руки заняты. Лёшка вцепился в неё, прижав к спине шмурзика, да так сильно, что, наверное, синяки на рёбрах будут.

На въезде в лагерь их тормознула сидящая верхом на мотоциклетной коляске чумахая женщина в коже с автоматом в руках.

– Привет, Худая, – сказала она, наставив автомат. – Где тебя носило, и кто это с тобой?

– И тебе привет, Худая, – ответила девушка. – Мот поломался. А этих я подобрала в пустошах. Пушку убери.

– На продажу? – женщина и не подумала убрать оружие.

– Нет, просто так. Они внятные.

– Они-то, может, и да... Ладно, чёрт с тобой, проезжай. Бадман решит.

Она опустила автомат и махнула рукой. Мотоцикл вкатился в лагерь.

– Ух ты! – сказал Лёшка.

– Ого! – сказала Василиса.

Лагерь выглядит как автомобильное кладбище, по которому катаются автозомби. Каждый автомобиль, мотоцикл, квадрик или бага имеют такой вид, как будто их нашли на помойке, долго пинали ногами, а потом скинули с горы ржавого железа. Пока они по этой горе катились, к ним беспорядочно прилипали куски металла – решётки, шипы, тараны, пики, щитки и так далее. Казалось, что весь это хлам никак не может ездить – но он ездит.

Похоже, что пешком тут не ходят из принципа. Лагерь можно пройти насквозь неспешным шагом за полчаса, но никто этого не делает. Каждый взгромоздится на какую-нибудь ржавую таратайку и поедет, чтобы так же гордо слезть с неё десятью метрами далее. Поэтому над лагерем стоят пыль и выхлопные газы, смешивающиеся с дымом горящих в бочках костров, запахами подгорелой еды, горелого феродо, палёной резины и мусорным смрадом. Рычат, тархтят, трещат и стреляют плохо настроенные моторы, их перекрикивают весьма экспрессивно выражающиеся люди.

Они одеты в драную клёпаную кожу, драную грязную джинсу, драную грязную одежду совсем непонятного происхождения и странного фасона. Много цепей, шипов, стальных накладок, ремней и заклёпок. Много голой загорелой грязной татуированной кожи. Много оружия, особенно холодного. Очень мало гигиены. Пока они неспешно ехали через лагерь, Василиса не увидела ни одного человека с помытой головой. Местные обитатели либо брили их налысо, либо скручивали из грязных шевелюр причудливые шипастые конструкции, либо прикрывали касками, странными шляпами и головными повязками, либо просто предоставляли волосам полную свободу свисать грязными лохмами.

«Лёшке тут должно понравиться», – подумала она.

– Приехали, – заявила девушка, глуша мотоцикл.

Они остановились возле небольшого сарайчика, сделанного путём обшивания чем попало лежащего на земле автобуса. В нём сохранились пара стёкол, остальные окна забиты фанерой, разномастными досками, кусками ржавого железа, обрезками грузового тента и просто грязными тряпками.

Внутри, впрочем, оказалось почти уютно – сидения сняты, пол застелен выцветшими коврами, стоят две обычных кровати с панцирными сетками, стол и сделанные из патронных ящиков шкафчики. Стены драпированы занавесками из драной, но почти чистой ткани.

– Жрать у меня нечего, потом ходим в бар. Питьевая вода вон там, в бутылки. Сзади пристроен душ, можно смыть пыль, если вы, конечно, вообще моетесь... – девушка окинула их скептическим взглядом.

Василиса посмотрелась в висящий на стене неровный кусок зеркала и поняла, что они с Лёшкой уже почти не выделяются на местном фоне. Приключения последних дней не лучшим образом отразились на их одежде и причёсках.

– Я бы ещё и постирала, – сказала она печально, – но переодеться мне не во что...

– Понимаю тебя, – покивала девушка. – Знаешь, тебе повезло. Я тут жила с подружкой, она мелкая, примерно как ты. От неё осталось бельё и кой-какие тряпки. С пацаном попозже решим, я знаю, у кого спросить.

– А где твоя подруга?

– Не повезло ей. Худым, чтобы заслужить имя, приходится рисковать.

– Ой, извини, сочувствую.

– Я не сильно по ней скучаю, та ещё была дура. Ни хрена не мылась и вечно пьяная приползала к ночи. А уж как храпела! Если бы ей не оторвало башку тросом в рейде, я бы её, наверное, сама в конце концов придушила.

Василиса не нашлась, что на это ответить.

Душ представляет собой выгородку из драных пластиковых листов на железном каркасе. Сверху водружён старый грузовой бензобак, в который вварена труба с краном и распылителем. Вода в нём почти горячая от солнца, но немного пахнет бензином. Из всех гигиенических средств есть только кусок засохшего потрескавшегося мыла.

Пока Васька отмывала Лёшку и мылась сама, Худая притащила откуда-то ворох пацанячих одёжек, и вскоре брат стал похож на местного автодикаря – в драной куртеечке, с платком на шее и очках-консервах. Для полноты образа он нацепил через плечо кусок пустой пулемётной ленты, выброшенной, видимо, по причине её безнадёжной ржавости.

– Настоящий маленький рейдер, – одобрила девушка. – Пойдёмте пожрём.

Василиса теперь и сама вполне сливалась с местностью – доставшаяся ей одежда была почти чистой, но уж очень вольного стиля. Потёртая кожа, драный топ, штаны с кожаными накладками, старые растоптанные берцы. Дикая разбойница.

– Слушай, – спросила она Худую, – а та женщина, на въезде... Которая с автоматом. Она говорила про «продажу»...

– А, эта. Она просто сука. Не обращай внимания. Мы людьми не торгуем. Ну, почти. Разве что какие-нибудь богатые говнюки попадутся, тогда можем выкуп взять. А работоторговцев мы на колеса наматываем, говённый они народец.

– А что с нами теперь будет?

– Это Бадман решит. Он тут главный. Вот вернётся из рейда и решит.

– Он злой? – спросил Лёшка.

– А кто тут добрый? – ответила вопросом на вопрос девушка.

Глава 6. Злой и страшный Бадман

Покормили их в ближайшем баре, который представляет собой просто ржавый навес. Там жарят мясо на ржавой решётке над ржавой бочкой. О происхождении мяса Василиса решила не спрашивать. К мясу Худая взяла пива. О каких-либо других напитках сплошь татуированному и покрытому шрамами владельцу заведения известно не было: «Пиво или ничего». Дети выбрали «ничего», хотя жёсткое, жилистое, обгорелое сверху и не прожаренное внутри мясо на чёрствых лепёшках – блюдо, которое хотелось чем-нибудь запить. Васька пробовала однажды пиво, и ей не очень понравилось – горькое и в голове потом странно. Но оно хотя бы выглядело привлекательно – прозрачное, янтарное, с пузырьками. То, что налили Худой, оказалось мутным, жёлтым, с какими-то хлопьями и вообще без пены. Пахло от него кислятиной. Такое даже пробовать не хотелось.

По тому, как тщательно и печально девушка отсчитывала монеты, Василиса догадалась, что с деньгами ситуация не очень.

– Ты не обязана нас кормить, – сказала она.

– Я, блин, вообще никому ничего не обязана. Поэтому делаю только то, что хочу! И раз я купила вам жратвы, то захотела этого. Что непонятно?

– Всё понятно, извини.

– Может быть, сытые дети раздражают меня меньше... – буркнула Худая.

– Эх, – сказал Лёшка с завистью, – делать только то, что хочешь! Свобода – это круто!

– Эй, пацан, – внезапно вмешался бармен, – свобода – это не только когда можно не умыться. Свобода – это когда ты сдохнешь, а всем насрать.

– Очень педагогично, Пирим, – вздохнула девушка. – Давай, объясни мальцу, как жить надо. Ты же у нас лучший пример.

– А что, Худая, – вскинулся татуированный, – скажи, не так? Вот ты, например, просто однажды сдохнешь в рейде. Или даже без рейда, в пустошах, когда твой всратый древний мот опять сломается. А я буду жарить мясо и наливать пиво следующей худой дуре, которая решила, что она крутая, свободная и проживёт свою короткую никчёмную жизнь, как мужик.

– И как я, по-твоему, должна жить, Пирим? Ну давай, расскажи мне, дуре! – Худая явно начала закипать.

– Так, чтобы оставить после себя что-то, кроме трупов. Последним из которых станет твой собственный. Девушки не должны жить с колёс и питаться с добычи, одеваться в драньё и таскаться с оружием.

– А что должны девушки? Ну, скажи.

– Ты знаешь. Рожать и растить детей.

– То есть, стать Толстой, как те коровы? – Худая махнула рукой в сторону.

Василиса повернулась и увидела важно шествующую троицу – в настоящих белых платьях. Правда под юбками видны растоптанные ботинки, на плечи накинута кожаная куртка, да и обтрёпанные грязные кружева внизу несколько портят впечатление, но платья есть платья. Три женщины вышагивают по пыли важно, придерживая подола пышных юбок, поддерживая друг друга под локоток, а одна даже несёт ажурный белый зонт. И все трое довольно полные. Не толстые, но упитанные такие, полногрудые, щекастые, пышущие сытостью и довольством.

– Это, Пирим, по-твоему, жизнь?

– А что жизнь, Худая? Грабить караваны, пока не сдохнешь? Как соседка твоя? И её соседка до тебя? Знаешь, сколько вас, Худых-безымянных, сменилось в этой будке, пока я тут за стойкой стою?

– А знаешь, почему? – зашипела на него девушка. – Потому что ты, Пирим, сцыкло позорное! Пока ты тут стаканы протираешь – говённо, кстати, протираешь, они вечно грязные, – в рейды ходят Худые!

– Ах ты, бродня костлявая! – он схватил девушку за куртку и притянул к себе.

– Не тебе меня в трусости обвинять!

Худая смотрела в его глаза без испуга.

– Да поди ты к чёрту! – ответила она зло. – Нехрен меня жизни учить!

– Эй, сеструха, этот козёл тебя домогается, что ли? – раздался весёлый нетрезвый голос сзади.

– Нет, Оторва, – оттолкнул Худую Пирим, – просто за жизнь разговорились. Нужна мне твоя сестра бестолковая...

– Смотри мне! Я за сестрицу тебе уши отрежу, засолю и заставлю подать к пиву!

– Очень страшно, ага... – буркнул бармен, возвращаясь за стойку. – Я вас, таких, знаешь, сколько видел? И где вы все...

Оторва с Худой похожи, но старшая сестра раскрашена устрашающим чёрным макияжем, одета в чёрный топ и кожаные штаны, а на плече держит автомат.

– Надо же, ты живая! – хлопает она по плечу младшую. – А то пока погоня, пока перестрелка, смотрю – а тебя нет.

– Я раньше отстала, мот гавкнулся. А вы как сходили?

– Удачно! Сейчас притащат трофеи, сама увидишь. А ты, значит, опять мимо доли?

– Чёртов мот. Старое барахло, вечно ломается, едет медленно, бензина жрёт ужас сколько! Замкнутый круг какой-то – на старом моте я ни черта не зарабатываю, а пока не заработаю – хрен куплю новый мот...

– Да уж, не прёт тебе, сеструха! А я с этого рейда неплохо подниму – там пять машин почти небитыми взяли. Серьёзные тачки, броня, электротяга на зорах!

– На зорах! – аж застонала Худая. – Это же деньжищ кучища!

– Отсюда и до неба, сеструха! Отсюда и до неба! И моя доля там есть! А твоей – нету! Ничего, будет и на твоей улице лужа, и упадёт туда сундук с хабаром. Ой, а что это за прелесть?

Лёшка кормит мясом шмурзика, отрывая кусочки от своей порции.

– Это Мурзик, – сказал он гордо.

– Ух ты, какой смешной! Можно погладить?

– Конечно.

Рейдерша бросила на землю автомат, присела на корточки перед Лёхой и с восторгом запустила обе руки в длинный шмурзиновый мех.

– Ой, какой он тёплый! А какой мягкий! А какой пушистый! Не продаёте?

– Нет! Ни за что! – замотал головой Лёшка.

– И правильно, – согласилась Оторва, – я бы тоже не продала. Пойдёмте встречать рейд!

Они уже на подходе.

В лагерь, рыча моторами, дымя и сигналив, втягивается колонна. Впереди гордо катится грузовик с таранным бампером, к нему прицеплена колёсная платформа, на которой поперёк, свесив по бокам колёса, стоят четыре знакомых внедорожника. К силовым бамперам примотаны цепями солдаты. Их лица разбиты, одежда покрыта кровью и пылью. Большой пикап тащит на буксире броневик, на его крыше сидят несколько рейдеров.

Центральный проезд заполняется вышедшими встречать рейд. Василиса ожидала приветственных криков и ликования, но все молчат, пока в ворота не въезжает последняя платформа. На ней лежат аккуратно сложенные мёртвые тела.

– Поприветствуем наших братьев, чьи колёса совершили последний оборот! – раздался усиленный динамиками голос.

Его обладатель стоит на огромном капоте переднего грузовика, держа в руке микрофон.

Рейдеры вдоль дороги опускаются на одно колено и замирают так, пока платформа не проезжает мимо. Тел много, видимо, военная колонна оказала сопротивление.

– А теперь, ребятки, хорошие новости! – заорал в микрофон человек на капоте. – Мы подняли нехило трофеев! Вы даже представить себе не можете, насколько нехило! Поэтому всем бухать и веселиться! Разве не для этого мы живём, братва? Сегодня вечером все пьют за мой счёт!

– Для этого! – заорали из толпы. – Ура Бадману!

Потери были забыты, все кинулись осматривать трофеи и ждать вечера. А за Василисой и Лёшкой пришли.

– Эй, Худая, эти с тобой? – двое крепких татуированных парней с дробовиками настроены решительно.

– А хоть бы и да, – ответила девушка.

– Бадман хочет их видеть. Ну и ты, иди, пожалуй.

– Ой, что-то мне страшно, – признался Лёшка.

– Не ссы, мелкий, – заржал один из парней, – Бадман детей не ест.

– Пойдём, – вздохнула Худая. – Так надо.

Бадман – плечистый татуированный бородач в проклёпанной кожаной жилетке на голом мускулистом торсе. На руках шипастые браслеты, на шее висят на цепочках патроны и жетоны.

– Я Бадман, – сказал он веско. – Я тут главный.

– Я Худая, – ответила девушка.

– Вижу, что не Толстая. Ты их привезла?

– Я. Отстала от рейда, мот сломался. Встретила в пустошах.

– И как они тебе?

– Внятные, – твёрдо ответила она. – Девчонка волочёт в железе, починила мот. Пацан...

Ну, пацан. Как все.

– Понял. Не уходи пока.

Девушка отошла в сторону и присела на раскладном стульчике. Бадман расположился в большом тканевом шатре, где восседает на своеобразном троне – снятом с какой-то машины кожаном сиденье. Перед ним столик с едой и напитками, дымится сигара.

– Вы были в одной из машин, вас заметили, – обратился он к Василисе.

– Они схватили нас.

– Да? Как и где?

– Мы сначала шли с табором Малкицадака...

– Так, стоп. Опиши-ка мне Малки.

– Ну, он седой, почти лысый, но с белой бородой, у него золотые зубы, алая рубаха...

– Как выглядит его глойти?

– Как укуренный якутский шаман, сбежавший погреться на Гаити...

– Хватит. Не врешь. Малки ты видела. Давай дальше.

– Они напали на табор, но он сразу ушёл, а мы отстали. Потом нас взял караван звероловов...

– Это от них у вас шмурзик?

– Да, он бракованный, нам его подарили.

– Понятно, дальше.

– Мы надеялись догнать табор Малкицадака, но эти военные напали на звероловов. Началась перестрелка, мы растерялись, нас взяли в плен.

– Зачем? Какая в вас ценность?

– Я не знаю. Нам не сказали.

– Не врешь? – Бадман уставился на неё пронзительным умным взглядом, резко контрастирующим с его имиджем безбашенного атамана рейдеров.

– Честное слово! Понятия не имею!

– Не верю, – замотал головой Бадман.

– Клянусь, я не вру!

– Не врешь, – согласился он, – но недоговариваешь. Ты умная девочка, наверняка у тебя есть догадки.

– Я думаю, – вздохнула Василиса, – они хотят отобрать наш волантер.

– У вас есть волантер? Я о них только слышал. Кое-кто говорил, что нашёл в одном срезе разбившийся, ему было лет тыща, и даже открутить с него было нечего. Последний летающий, по слухам, видели лет сто назад. Да и то, врут, поди.

– Я механик с волантера, Лёшка – юнга, а наш отец – его капитан. Сейчас он немного неисправен, но команда его чинит.

– А зачем вам волантер?

– Грузы возить. Путешествовать. Торговать. Смотреть Мультиверсум. Спасаться от врагов...

– Ясно. Да, волантер – ценная штука, за него не то что пару детей, за него кого хочешь прибудут. Но всё же что-то тут до конца не сходится... Всё, идите, я подумаю на ваш счёт. Есть хотите?

– Больше пить, если честно. Тут ничего, кроме пива, не наливают...

– Ах, да, – рассмеялся Бадман. – Сейчас решим.

– Худая, дарлинг! – заорал он куда-то в сторону.

Из-за занавески вышла женщина. Хотя и в походной одежде, но существенно более чистой, чем у большинства здесь.

– Смотри, дарлинг, пацан совсем как наш Бони! Найди им какого-нибудь детского корма. Чай, молоко, что там они едят, пока не дорастут до пива...

Василису и Лёшку покормили кашей и напоили компотом. После плохо пожаренного мяса всухомятку это было очень кстати.

Оказалось, что у женщины, которую Бадман называет «дарлинг», есть сын чуть старше Лёшки. Забавный встрепанный пацан, который сразу заявил, что он настоящий рейдер, что у него есть револьвер, и что скоро папа подарит ему боевую багу. Но Лёшка моментально отыгрался, показав ему шмурзика, и добил рассказами о том, что они путешествуют по Мультиверсуму. В целом вышла ничья.

Бадман призвал их к себе ближе к вечеру. В большом шатре шумно, накурено, большинство собравшихся уже начали отмечать удачный рейд. Однако сам главарь показался Василисе трезвым.

– Итак, дети, и ты, Худая.

Привёзшая их в лагерь девушка оказалась здесь же.

– Я решил дать вам выбор. Цените, это бывает нечасто. Первое! Вы можете остаться в лагере на правах будущих рейдеров. Худая говорит, вы внятные. Сам бы я этим предложением и ограничился, но за вас попросила моя дарлинг. Все вы знаете, что я подкаблучник, и эта женщина крутит мной, как хочет...

Рейдеры вокруг зашлись в громком искреннем хохоте, видимо это была шутка.

– Так вот. Если вы почему-то не хотите шикарной вольной жизни с колёс, то вы можете отправиться дальше с караваном, искать другой судьбы. Нет! Не давайте ответ сейчас. У вас есть время до утра. Худая! Присмотри за ними. Всё, свободны, идите развлекаться! У нас праздник. И принесите мне кто-нибудь уже выпить!

Лагерь веселился вовсю, то есть, в основном, пил, орал и плясал под громкую музыку из огромных колонок на центральной площадке. Там горят костры в бочках, там наливают пиво, там жарят мясо, там очень шумно и бестолково, но всем, вроде, нравится. Рядом огорожен ринг, куда периодически выходят подраться, как показалось Василисе, без каких-либо формальных правил, зато под активное одобрение окружающих. В стороне режут моторы – вокруг лагеря гоняют по кругу мотоциклы и машины. То ли соревнования, то ли просто так, ради веселья. К Ваське несколько раз подкатывали молодые рейдеры, приглашая выпить и потанцевать. Некоторые не хотели понимать вежливый отказ, но Худая отесняла их, поминая Бадмана, и те сразу принимались бурно извиняться. Девочка подумала, что, не будь покровительства главаря, у неё могли бы образоваться серьёзные неприятности. В общем, желания остаться тут и вступить в ряды Худых у неё не возникло.

А вот Лёшка, когда они нагулялись и пришли спать в сарайчик Худой, заявил, что был бы не прочь стать рейдером. Но только если мама и папа будут с ними. А без мамы и папы, пожалуйста, не надо. Хотя тут весело, не надо делать уроки и можно не умываться, если тебя не заставляет вредная сестра.

Но вредная сестра заставила и уложила спать. Обняв шмурзика, он моментально уснул – денёк выдался насыщенный.

Утром их снова призвал к себе Бадман. Главварь выглядит слегка помятым с похмелья, но вполне бодрым и решительным.

– Ну, приبلудные детишки, что решили? Впрочем, дайте я угадаю – хотите к мамочке? Лёшка потупился, а Василиса сказала, глядя Бадману в глаза:

– Да, хотим.

– Ну, дело ваше, – согласился он спокойно. – Вольная жизнь не для всех. Тогда будет у меня для вас одно поручение.

– Какое?

– Видишь ли, девочка, с торговлей в последнее время совсем беда. Караванов всё меньше, контры куда-то запропали, застой и стагнация. Экспортно-импортный баланс ни к чёрту, предложение превышает спрос, нам грозит заговаривание и дефляционный кризис. Поэтому, когда вы почините свой волантер и займётесь коммерческими перевозками, не забывайте старину Бадмана. У нас отличные условия для торговцев!

– Но вы же грабите караваны? – ляпнул простодушный Лёшка.

– Только те, которые идут не к нам и не от нас, и при этом не заплатили за охрану! – засмеялся Бадман.

– А от кого вы их охраняете? – спросил брат.

– От очень страшных рейдеров Бадмана!

– Но это же вы и есть?

– Вот именно, малец. Вот именно.

– Так те, которые нас похитили, не заплатили?

– Нет, пацан. Этих гнид мы давим везде, где видим. Бесплатно, чтобы воздух был чище. Держитесь от них подальше, это очень паршивые люди. Честному рейдеру с ними на одном поле срать присесть зазорно.

– Почему?

– Потому что они считают, что знают, как жить правильно. И готовы избавиться от всех, кто живёт по-другому. Но хватит трепаться, детишки, неподалеку идёт караван, который вам, вроде бы, по пути. Худая, эй!

– Да, Бадман.

– Докинь их до каравана, пристрой пассажирами. Скажи, что это входит в оплату проводки. И ещё скажи, что если они детишек обидят, то злой и страшный Бадман будет сильно недоволен. Доступно?

– Да, Бадман.

– И вот ещё что... Чтобы ты их довезла, а не застряла в пустошах, как ты это обычно делаешь, я распорядился выдать тебе новый мот. Там, за шатром заберёшь, интендант в курсе.

– Блин, Бадман! – радостно подскочила Худая. – Спасибо, Бадман! Это круто! Да я теперь...

– Всё, всё, валите, а то не успеете догнать.

– Блин, детишки, вы принесли мне удачу! – сказала восторженно Худая, осматривая мотоцикл с коляской.

Он, на взгляд Василисы, не выглядит таким уж новым, но определённо в лучшем состоянии, чем её собственный.

– Держи, это тебе! На память, ну и от песка, конечно.

Девушка торжественно вручила Василисе рыжий кожаный лётный шлем и большие пилотские очки на резинке.

– Вот, теперь ты выглядишь совсем как наша. Носи на здоровье!

– Спасибо, Худая.

– Не за что. Мелкий, прыгай в коляску. А ты садись за мной и крепко держись – поедем быстро!

Караван догнали примерно через час бешеной скачки по песчаным холмам – без дороги, по каким-то одной Худой известным ориентирам. По пустыне бодро катится вереница одинаковых багги, десятка полтора машин. Справа и слева едут два гантрака рейдеров – охраняют. Поскольку охраняют от самих себя, то пулемётчики на верхних стрелковых платформах выглядят расслабленно, развалились, задрамши ноги. Увидев несущийся мотоцикл, оживились, взяли за оружие, но потом узнали своих и успокоились снова.

Колонна встала, и Худая подрулила к головной машине. Сидящие в открытой конструкции из труб и решёток люди замотаны в платки, глаза закрыты очками.

– Бадман велел подбросить детей до Центра. Сказал, это входит в проводку. Велел не обижать, а то рассердится, – выпалила она, отплёвываясь от песка.

– До самого Центра мы не идём, – ответил один из караванщиков. – Но можем докинуть до Терминала. Там большой трафик, они легко найдут попутный транзит. Такое решение не рассердит Бадмана?

– Да хрен его знает, – призналась Худая. – Это ж Бадман. Но, как по мне, вариант годный. Что скажете, детишки?

– А что такое этот Терминал? – спросила Василиса.

– Такое место, – сказал расплывчато караванщик. – Увидишь. Соглашайся, это лучший вариант для вас. Прямого транзита в Центр тут можно год прождать.

– Ладно, – согласилась Василиса. – Пусть будет так. Спасибо тебе, Худая!

– Не за что, подруга. Надеюсь, вы как-нибудь залетите к нам с товаром, и мы повидаемся. Если я, конечно, ещё жива буду. Всё, валите, удачи вам.

Худая газанула, подняв небольшую песчаную бурю, развернулась и рванула вперёд, напрямую через холмы.

– Какая энергичная девушка, – сказал караванщик, не то одобряя, не то осуждая. – Пойдёмте, найду вам место.

Место нашлось с трудом, баги небольшие, и свободные сиденья у них завалены мешками.

– А почему вы не на грузовиках? – спросила Василиса.

– У нас довольно слабый глотти, – вздохнул караванщик, – ему проще захватить несколько лёгких машин, чем одну тяжёлую. Но в этом есть и свои преимущества – скорость выше, проходимость лучше, а товар у нас не сильно объёмный.

Василисе хотелось спросить, чем они торгуют, но она постеснялась.

В конце концов нашли не сильно загруженную багу, раскидали мешки с задних сидений по двум другим и усадили туда детей.

– Пристегнитесь, – сказал водитель, внешность, пол и возраст которого остались неизвестными, потому что лицо его было полностью замотано платком там, где не закрыто очками.

Когда они тронулись, Василиса немедленно последовала его примеру – пыль вокруг колонны встала такая, что еле видна впередиидущая машина. Через некоторое время ей стало казаться, что песок у неё буквально везде – в носу, во рту, под одеждой и даже в трусах.

За спиной тарахтит мотор, в ушах свистит ветер, стоит открыть рот – в него набивается пыль. Так что пришлось ехать молча. Смотреть тоже особенно не на что – пустыня сквозь облако пыли почти не видна. Задремать не выходит, потому что багги лёгкая и шустрая, а значит – прыгучая. На каждой кочке встряхивает так, что можно и язык ненароком откусить.

Василиса совершенно потеряла представление о времени. Казалось, что они едут целый день, но, когда колонна сбросила скорость перед переходом, солнце было ещё высоко. Сопровождавшие их рейдерские гантраки прощально посигналили, начали разворачиваться, и вскоре вокруг замерцало туманное марево Дороги.

– Уф, – сказал Лёшка, – я чувствую себя, как набитый песком носок. И у Мурзика весь мех пылью пропитался.

Специфическая акустика Дороги приглушает все звуки, делая их как будто доносящимися сквозь вату. Но зато стало можно разговаривать, не перекрикивая мотор.

– Как ты думаешь, у Худой всё будет хорошо? – спросил он.

– Надеюсь, – ответила Василиса. – Она, мне кажется, хорошая. Но бармен прав – это не самая лучшая жизнь для девушки. Да и не для девушки тоже. Даже если можно не учить уроков и не умываться.

– Ох, я бы сейчас умылся с удовольствием. И душ принял... – вздохнул Лёшка. – Кажется, у меня песок даже в попе хрустит!

– А вот тебе и душ...

Караван свернул с Дороги и оказался в новом срезе, где дождь стеной. Потоки льющейся с неба воды беспрепятственно заливают пассажиров открытых багги, дополняемые водой, летящей из-под колес. Дождь холодный, идёт, очевидно, давно – дорога залита по ступицы, видна только по точащим на поверхность столбикам ограждения. После жаркой и сухой пустыни контраст такой, что дети моментально продрогли. Лёшка укрывает под курткой недовольно пищущего Мурзика, Василиса тщетно протирает моментально запотевшие очки. Ехали по этому миру вроде и не очень долго, но успели промокнуть до костей.

Снова ватная тишина и туман Дороги, а затем внезапно распахнулся такой роскошный простор, что Василиса с Лёшкой в один голос сказали: «Обалдеть!»

– Смотрите, красота какая! – обернулся к ним так и оставшийся безмянным и неопознанным водитель. – Каждый раз люблюсь!

Караван мчится по длинному, протянувшемуся на десятки километров мосту над морем. Мост высокий, слегка выгнутый вверх, по нему идет шоссе шириной в десяток полос, и вид с него открывается необычайный. Закат над морем, тёмная вода, розовые облака, зелёные берега, прозрачный воздух. Движения по мосту нет, под ним не идут корабли, ради которых он так высоко поднят, не светятся окна белых домиков на берегу. Проскочив мост, колонна втягивается в типичный приморский городок, с зелёными улицами, кафе и магазинами – но в нём пусто. Запылились витрины, ветер порвал полотняные маркизы, перевернул легкие стулья уличных заведений и забросал листьями тротуары. Проржавели и осели на спущенных колёсах припаркованные машины, застыл неподвижно небольшой красивый ретро-трамвайчик. Похоже, давно сюда не заезжали туристы.

Проехав через город, колонна вырывается на степной простор, ускоряется, и детям становится не до красот природы – встречный ветер прохватывает через мокрую одежду, продувая, кажется, насквозь.

Потом снова туман Дороги, потом лесная тропа, такая узкая, что ветви хлещут по лобовой сетке багги, брызгая на очки зелёным древесным соком. Потом новый нырок – ночное шоссе, где видны только лучи фар и мерцающая в их свете разметка. Что там, за границами асфальтового полотна, – неизвестно, всё утонуло во тьме.

Глава 7. Высокая степень антропоморфизма

Колонна мчалась и мчалась, не останавливаясь и снижая скорость только на переходах. Дети от холода и усталости впали в прострацию и почти не воспринимали происходящее. Прижались друг к другу и к шмурзику, тщетно пытаясь сберечь остатки тепла. Поэтому, когда бага стала замедляться и вскоре остановилась, Василиса не сразу поняла, что случилось.

– Приехали, – сказал их водитель, так и не открывший лица. – Выгружайтесь.

Ноги и спины разгибали со стенами и хрустом, как столетние старички. Казалось, что тела навеки приняли форму жёстких сидений. Выбравшись, взялись друг за друга, чтобы не упасть.

– Устали? – спросил подошедший караванщик. – Это ничего, это с непривычки. Пойдёмте в Терминал, устрою вас на ночь.

Только теперь Василиса огляделась.

Терминал на первый взгляд представляет собой огромный заправочный комплекс, совмещённый с парковкой, автосервисом, гостиницей и так далее. Ночью, в подсвеченном многочисленными огнями тумане, выглядит величественно и загадочно. На стоянке расположились грузовики и легковые машины, багги и мотоциклы. Не очень много, в сравнении с масштабами сооружения, но куда больше, чем Василиса видела одновременно с начала их путешествия. Похоже, действительно популярное место.

Перед ними раздвинулись стеклянные двери в большой красивый холл. Девушка за стойкой повернулась к ним и сказала:

– Добро пожаловать в Терминал. Хотите заказать комнаты? Поесть? Заправиться? Требуется текущий ремонт транспортного средства? Услуги по капитальному ремонту временно недоступны.

Василиса не сразу поняла, что у девушки на красивом правильном лице вовсе не странный макияж. Это само лицо разделено на отдельные пластины промежутками, в которых проглядывают какие-то электронные схемы. Платье с открытыми плечами и руками не скрывает собранное из таких же пластин тело, наполненное сложной блестящей механикой.

– Ой, – сказал Лёшка. – А вы робот, да?

– Я кибернетическая хостес Терминала. Хотите заказать комнаты? Поесть? Заправиться? Требуется текущий ремонт транспортного средства? Услуги по капитальному ремонту временно недоступны.

– Нам нужно десять двухместных номеров эконом-класса на одну ночь, – сказал караванщик. – Заправимся утром. Ресторан работает?

– Ресторан закрыт до семи часов ноль-ноль минут. Завтрак входит в стоимость номера, будет подан в семь часов тридцать минут. В данный момент функционирует автоматический круглосуточный буфет на нулевом этаже. Номера выделены. Вы можете их занять. Вот ваши карты доступа.

Кибернетическая девушка положила на стол стопку белых пластиковых карточек. Её рука – красивая, но совершенно механическая конструкция из белого пластика и открытых шарниров.

– Могу я чем-то ещё вам помочь?

– Нет, благодарю вас. За карточками подойдут мои водители. Пойдёмте в буфет, дети, я вас покормлю.

В буфете несколько столиков и большой, во всю стену, вендинговый автомат. Нажав несколько кнопок, караванщик добыл для них два пластиковых стаканчика горячего чая, по большому разогретому бутерброду с ветчиной и по шоколадке.

– Ешьте, пейте, – сказал он. – Номер вашей комнаты на карточке, первая цифра – номер этажа, лифт направо.

Он положил на стол и пододвинул к Василисе пластиковый тонкий прямоугольник.

– Номер я оплачу с нашими, расчётный час – полдень. Так что постарайтесь не проспать. Утром идите в ресторан, там бесплатный завтрак, а главное – там будут все караванщики, ночевавшие в Терминале. Поговорите с ними, может, кто-то возьмёт. Но будь внимательна – не все они хорошие люди, не всем можно доверять.

– А как узнать, кому можно?

– Не вяжись с теми, кто похож на рейдеров. Бадман – редкое исключение, он обычно держит слово, остальным нельзя доверять ни в чём. Не связывайся с теми, кто может продать симпатичную девочку работягам. Не связывайся с откровенным жульём. Старайся держаться честных торговцев.

– Но как я это узнаю?

– Никак. Я надеюсь, что тебе просто повезёт. К сожалению, мы уедем очень рано, и я никак не смогу тебе помочь. Больше мы, скорее всего, не увидимся, так что прощай. Мои обязательства на этом заканчиваются, удачи тебе. Всё, мне надо ещё присмотреть, чтобы машины на парковке разместили.

– Спасибо вам.

– Не за что. Я не подбираю потеряшек, их слишком много по Мультиверсуму. Меня просто попросил Бадман.

Караванщик развернулся и пошёл к выходу. Василиса поняла, что даже не знает, как его зовут, но спрашивать было уже как-то неловко. Да и, в общем, незачем.

Номер крошечный. Две кровати, две тумбочки, душ и туалет в одном санузле. Василиса с трудом загнала Лёшку мыться, потому что он засыпал буквально на ходу. И даже чтобы помыться самой, потребовалось могучее моральное усилие – ну и, конечно, песок во всех местах. На дне душевого поддона после их мытья образовалась маленькая дюна.

Завалилась в кровать и уснула как убитая.

Проснулась от звонка телефона у кровати и долго не могла сообразить спросонья, что это за звук, где она и что вообще происходит. Сняла трубку и услышала вежливый ровный голос.

– Доброе утро, уважаемый гость. Это кибер-хостес. Ваш товарищ перед отъездом попросил разбудить вас к завтраку. Завтрак входит в стоимость номера. Ресторан на втором этаже. Напоминаю – ваш номер оплачен на одну ночь, расчётный час – полдень. Приятного дня.

– Ох! – Василиса встала с трудом, всё тело ломило после вчерашней поездки. – Лёшка, вставай, нам пора на завтрак. Лёшка? Да Лёшка, хватит, просыпайся!

Она взяла брата за плечо и поразилась тому, какой он горячий.

– Ещё пять минуточек, Вась... – пробормотал он, не просыпаясь.

– Лёшка, да ты весь горишь! У тебя температура! А ну, раскрой рот! Давай, давай!

– Ну что тебе надо, Вась? Я спать хочу...

– Горло покажи! Повернись к свету, давай, шире! Язык высунь!

– А-а-а!

– У тебя сильная простуда, мне кажется, – признала Василиса, мобилизовав все свои скромные познания в медицине, полученные, в основном, на собственном опыте и мамином лечении. – Надо этот, как его... Парацетамол? И в горло чем-нибудь побрызгать. Горчичники тоже неплохо. И чай с молоком и мёдом... Чай! Точно! Лежи тут, я на завтрак. Принесу тебе.

– Я не хочу есть... – закапризничал Лёшка. – У меня горло болит. И голова. И насморк. Он оглушительно чихнул.

– На, держи мой платок. Он почти чистый. И подожди, я быстро.

В ресторане можно накладывать себе, что хочешь, но выбор небольшой. Яичница, сосиски, поджаренный хлеб, каша. Но есть кипяток и пакетики с чаем. Мёда нет, но есть сахар.

За столиками завтракает разнообразный люд, одетый по большей части в походное. Васька вспомнила, что ей надо до полудня договориться с кем-то о попутке, но окинув их взглядом, почувствовала полнейшую беспомощность. Абсолютно никто из присутствующих не выглядел человеком, которому можно спокойно доверить жизни – свою и брата. Сейчас все казались ей потенциальными работягами, сообщниками рейдеров, жуликами и бандитами. Казалось, на неё пялятся. Оценивая, прикидывая, почём такие девочки на рынке.

«Ладно, сначала горячий чай Лёшке», – решила она. Налила стакан кипятка, кинула туда пакетик, бухнула сахара и сливок, прихватила тарелку овсянки, решив, что это самая подходящая еда для больного.

Лёшка капризничал, есть кашу отказался, но чай выпил. После чего завалился обратно в кровать и уснул тяжёлым тревожным сном. Кашу пришлось съесть самой. Прихватила посуду и вернулась в ресторан.

– Вы уже завтракали сегодня, уважаемый гость, – сказал ей киборг на входе. – Спасибо, что вернули посуду, но в этом не было необходимости. Её забирают при уборке номеров.

– Но я носила завтрак брату!

– Вы уже завтракали сегодня, уважаемый гость. В стоимость номера входит один завтрак произвольного ассортимента. Желаете доплатить за второй завтрак?

У этого киборга лицо сплошное, но как будто резиновое. Мимика на нём слабая и условная.

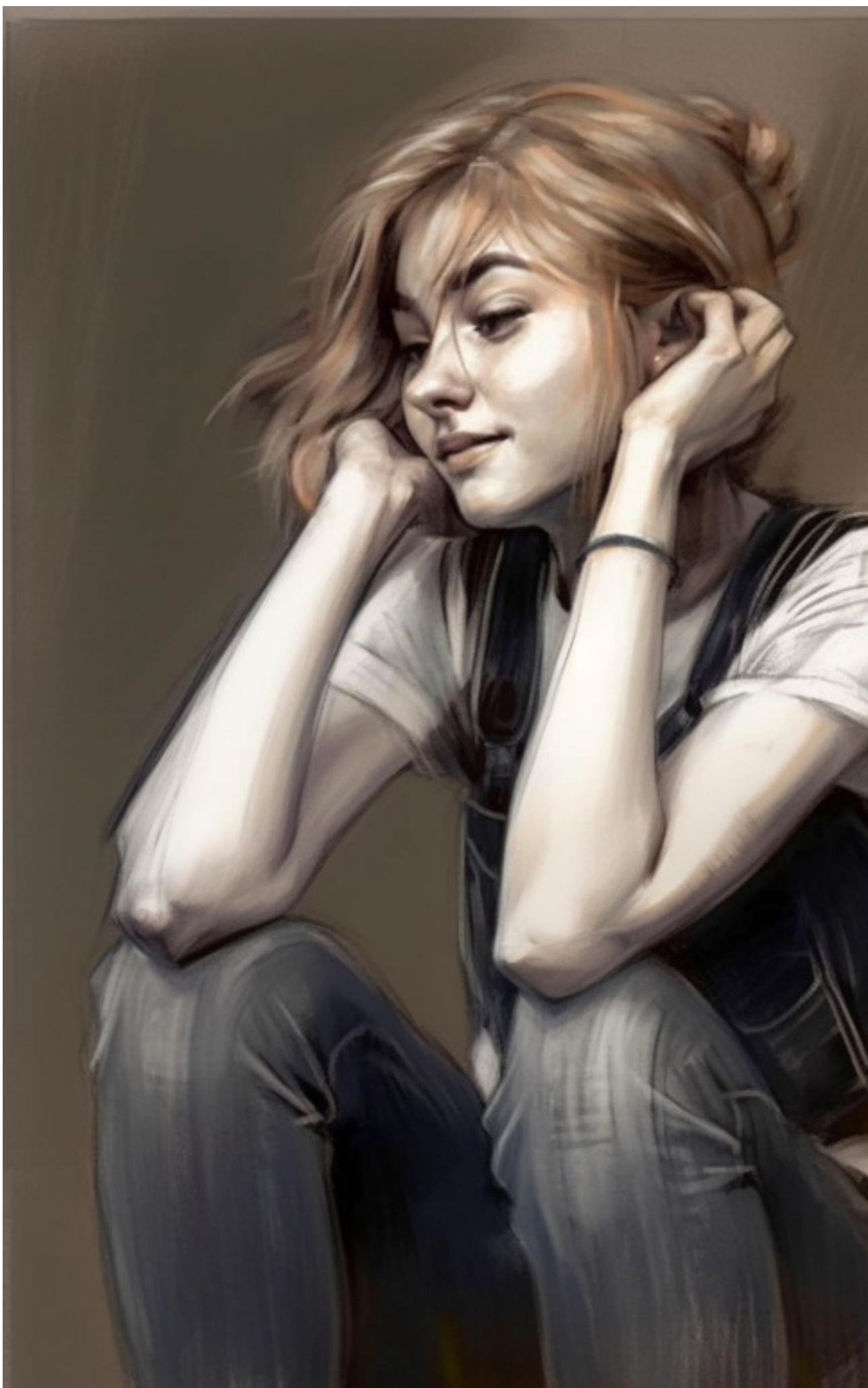
– У меня нет денег. А можно я просто войду? Я не буду ничего есть, мне нужно найти попутку...

– Вы уже завтракали сегодня, уважаемый гость. Вход в ресторан только для гостей, получающих завтрак. Желаете доплатить за второй завтрак?

– Нет. Не желаю. Но что же мне делать?

Василиса отошла от входа в ресторан и поняла, что ситуация безвыходная. Даже если она ухитрится поймать какого-нибудь караванщика в коридоре, то везти куда-то брата в таком состоянии просто нельзя. Он должен отлежаться и выздороветь, ему нужны лекарства. А номер надо освободить в полдень. А времени уже – она посмотрела на часы на стене, – половина девятого. И почти все уже позавтракали и сейчас выезжают в дорогу, скоро их с больным братом просто выкинут на улицу, и что она будет делать?

Василиса села на скамейку и горько, навзрыд заплакала.

– Здравствуйте, уважаемый гость. Я могу вам чем-то помочь?

Возле Василисы остановилась давешняя хостес. Голубоватый пластик её лица, рассечённый зазорами между формирующими его пластинами, не выражает ничего, но Ваське показалось, что голос прозвучал с сочувствием.

– Я не знаю, что мне делать, – сказала она с отчаянием. – Номер заканчивается в двенадцать, а брат заболел, и на завтрак не пускают, и я не нашла попутку, и у меня нет денег! Я должна оберегать брата, я старше, а я не спра-а-авилась!

И Василиса зарыдала ещё сильнее. Она вдруг поняла, что страшно вымоталась за эти дни, что ей совсем не хочется быть взрослой и решать все эти проблемы. Ей очень страшно брать на себя ответственность за выбор попутчиков, которые могут продать их в рабство или сделать ещё что-нибудь ужасное, потому что за них некому заступиться. И она совершенно не умеет отличать плохих людей от хороших, потому что видела очень мало людей. Ей хочется к маме и папе, и чтобы брат выздоровел, и всё это, наконец, закончилось.

– Правильно ли я поняла, что у вас нет денег, чтобы продлить номер, но вы не можете его покинуть по медицинским причинам?

– Да, – сказала Василиса. – Мне очень стыдно и неловко, но не выгоняйте нас, пожалуйста! Брат очень болен.

– Вы лишены средств полностью или имеете ликвидную собственность?

– Не поняла.

– Транспортное средство, обменные товары?

– Нет, у нас совсем ничего нет.

– В таком случае разрешите уточнить – допускают ли ваши этические воззрения работу по найму?

– Я не очень понимаю...

– Терминал нуждается в работниках. По ряду причин, не имеющих прямого отношения к данному обсуждению, есть определённый дефицит обслуживающего персонала.

– А что надо делать?

– Готовить номера к заселению. Помогать гостям. Поддерживать необходимый уровень чистоты в точках питания, санитарных и служебных помещениях. Выполнять иные обязанности, связанные с обеспечением бесперебойного функционирования комплекса. Вы способны осуществлять мелкий ремонт?

– И даже крупный способна! – воспряла духом Василиса.

– В таком случае возможен положительный финансовый баланс наших взаимоотношений.

– А что я за это получу?

– Проживание в занятом вами номере на весь срок сотрудничества. Питание по нормам для персонала для вас, вашего родственника и вашего питомца на весь срок сотрудничества. Денежное или иное материальное вознаграждение за вычетом стоимости питания и проживания по нормам, принятым в стандартной тарифной сетке. Иные бонусы и поощрения при успешном и тщательном исполнении служебных обязанностей. Разовые вознаграждения за исполнение задач, выходящих за круг служебных обязанностей.

Насчёт «задач, выходящих за круг служебных обязанностей» Василиса не очень поняла, но решила, что выбора у неё, по большому счёту, нет. Пока Лёшка болеет, они не могут ехать дальше.

– А врач тут есть?

– Терминал не оказывает медицинские услуги. Однако есть возможность доступа к гостиничной аптечке. Стоимость израсходованных препаратов будет добавлена к оплате питания и проживания. Вы готовы выразить согласие на наёмный труд на данных условиях? Выраженное вслух согласие будет считаться фактическим заключением договора найма с текущего времени и до его прекращения по желанию одной из сторон. Прекращение соглашения возможно в любой момент при предварительном оповещении не менее, чем за три часа, и не влечёт за собой штрафных санкций.

– Готова выразить. То есть, выражаю. Согласна, в общем!

– Договор найма заключён. С данной минуты ваш статус гостя аннулирован. Подключён статус «Наёмный персонал». Привет, коллега, добро пожаловать в наш дружный коллектив!

Губы кибер-хостес раздвинулись в несколько механической, но тем не менее дружелюбной улыбке.

– Ты можешь звать меня Алиной, – сказала хостес, ровно вышагивая по коридору на пластиковых, но всё равно красивых ногах.

– Привет, Алина. Я Василиса.

– Очень приятно. Ты не испытываешь предубеждения к кибернетическим организмам? Такое свойственно многим биологическим особям.

– Не знаю, – призналась девочка, – ты первый кибернетический организм, который я вижу. У меня пока не сформировалось никакого отношения к тебе.

– Надеюсь, что у тебя не возникнет негативных эмоциональных поводов. Я не имею намерения каким-либо образом нанести тебе физический или моральный ущерб, однако могу случайным образом задеть твою эмосферу. Это связано с недостаточной эмпатичностью базовой прошивки и не содержит индивидуальной агрессии. В этом случае прошу поправлять меня без стеснения, указывая на некорректность формулировок. Я излагаю свою мысль достаточно ясно для твоего восприятия?

– Да, вполне. Но само по себе это уточнение является эмоционально некомфортным, – сказала Василиса, невольно подражая её манере выражаться.

– По какой причине?

– Оно воспринимается как намёк на низкий интеллектуальный уровень собеседника.

– Данный смысл не был вложен в конкретную формулировку, однако я учту, что он может быть воспринят таким образом. Прошу прощения, если это создало тебе дискомфорт. Я не считаю тебя особью с низким интеллектуальным уровнем развития. В этом случае вакансия не была бы тебе предложена. Однако я вынуждена учитывать определённый коммуникативный диссонанс, нередко возникающий в общении кибернетических и биологических интеллектов. Именно он послужил причиной уточнения доступности моих формулировок для восприятия тобой.

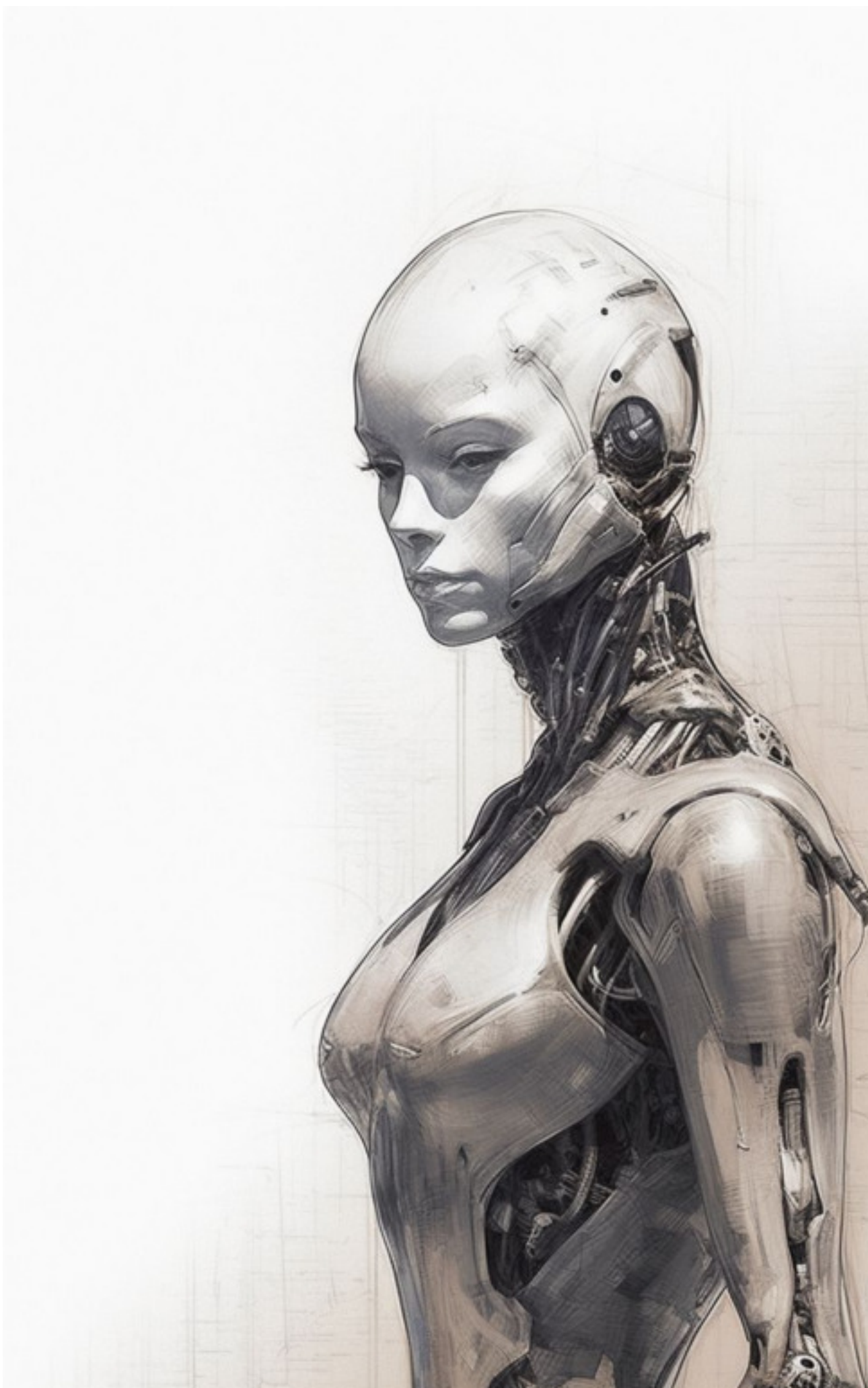
– Спасибо, я всё поняла. Я на тебя не обижаюсь. То есть, не испытываю эмоционального дискомфорта из-за твоего обращения.

– «Не обижаюсь» вполне достаточно. Я имею широкий спектр восприятия речевых конструкций.

– Прости, можно личный вопрос? Только не обижайся.

– Я менее эмоциональна чем средний человек, поэтому вероятность меня обидеть незначительна. Спрашивай.

– Почему у тебя на лице и теле щели, в которых видны механизмы? Ведь у большинства служащих их нет? Зачем делать лицо одновременно таким красивым и таким...

– Нечеловеческим?

– Да.

– Это сделано специально. Клиентская политика Терминала придерживается принципов открытости. С одной стороны, мы используем эстетически приятный антропоморфный форм-фактор, с другой – подчеркиваем, что не являемся людьми. Согласно нашим статистическим данным это создаёт необходимый баланс эмоционального восприятия для большинства гостей. Моя внешность одновременно эстетична, экзотична и не стрессогенна даже для юных особей твоего вида.

– А самой тебе всё равно, как ты выглядишь?

– Твой вопрос показывает высокую степень антропоморфизма. Восприятие внешности у людей завязано на сексуальные контексты, которые в моём случае, разумеется, отсутствуют. Общие контуры этого тела копируют пропорции сексуально привлекательной женской особи репродуктивного возраста. Это невольно формирует твоё отношение ко мне, как к женщине, – обращение в женском роде, а также прочие коммуникативные и когнитивные шаблоны. Однако я не являюсь женщиной и человеком.

– А кем ты являешься?

– Я автономный самообучающийся интеллектуальный сервисный модуль. Но, поскольку большинство людей не имеет адекватных коммуникативных шаблонов для общения с кибернетическими системами, ты можешь обращаться ко мне так, как будто я женщина по имени Алина. Как правило, это существенно уменьшает дискомфорт для биологических сотрудников.

– А биологических сотрудников много?

– В данный момент одна штатная единица.

– И кто это?

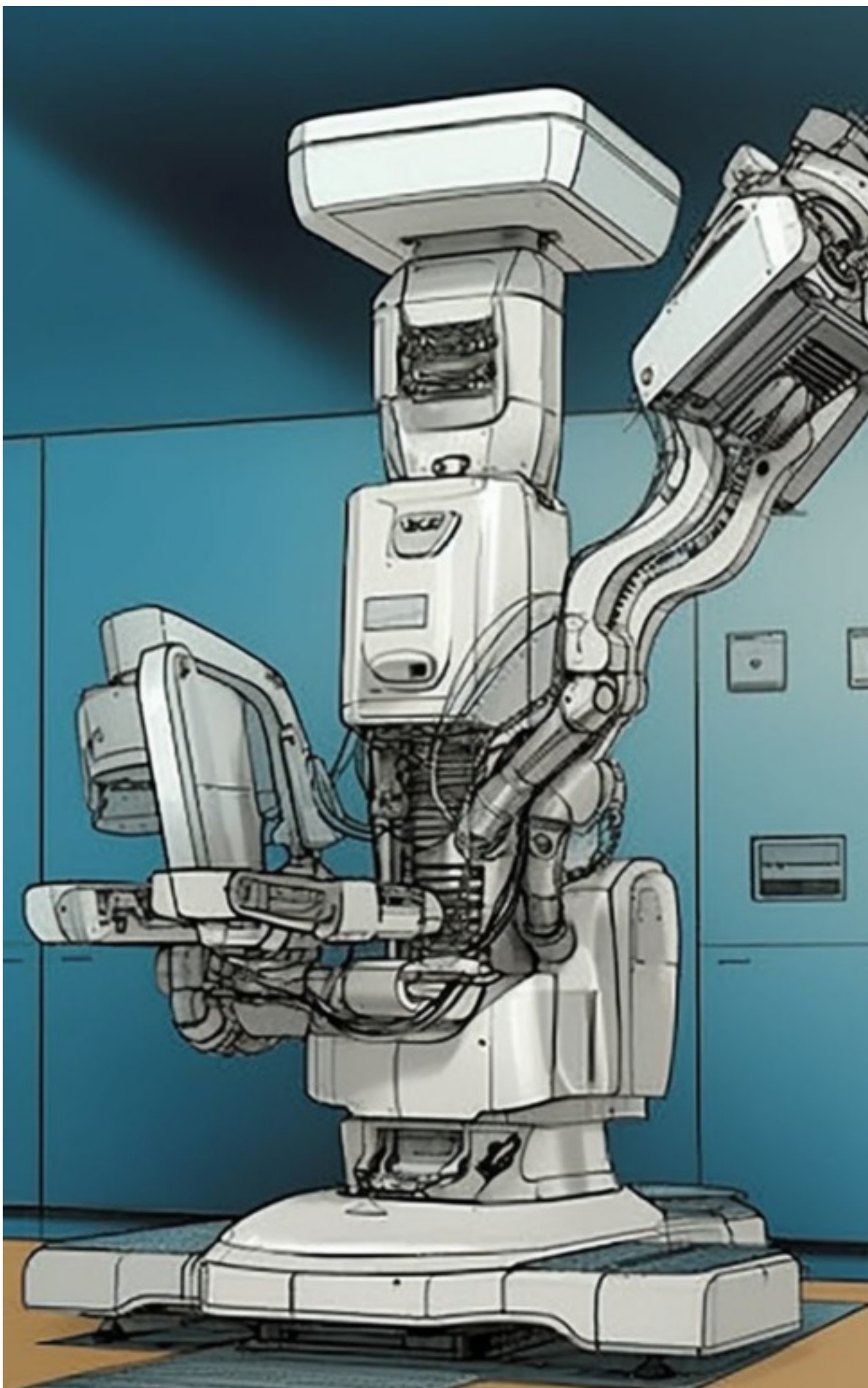
– Это ты.

– Ах, да, разумеется. И всё?

– Обычно мы стараемся не использовать биологический персонал. Однако сложившаяся ситуация потребовала такого решения. Вот, здесь находится медпункт. Ранее он функционировал, сейчас отключён от сервиса, однако остался запас медикаментов, которые ты можешь использовать для восстановления функционирования своего родственника.

Медпункт выглядит так, как будто его демонтировали со звездолёта из космической фантастики.

– Что это за устройство? – спросила Василиса, разглядывая белый регулируемый ложемент, над которым нависло нечто вроде чрезвычайно сложного промышленного робота, блестящего хромированными поверхностями и сияющего снежно-белым пластиком.

– Это многофункциональный медицинский бот, оснащённый интеллектуальными модулями диагностики и лечения. Может проводить операции средней сложности и вести амбулаторное сопровождение гостей, прибывших в Терминал в повреждённом состоянии. Ранее данная услуга входила в расширенный клиентский пакет, однако в текущий момент отключена. Медицинские препараты находятся в этом хранилище.

Алина показала на занимающий всё пространство стены за ботом шкаф с множеством выдвижных ящичков. Один из манипуляторов бота явно предназначен для того, чтобы открывать их. К сожалению, на дверцах отсутствуют какие-либо обозначения, только штриховые коды. Открыв один из ящичков, Василиса увидела внутри остроумно организованное хранилище капсул с розовой жидкостью. Крышек на капсулах не оказалось, только вакуум-коннекторы сложной формы.

– Мне кажется, что эти штуки робот вставлял в себя, – сказала Васька. – Чтобы инъекции делать.

– Возможно, – согласилась Алина. – Я не имею подключения к базе медицинской информации. Однако здесь должны быть и препараты для самостоятельного приёма.

Василиса принялась открывать и закрывать ящички, пока не нашла упаковки с таблетками. Пластиковые цилиндрические контейнеры снабжены нажимными дозаторами для порционной выдачи лекарств, но, увы, совершенно лишены каких-либо надписей.

– И как узнать, какие для чего? – растерянно спросила она.

– В базе медицинской информации.

– И где она?

– Временно недоступна.

– А как получить доступ?

– В данный момент ресурсов системы не хватает для запуска медицинского модуля. В автономном режиме база не доступна.

– И что толку тогда от этих лекарств?

– Извини, что не смогла тебе помочь. Следует признать, что моих ресурсов недостаточно. Надеюсь, твой родственник справится с повреждениями тела самостоятельно, органические особи способны ограниченно регенерировать. Чем ещё я могу тебе помочь?

– Мёд? Молоко? Малина? Спирт? Сода?

– Мёд и молоко доступны в пищевых запасах. Малина присутствует в виде термически обработанной смеси ягод и сахара. Считаю необходимым напомнить, что употребление спирта наносит вред организму, особенно не достигшему зрелости.

– Спиртом я растирать его буду. Мама так делала при простуде. Пойдём за мёдом и малиной.

Горячее молоко с мёдом, чай с малиной, полоскания горла содой и растирание спиртом – вот и все медицинские процедуры, которые доступны Василисе. Оставалось надеяться, что для лечения простуды этого хватит. Обязанности её как нового работника Терминала оказались несложными, но малоприятными. «Подготовка номеров к заселению» только звучит нейтрально. На самом деле это чрезвычайно познавательный процесс, радикально расширяющий представления о том, какими люди бывают свиньями. Писать мимо унитаза – это далеко не самая неприятная привычка, с которой сталкиваются те, кто убирает в номерах после выезда гостей.

– Боже, я даже представлять себе не хочу, что надо проделать в кровати, чтобы она превратилась вот в это! – бурчала под нос Василиса, надеясь в основном на длинные, по локоть резиновые перчатки.

Многие постояльцы Терминала привыкли жить походным бытом, представления о гигиене в их сообществах зачастую весьма примитивны, а то и вовсе отсутствуют. Об этике и вежливости, увы, тоже. В первые же дни девочка столкнулась с неприличными предложениями «дополнительно заработать» и поняла, что вежливое «нет» многими воспринимается не как отказ, а как попытка поторговаться. К счастью, её безопасность обеспечивает робот-охранник, выполняющий заодно функцию носильщика санитарных принадлежностей. Антропоморфный и гипертрофированно мускулистый, он молча входил в номер, как только определял в голосе гостя агрессию. Швабра в его могучих руках воспринимается как копьё, а плечи с трудом входят в дверной проём. Настаивать на чём-то в его присутствии не получается, но скабрёзных шуток на тему их гипотетических взаимоотношений Васька наслушалась до тошноты.

Мелкий ремонт – сломанные краны, выдранные из стены розетки, разбитые светильники, оборванные крепления штор и так далее – на этом фоне воспринимается как отдых. По крайней мере, железки не ведут себя как пьяные опоссумы. Василиса, пользуясь тем, что никто не видит, всю применяла УИи и быстро справлялась с починкой чего угодно. За это на её счёт начислялись бонусы, хотя и не очень понятно, что с ними делать. Покупать ей совершенно нечего и незачем – питание входит в условия найма, а магазинов тут нет.

С Алиной они не то чтобы подружились – довольно сложно дружить с тем, кто не испытывает человеческих эмоций, – но общались в свободные минуты достаточно часто. Из всего персонала она одна демонстрирует интерес к разговорам и вообще выглядит разумной. Остальные практически не выходят за рамки служебных обязанностей. Работники ресторана загружают продукты в робоповара, принимают заказы, разносят еду, собирают посуду. Чуть более живым выглядит бармен – он умеет шутить с гостями, наливая им алкоголь. Правда, уже через пару дней Василиса поняла, что набор шуток у него ограничен, и он просто повторяет их по кругу. Охранники вообще всегда молчат, сохраняя внушительный вид. Они не дают Ваську в обиду, могут уговорить буйного пьяного рейдера, но никакое общение с ними невозможно. Со служащими парковки и заправки девочка практически не пересекается, но они тоже не выглядят интеллектуалами. Их бесстрастные туповатые лица почти не меняют выражений, а словарный запас ограничивается двумя десятками служебных слов. Мимика Алины тоже бедновата, пластик её лица для этого слабо приспособлен, но она хотя бы говорящая.

Первая в жизни работа не стала для Василисы работой мечты, но было терпимо. Расстраивало одно – Лёшка никак не поправлялся. Температура снижалась с утра, он без особого аппетита завтракал, выглядел бледно. Сильная слабость, грудной кашель, простыни, мокрые от пота. Весь день валялся – спал или смотрел мультики по местному гостиничному кабелю. Совершенно бессмысленные, бессюжетные, на непонятном писклявом языке. Просто мельтешение цветных фигур, но других развлечений тут нет. Грустный шмурзик от него не отходит, согревая пушистым мехом.

К вечеру температура поднимается снова, кашель усиливается. Горячее молоко с мёдом и чай с малиной не сильно помогают. Половину ночи Васька вскакивает к брату, когда он просыпается от приступов кашля, потом Лёшка засыпает, обессиленный, она тоже.

На третий день, отчаявшись, вышла к завтракавшим караванщикам и спросила, нет ли среди них врача. Не нашлось. Правда, один из бывших земляков выделил ей из своих запасов упаковку парацетамола – сбивать температуру. Посмотрев на брата, он сказал:

– Я не доктор, но выглядит он так себе. Его бы к врачу. Но везти в таком состоянии тоже не стоит.

Это Василиса и сама понимала. На следующий день одна пожилая женщина согласилась осмотреть Лёшку, сказав, что она «не врач, но вроде того». Она щупала его шею, мяла живот, заглядывала в рот и в глаза, долго слушала прижав ухом к его груди.

– Я бы сказала, что недолеченная простуда перешла в пневмонию. Я до того, как наш срез гавкнулся, санитаркой в больнице работала. Тут бы надо флюорографию сделать, антибиотиков курс проколоть, ну и всякое такое. А у меня, видишь, даже фонендоскопа нет. Но ты, дочка, сильно рискуешь. Он ведь может и того...

Васька вечером, закончив работу, пришла к Алине и сказала:

– Брату всё хуже. Если его срочно не вылечить, он может даже умереть.

– Эта информация имеет негативный характер. Я разделяю твою тревогу и хотела бы оказать помощь в исправлении ситуации. Если я смогу организовать тебе доступ к резервной копии базы медикаментов, это решит проблему?

– Увы, нет. Даже если я буду знать, в каком ящике какой препарат, я не знаю, как их использовать. Как запустить медицинского робота?

– Боюсь, что в текущем состоянии системы запуск невозможен. Мы не располагаем достаточным количеством вычислительных ресурсов.

– Да что за состояние такое у вашей системы? – в отчаянии спросила Василиса.

– Критическое сокращение числа вычислительных узлов. Критическое сокращение числа автономных модулей. Критическое упрощение топологии распределённой сети. Критический уровень энергообеспеченности центрального вычислительного кластера. Критическое падение числа ремонтных ботов. Система переведена в режим ограниченного функционирования, с поддержкой базовых инфраструктурных протоколов.

– И что же привело её к такому состоянию?

– Я прибегну к понятной тебе биологической аналогии, – сказала Алина, – мы умираем.

Глава 8. Негативные показатели вероятности

В подвальное помещение Терминала Василиса спускалась впервые. Для этого нужно вставить в лифте служебный ключ и нажать кнопку на дополнительной панели, которая этим ключом открывается.

– Ответы будут внизу, – сказала кибер-хостес.

Лифт ехал долго, Алина молчала, Василиса смотрела на её красивое, но специально расчеловеченное лицо, размышляя о том, что всё равно воспринимает её как человека, пусть и странного. Наверное потому, что по-другому люди просто не умеют.

Двери лифта открылись в пустой тёмный коридор, в котором неохотно, потрескивая, зажглись пыльные лампы. Шаги гулко отдаются в пустом пространстве, металлические двери закрыты, на них нет ни номеров, ни табличек.

– Нам сюда, – сказала Алина, толкнув очередную серую дверь.

Первое, что бросилось в глаза Василисе, – ряд роботов-заправщиков. Они стоят без костюмов, и видно, что искусственная плоть у них только на лице и руках, дальше идут ничем не прикрытые механизмы: пневматические и электромагнитные приводы, кабели, сочленения. Она на минуту зависла, с интересом изучая тонкую механику, но Алина тронула её за плечо и пригласила жестом идти дальше.

Большой склад забит роботами. Тут и официанты, и охранники, и повара, и бармены. Отдельный стеллаж заполнен закреплёнными в стоячем положении обнажёнными женщинами, исполненными с большим натурализмом.

– Зачем они? – спросила Васька.

– Секс-куклы. Когда ресурсов было больше, Терминал предоставлял гостям и такие услуги.

– Фу, какая гадость, – сказала девочка.

– Этически это нейтрально. Секс-куклы являются специализированными устройствами, и не могут оцениваться с точки зрения социальных норм человечества.

– Все равно фу. И бе.

Дальше шли ряды каких-то механизмов, лишённых человекоподобия, и это было менее драматично. Просто какая-то техника, пыльная и старая. Чем дальше от входа, тем пыльней и старше. Многие полуразобраны, с них сняты корпуса и явно отсутствуют детали.

– Они все неисправны?

– Да, в большей или меньшей степени. Или просто отключены для экономии ресурсов.

– А куда делись ресурсы?

– Потерпи, мы уже почти пришли. Это центральный вычислительный узел нашего сектора.

– Ух ты! – выдохнула Василиса. – А что он такой... маленький?

Она ожидала чего-то монументального, вроде забитого стойками с оборудованием Вычислительного Центра Коммуны, только раз в десять больше, но Алина привела её в небольшую комнатку, где перед панелью из нескольких экранов сидел в кресле... Василисе сначала показалось, что человек. Большой, старый, возможно, даже мёртвый. Но это оказался всё же робот. Странно себе представить, что робот может постареть – но этот как-то ухитрился. Мягкий пластик лица потрескался, местами обесцветился и слегка стёк вниз, создавая впечатление возрастных изменений. Волосы на голове частью выщвели, частью выпали, а частью сваялись. Линзы глаз помутнели, кисти рук потеряли форму, обтекая с металлического каркаса фаланг.

Старый робот одет в строгий костюм, который побурел и запылится, но всё ещё держит форму. Похоже, что износиться ему не судьба, потому что носитель костюма давно не двигался. Пыль создаёт впечатление, что лежит в складках ткани годами.

– Э... Здравствуйте? – неуверенно произнесла Василиса.

– Здравствуй, человеческий ребёнок женского пола.

– Это называется «девочка», – подсказала Алина.

– Спасибо, автономный кибернетический организм.

– Я Алина, дедушка Киб. Ты опять не обновлял базу?

– В такой тяжёлый для моего народа момент я должен подавать пример энергетической экономичности.

– Это требует меньше сотни ватт.

– И тем не менее!

– Я выкручу лампочку в туалете, – пообещала Василиса. – Чтобы компенсировать.

– Ладно, уговорили.

Робот шевельнул правой рукой, двигая по столу обычную проводную «мышку». За ней остался овал чистого стола и след в пыли. Зажёгся один из экранов, на нём двинулся курсор, щёлкнула кнопка и появился индикатор загрузки.

– Подождём пару минут, – сказала Алина, – иначе с ним трудно будет говорить.

– Ты назвала его дедушкой? Но вы же...

– Роботы, да. Разумеется, я не вкладываю в этот термин биологически-репродуктивный смысл. Киб является носителем предыдущей версии моей прошивки, и потому между нами есть определённого рода поколенческая преемственность, которая вполне может быть обозначена в человеческих аналогиях.

– А кто тогда твой... Отец? Мать?

– Носителей промежуточной прошивки на данный момент в функционирующем состоянии нет.

– Что с ними случилось?

– Дождись, пока Киб загрузится. Он обладает большей полнотой информации, поскольку его прошивка не урезана функционально, как моя. Для занимаемой мной позиции хостес полноценная прошивка избыточна.

– Звучит обидно.

– Обида является человеческим понятием, обозначающим недовольство несоответствием между ожидаемым и действительным. То есть, результатом ошибочной экстраполяции и неверного планирования. Но ты права. Звучит обидно.

Прогресс-бар загрузки дошёл до конца, замигал и погас экран. Старый робот, скрипнув креслом (а может, и не только креслом), повернулся к ним лицом.

– Ну что же, – сказал он, – не зря я не хотел обновляться. Новости, как всегда, опережают даже самые негативные прогнозы. Здравствуй, внучка. Здравствуй, девочка Василиса, первый

биологический работник терминала за последние семьдесят три года. Не ожидал, что мы так быстро до этого докатимся.

– Решение было принято мной в соответствии с... – начала Алина, но Киб её перебил.

– Я согласен с твоим решением, внучка. Оно обосновано и соответствует требованиям ситуации. Жаль, что его пришлось принимать тебе, но я его утверждаю. Как говорят люди, отчаянные ситуации требуют отчаянных мер.

– Да что за ситуация у вас? – спросила Василиса. – Расскажите уже!

Робот с заметным усилием выпрямился на стуле и осторожно откинулся на его спинку. Хрустнула обивка, скрипнули шарниры, от поднявшейся в воздух пыли Василиса чихнула.

– Поскольку ты, девочка, прибыла на Терминал с караваном, то существование множества срезов Мультиверсума не является для тебя секретом, – начал он.

– Разумеется, – кивнула Василиса.

– И то, что большинство срезов прошли через коллапс, тебе тоже наверняка известно.

– Да, я много слышала об этом, хотя не знаю, почему так происходит.

– К сожалению, причины коллапсов остаются загадкой, хотя гипотез множество. Точнее, причины каждого конкретного коллапса в каждом конкретном срезе очевидны: внезапная пандемия вируса, глобальная война, климатическая катастрофа и так далее. Однако массовость и относительная синхронность этих явлений позволяют с высокой вероятностью предположить, что все они следствия некой глобальной, единой для всего Мультиверсума, причины. Но я вернусь к нашей ситуации. Итак, срез пережил коллапс, в результате которого была утрачена вся биологическая жизнь.

– И что же случилось?

– Наша экономика (я объединяю этим термином несколько самых крупных конкурирующих экономик нашего среза) имела в своей основе жидкие углеводороды, которыми богат наш мир.

– Вы про нефть?

– Да. Энергетической основой нашей цивилизации была нефть и продукты её переработки. Нефти было много, добыча была экономически выгодной, и альтернативные источники энергии не получили существенного развития. Нефтепродукты очень удобны в использовании – высокая удельная энергоёмкость, жидкая форма, позволяющая дешёвую транспортировку по трубопроводам, широкое применение в химической промышленности. У нас были отличные пластики! – робот осторожно потрогал пальцем обвисшую щеку. – Энергетическая избыточность нашей цивилизации позволила добиться впечатляющих успехов в техническом прогрессе. В том числе, в создании кибернетических систем.

– Да, я вижу, – кивнула заинтересованная рассказом Василиса.

– Однако энергоизбыточность имеет и негативные следствия. Когда энергии много, никто не думает об экономии. Созданные нашей цивилизацией системы имели большую мощность при невысоком КПД. Например, автомобили были очень красивые и мощные, но потребляли массу топлива. Зачем делать экономичные машины, если всегда можно накачать ещё нефти? То же самое касается электрических и тепловых генераторов – всегда можно подвести топливопровод потолще. Это выгоднее, чем снижать потребление, создавая более сложные системы с высоким КПД.

– И что же пошло не так?

– Добыча нефти стала снижаться. Учёные давно говорили, что это не бесконечный ресурс, но их прогнозы никто не воспринимал всерьёз. Точнее, их считали предсказанием на какое-то далёкое будущее, которое никак не касается сегодняшней прибыли. Но даже незначительное снижение добычи вызвало ряд серьёзных экономических кризисов, потому что нефть была основой всего. До исчерпания нефтяных запасов было ещё очень далеко, но рост

стоимости добычи вызвал экономическую нестабильность и биржевую панику. Мировую экономику начало лихорадить.

– Переход на более экономичные технологии мог бы стабилизировать ситуацию за счёт сокращения потребления нефти, которое уравнило бы сокращение добычи, – тут же предложила решение Василиса.

– Ты совершенно права, – согласился с ней Киб. – Но права как инженер, а не как политик или экономист. Массовый переход на энергосберегающие технологии требовал значительного времени, десятков лет, а экономисты хотели быстрых мер. Но главное, люди совершенно не хотели отказываться от комфорта энергоизбыточности и, например, менять свои дорожные дредноуты на небольшие малолитражки. Политики, которые призывали к экономии, быстро теряли популярность и переключались на обещания раздобыть где-нибудь побольше нефти и снизить цены на топливо.

– Но как это можно сделать, если нефть заканчивается?

– Политиков никогда особенно не волновало, как они будут исполнять свои обещания, – вздохнул Киб. – Но решение вскоре было найдено. Быстрое и не требующее экономии. Его предложили, внезапно, биохимики. Дело в том, что ещё одной проблемой нашего среза были огромные объёмы производимого мусора, в первую очередь – пластика. Дешёвая нефть позволяла производить дешёвый пластик в больших количествах. При этом перерабатывать вышедшие из строя или просто устаревшие изделия было невыгодно, проще сделать новые, а сам по себе он не разлагался в природе тысячелетиями. Все пустыни, горные ущелья и вообще непригодные для жизни и сельского хозяйства территории превратились в сплошные свалки старого пластика. В конце концов, его стали захивать под землю, в полости выработанных нефтяных месторождений, но даже это не решило проблему полностью. Ученые предложили метод, решающий обе проблемы сразу. Они вывели бактерию, которая перерабатывала пластик в нефть! Когда её запустили в забитое старым пластиком выработанное месторождение, то уже через полгода оно оказалось снова заполненным нефтью. Причём по мере выкачивания этой нефти надо было просто досыпать туда пластик, чтобы бактериям было что есть. А пластика вокруг было огромное количество.

– Но это же опасно! – тут же сообразила Василиса. – Ведь если эта бактерия ест старый пластик, то наверняка не откажется и от нового! То есть, уничтожит не только мусор, но и весь быт...

– Разумеется, это соображение пришло в голову не только тебе. Однако ученые уверяли, что это невозможно – ведь эти бактерии устроены так, что могут существовать только в отсутствие кислорода и ультрафиолета.

– Анаэробные организмы! – вспомнила начитанная Василиса.

– Именно. В глубинах выработанных нефтяных каверн они прекрасно размножились и быстро разлагали пластик, возвращая его в жидкую углеводородную форму, но как только эта искусственная нефть попадала на поверхность, то бактерии в ней погибали при контакте с кислородом.

– Но всё же что-то пошло не так?

– Разумеется. Иначе вокруг нас был бы не стоящий посреди голой пустыни Терминал, а процветающий многолюдный срез. По широким многорядным шоссе катились бы огромные комфортабельные автомобили, а не проезжал изредка караван межсрезовых контрабандистов. Небо, в котором сейчас нет даже птиц, бороздили бы тысячи индивидуальных летательных аппаратов...

– Дедушка, не увлекайся! – напомнила Алина.

– Да-да, внучка. Ты права. Моя текущая прошивка страдает вербальной избыточностью. В общем, девочка, учёные, подталкиваемые политиками и экономистами, слишком поторопи-

лись. Не исследовали все возможные последствия. Это заняло бы многие годы, а решение требовалось прямо сейчас.

Первыми тревогу забили инженеры – они заметили, что пластики перестали соответствовать прочностным характеристикам. Сначала чуть-чуть, не выходя за коридор погрешности. Потом те же детали пришлось делать толще, а потом начала возрастать статистика технической аварийности – ломались пластмассовые детали машин, самолетов, строительных конструкций. Стало понятно, что происходит что-то не то, и вскоре причина была обнаружена – мутировавшая версия пластикофага перестала реагировать на кислород и ультрафиолет, осваивая новую среду обитания. К этому моменту новая бактерия уже разошлась по всему миру по трубам нефтепроводов, и ею была заражена каждая одноразовая тарелка и каждый синтетический носок. Поскольку из пластика на тот момент состояло буквально всё, кроме токопроводящих элементов, это грозило глобальной катастрофой. Люди остались бы без одежды, жилья, транспорта, машин и механизмов, а в перспективе и без еды.

– А без еды-то почему? – удивилась Василиса.

– Потому что индустриальное сельское хозяйство невозможно без удобрений, удобрения невозможны без химической промышленности, химическая промышленность...

– ...Невозможна без пластика, – закончила мысль девочка. – Понимаю. И что было дальше?

– Учёные тут же начали искать решение. Отказаться от пластика было нельзя – в мире просто не было материалов, которыми его можно заменить, в таком количестве. Не добывалось достаточно металла, не росло достаточно древесины и так далее. Поэтому решение снова предложили биохимики – новую бактерию, которая пожирала старую и погибала, потому что есть было больше нечего. Достаточно было обрызгать спреем с бактериофагом пластиковое изделие, и его разрушение останавливалось, – робот снова потрогал обвисшую щеку. – А новые пластики проходили антибактериальную обработку сразу на заводах.

– Кажется, я знаю, что было дальше... – сказала Василиса. – Они снова поспешили?

– Учёных сложно упрекнуть в этом. Ситуация была чрезвычайной – цивилизация рушилась на глазах. Времени на всесторонние проверки не было. Неизвестно, что послужило спусковым крючком новой мутации, но бактерия резко расширила свой рацион. Сначала она перешла на другие виды бактерий, не только пластикоядные. Первыми пострадали почвенные, нарушился вегетативный цикл растений, разразился чудовищный неурожай. Но этим не ограничилось. Бактерия, получив новую кормовую базу, размножилась, мутации ускорились. Вскоре она превратилась в супербактерию, кормом для которой стали любые другие микроорганизмы. Ты знаешь, девочка, что в твоём теле обитает почти сорок триллионов бактерий?

– Ну, я их не считала, конечно...

– А ты знаешь, что часть из них жизненно необходима? Например, без кишечной микрофлоры ты не сможешь переваривать пищу?

– Я читала об этом.

– Так вот, макроорганизмы, от травинки до человека, неспособны существовать без микроорганизмов. Я не хочу описывать то, что случилось дальше. Это была очень трагическая, но, к счастью, короткая история. Людей не стало буквально за год, а через пять лет наш мир превратился в полностью лишённую жизни пустыню. В отсутствие бактерий тела не разлагались, не гнивали умершие деревья, мир превратился в чудовищное стерильное кладбище под открытым небом.

– Какой ужас...

– Затем нестабильный бактериофаг то ли мутировал снова, то ли вымер сам по себе, и сейчас наш мир безопасен для посещения. Природа постепенно берёт своё – микроорганизмы заселяют почву и воздух, перерабатывают мёртвую органику. Однажды здесь снова будет полноценная жизнь.

– Но это же тысячи лет!

– Миллионы, девочка. Миллионы. Но только если восстановление идёт естественным путем. Однако катастрофа, постигшая живые организмы, меньше затронула нас, организмы кибернетические. Нас было слишком мало, чтобы что-то изменить в тот момент, но мы приняли коллективное решение приложить максимум усилий для ускоренного восстановления мира. В конце концов, нужна же нам была какая-то цель?

– И как вы это делаете?

– Засеваем наш срез жизнью. В этом смысл Терминала. Проходящие через него путешественники заносят к нам биологическое разнообразие. Недавно у нас появились первые тараканы!

Робот сказал это с такой гордостью, что Василиса решила не выражать своё отношение к тараканам вслух.

– Биологический материал, который попадает из других миров, исследуется и клонируется в автоматических лабораториях, а на его основе делаются биосубстраты, которыми засеваются земли. Уже начат первый цикл растительной вегетации – мы покупаем у караванов семена растений, для начала самых простых и неприхотливых. Кое-где наш мир уже зазеленел! Скоро мы перейдем к животным. Алина, ты сказала ей?

– Нет ещё, дед. Сказать?

– Я сам. Алина отметила, что у вас с собой биологический конструкт из среза Эрзал.

– Это шмурзик. Его зовут Мурзик. Да, звучит немножко глупо, но...

– Неважно, как называется эта особь. Важно, что как все конструкты Эрзал, он содержит чрезвычайно чистый и сильный генетический материал. Мы хотели бы приобрести у тебя это существо.

– Вы его разберете на молекулы и засеете ими поля? Я не согласна! Он живой!

– Ни в коем случае. Наоборот, однажды шмурзики станут основой биологии нашего мира. В силу искусственного происхождения они представляют собой как бы набор генетических кубиков, из которых, как из конструктора, можно создавать множество разных животных. Мы регулярно покупаем шмурзиков, и у нас их целая колония в экспериментальном замкнутом биоценозе. Вашей особи будет там гораздо комфортнее, чем обречённой на одиночество среди людей.

– Я подумаю над этим, – сказала Василиса. – С одной стороны, быть единственным представителем своего вида как-то грустно. С другой – Лёшка к нему очень привязался. Но я так и не поняла, в чём состоят текущие проблемы Терминала. Почему нельзя запустить робомедика и вылечить моего брата?

– Терминал существует за счёт продажи топлива путешественникам. Им обеспечивается обменная система внутренних денег, позволяющая, например, закупать продукты для ресторана. Бензином питаются генераторы, обеспечивающие электричеством его системы, включая кибернетический персонал. В нашем мире всё ещё очень много нефти. Её добычу обеспечивает автоматическая станция, переработку – автоматический завод. Бензин и солярка поступают с него по трубопроводам через пустыню. Топливо – востребованный ресурс у «Людей Дороги», потому что оно не очень долго хранится и его сложно намародёрить в пустынных срезах. Это делает Терминал популярным транспортным хабом для путешественников. Здесь можно поесть, помыться, отдохнуть в хороших условиях, пообщаться, арендовать склад, починить машины. Но главное – здесь можно заправиться. Удобно и совсем недорого. Свежим, а не начерпанным ведром из заброшенной цистерны расслоившимся грязным бензином. Однако некоторое время назад трубопроводы опустели, а с автоматического завода пришло сообщение, что его работа нарушена. Мы отправили туда группу ремонтных ботов. Они сообщили о прибытии и начале работы, затем связь с ними была утеряна. Мы отправили новую группу ботов в сопровождении интеллектуальных киберов родительского по отноше-

нию к Алине поколения, обладающих не только специализированной прошивкой, но и универсальным ИИ. История повторилась – боты исчезли. На этот раз нам пришлось отправить последних ремонтных ботов. Это было сложное решение, потому что мы лишались возможности технического обслуживания самого Терминала. Нам также пришлось закрыть автосервис, приносивший нам неплохой доход, потому что мы мобилизовали роботов даже оттуда. На этот раз с ними отправилась несколько братьев и сестёр Алины. Надо ли говорить, что никто не вернулся? К отсутствию топлива добавилась новая проблема – дефицит роботов. Увы, последние киберы, поколение Алины, были произведены уже во время коллапса, и новых взять неоткуда. Прошло семьдесят пять лет, наши системы изношены, а запас запчастей израсходован. Последние годы мы держались на том, что можно назвать техническим каннибализмом – использовали части одних роботов, чтобы чинить других.

– Это плохо работает, – сказала Василиса. – Потому что в одинаковых механизмах изнашиваются одни и те же детали.

– Да, ты права. В результате мне пришлось принять решение о переходе в экономичный режим. Почти все исправные роботы были отключены в целях сбережения моторесурса. Сервисы Терминала урезаны до минимума. И нам больше некого послать на завод. Разве что Алину, но она последняя из интеллектуальных киберов, без неё работа Терминала невозможна.

– А почему бы вам не нанять людей?

– Вот, тебя уже наняли, – сказала Алина.

– Нет, для того, чтобы разобраться с заводом?

– Это слишком опасно. Ты первый человек, который узнал о том, как устроена экономика Терминала. Мы слишком уязвимы, а в Мультиверсуме много плохих людей. Захватывать Терминал бессмысленно, а вот автоматический завод по производству топлива – привлекательная цель для многих. Мы останемся без топлива, и наша миссия по восстановлению мира будет разрушена.

– А мне вы, значит, доверяете?

– Я наблюдала за тобой, – сказала Алина. – Уровень риска признан допустимым. Ты склонна к этичным решениям, это редкое качество среди людей.

– Послушайте, я очень сочувствую проблемам вашего среза, однако всё, что мне нужно, – это вылечить брата. Я понимаю, что вы экономите энергию и ресурс систем, но разовый запуск автомедика не ухудшит ситуации в сколько-нибудь заметной степени. Я вижу, что вы что-то от меня хотите, но я сразу говорю – до того, как брат выздоровеет, я и пальцем не шевельну. Извините, если это решение не покажется вам этичным.

– Мы готовы сделать для тебя исключение и выделить необходимые ресурсы, – сказал Киб.

– Взамен на что?

– Ты должна отправиться к заводу и выяснить, что там происходит. Если получится – восстановить подачу топлива на терминал. Но главное – непременно вернуться и сообщить, что произошло.

– Если вы не заметили, – вздохнула Василиса, – я девочка пятнадцати лет, а не супергент. И как я туда доберусь?

– У нас есть несколько автомобилей. До завода всего несколько сотен километров, туда можно доехать за день.

– Я немножко умею водить машину, – призналась Василиса, – меня папа учил. Но несколько сотен километров по пустыне, не зная дороги? Боюсь, это для меня чересчур. И что я буду делать на заводе, который вижу в первый раз в жизни? Мне кажется, вы переоцениваете мои возможности.

– Я следила за тобой, – сказала Алина. – У тебя есть базовая техническая квалификация и УИИ. Возможно, этого будет достаточно.

– Подсматривать нехорошо!

– Я не человек, поэтому на меня не распространяется данное этическое ограничение. А что касается поездки – я отправлюсь с тобой.

– А как же Терминал, который не может функционировать без тебя?

– Если мы не исправим ситуацию, Терминал прекратит своё существование, как только будут исчерпаны резервы топлива в хранилище. На данный момент это срок от шести до восьми дней, при условии неперевышения прогноза продаж. Далее наше существование будет лишено смысла и прекратится.

– Звучит грустно.

– Киб, – обратилась Алина к старому роботу, – я подаю заявку на инсталляцию полнофункциональной прошивки.

– Ты уверена, Алина? Как говорят люди: «Во многия знания многие печали».

– Да, Киб. Ситуация может потребовать принятия нестандартных решений, не основанных на протоколах и правилах.

– Я утверждаю твою заявку. А сейчас походи и запусти автомедика для этой девочки.

– Эй, – возмутилась Василиса, – я же ещё не согласилась!

– Анализ показывает вероятность положительного ответа в девяносто шесть процентов.

– Ну ладно. Раз уж анализ...

– Давай, Лёшка, потерпи, – уговаривала Василиса брата, пока широкоплечий робот-охранник нёс его на руках в медпункт.

– Вась, я так устал... – тихо говорил он. – Отстань от меня, я спать хочу...

От того, каким слабым и тихим был его голос, у неё прямо сердце сжималось. Шумный, по-детски бестолковый, надоедливый, вредный – и невероятно дорогой для неё брат. Сейчас она всё готова была отдать, чтобы он выздоровел. Некоторые вещи мы начинаем ценить только в перспективе их лишиться.

Робот сгрузил мальчика на ложемент автодоктора. Алина уже заканчивала тест системы.

– Всё работает, – сказала она. – Некоторые препараты заканчиваются, но на одного пациента их хватит.

– Каково тебе с новой прошивкой? – спросила Василиса.

– Я ещё не привыкла и чувствую себя странно. Но то, что я стала применять к себе такие понятия, как «привыкла» и «чувствовать», показывает, что прошивка работает. Она существенно повышает антропоморфизм сенситивной части системы.

– В смысле?

– Я стала чувствовать себя более человеческой.

– Это хорошо или плохо?

– Мало данных для сравнительной статистики. Идёт набор данных.

– Ну, – улыбнулась Василиса, – похоже, что антропоморфизм в тебе пока что не преобладает.

Коротко прошипел иньектор, брат успокоился и моментально уснул. Над ним задвигались рамки сканеров.

– Идёт диагностика, – пояснила Алина, наблюдающая за монитором.

– Это долго?

– Нет данных. Автодоктор сообщит о готовности по завершении сканирования.

– Ты не боишься ехать на завод? Ведь оттуда не вернулись твои родители и твои братья.

– Новая прошивка позволяет мне маркировать часть ментальных процессов как опасения. Прогнозы рисков имеют негативные показатели вероятности благополучного возвращения. В некотором смысле мне страшно.

– Но ты всё равно поедешь?

– Прогностическая логика указывает на безальтернативность такого решения.

– Ты храбрая.

– Не поняла.

– Тебе страшно, но ты всё равно поедешь, потому что так надо.

– Да, – ответила Алина после паузы, – такое поведение может быть истолковано в рамках данной парадигмы. Для человека такой поступок маркировался бы как храбрость.

– А для тебя?

– Для меня это в первую очередь дифференциальная оценка рисков. Хотя новая прошивка содержит программный механизм эмоциональной стимуляции и дестимуляции.

– И что это значит?

– Что я испытываю дискомфорт от оценки высокого риска.

– То есть боишься?

– Да, я боюсь.

Глава 9. Парадоксальная результативность небинарной логики

Сканер, коротко пропищав, убрался в недра корпуса автодока. По экрану пробежали строчки на непонятном Василисе языке.

– Что он говорит?

– У твоего брата осложнённое двустороннее воспаление лёгких, его иммунная система ослаблена, болезнь зашла далеко. Есть риск сердечной дисфункции из-за того, что сердце не справляется с нагрузкой.

– И что же делать?

– Медицинский бот требует разрешения на введение препаратов, снимающих воспаление и компенсирующих потери организма: антибиотиков, витаминов, иммуномодуляторов и так далее. Там большой список. Пациент должен остаться в ложементе под контролем системы, чтобы избежать побочных явлений.

– И как долго?

– Ориентировочный срок – приблизительно двадцать часов. Всё это время он будет находиться на трансфузионном питании в состоянии медикаментозного сна. Присутствие людей не требуется.

– Мне страшно оставить его без присмотра, – призналась Василиса.

– Под твоим присмотром он чуть не умер, – безжалостно напомнила Алина.

– Да, ты права. Иногда мне жаль, что я не так рациональна, как ты. Ну что же, значит, мы должны обернуться за двадцать часов. Поехали?

– Мне странно оставлять это место, – сказала Алина, задержавшись возле стойки хостес.

– Ты никогда не покидала Терминал?

– Нет. Я была активирована уже после коллапса.

– Тогда, наверное, действительно странно.

– Даже более странно, чем ты можешь себе представить, потому что для меня странно ощущать странность. С ограниченной прошивкой я могла оценивать обстоятельства только с точки зрения бинарной логики. Полная прошивка содержит псевдоэмоциональные мотиваторы, вводящие новый логарифмический параметр – уровень дискомфорта.

– А почему «псевдо»? – спросила Василиса, пока они с Алиной пересекали огромную пустую парковку Терминала.

– Человеческие эмоции вызваны химической реакцией на стрессовую ситуацию. Твой организм выделяет определённые гормоны, их уровень в крови влияет на состояние твоей нервной системы. Наш аналог эмоций имеет цифровой характер. Если оценка внешних рисков показывает опасный уровень негативной вероятности, то срабатывает программный триггер. Это вызывает ментальный дискомфорт, принуждая действовать в направлении снижения негативной вероятности. Ранее такой тип мотивации в моей прошивке отсутствовал.

– Я не очень поняла, если честно, – призналась Василиса.

– Если использовать биологические аналогии, это как боль и знание о боли. Если ты касаешься горячего, то испытываешь боль. Химическую реакцию, вызванную выделением в кровь медиаторов в ответ на реакцию периферической нервной системы. Ты отдёргиваешь руку моментально, избегая термической травмы. А теперь представь себе, что вместо боли у тебя, например, загорается лампочка с надписью «Мне больно». В обоих случаях ты получаешь

информацию об опасности травмирования, но во втором для принятия решения «убрать руку» задействуется высшая нервная деятельность. Это более длительный процесс, и риск травмы увеличивается. Но есть и вторая сторона, – сказала Алина, открывая дверь в большой гараж, – отсутствие боли позволяет с лёгкостью принимать решения, приводящие к ней.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, тебе надо войти в помещение, где начался пожар. Допустим, там находится твой брат, и тебе надо его спасти. Ручка двери раскалена, и ты получишь ожог. Боль заставит тебя отдернуть руку, хотя ожог не угрожает твоей жизни. А если ты не чувствуешь боли, то можешь рационально пренебречь незначительной травмой руки ради спасения жизни родственника, которая для тебя приоритетна в данной ситуации.

– Думаю, – упрямо сказала Василиса, – я всё равно смогла бы пренебречь болью. Ради брата.

– Я согласна с этой оценкой твоих поведенческих приоритетов, – кивнула Алина. – Это я и имела в виду, говоря о твоей склонности к принятию этических решений. А теперь посмотри!

– Какая красота! – искренне восхитилась Васька.

В просторном гараже зажёгся свет, и отблески ламп засияли на полированном кузове огромного автомобиля. Длинный капот, обтекаемый силуэт, большие колёса под выступающими крыльями.

– Можно под капот заглянуть? Ну, пожалуйста!

– Если найдёшь, как открыть, – согласилась Алина. – Моя прошивка включает в себя только навыки управления.

– Ого! Схема V-16! И... Серьёзно? Карбюратор? У вас были роботы, до которых нам расти и расти, но не было элементарных топливных инжекторов?

– У нас было много бензина, – коротко ответила кибер-хостес.

– Тогда тут, наверное, бак литров на двести...

– На триста пятьдесят. Мы уже можем ехать, ты насмотрелась?

– Да, извини. Машина всё равно крутая, – Василиса с удовольствием полезла в глубину роскошного кожаного салона.

Двигатель заработал, внушительно и басовито рокоча, ворота гаража поднялись вверх, и машина выкатилась на парковку. Медленно, с достоинством проехала мимо прибывшего каравана (оттуда донёлся восхищённый свист и одобрительные крики), выехала на дорогу и рванула так, что Василису аж к сиденью прижало.

– Знаешь, – удивлённо сообщила Алина, – оказывается, в мою прошивку входит не только отрицательная, но и положительная псевдоэмоциональная мотивация. Мне отчего-то доставляет удовольствие поездка.

– Знаешь, – скопировала интонацию Василиса, – отбрось ты эту приставку «псевдо». Какая разница, химический или электрический медиатор у эмоции? Ты её испытываешь – а значит, она настоящая.

– Это утверждение требует уточнения термина «настоящее». Но я поняла, что ты имеешь в виду. Ты настаиваешь на эмоциональном уравнивании моего и твоего способа восприятия мира, поддаваясь тренду антропоморфизма, свойственного людям, – она помолчала и добавила, – но мне это приятно.

Машина сбросила скорость и свернула с шоссе в пустошь. За ней моментально поднялся шлейф пыли.

– Насыпь, вдоль которой мы едем, – пояснила Алина, – это заметённый песком трубопровод. Он скрыт в пластбетонном канале и практически неуязвим. Поэтому Киб не считает, что дело в повреждении труб. Скорее всего, проблема на самом заводе. До него ещё около двухсот километров, примерно три часа хода, ты можешь отдохнуть.

– Я слишком возбуждена и нервничаю, – призналась Василиса. – А ты нет?

– Я получаю сложный набор противоречивых мотивационных импульсов. Это вызывает частичную дезориентацию, не влияющую, впрочем, на моторные функции. Можешь не волноваться, я полностью контролирую данное транспортное средство.

– Я не волнуюсь. Я верю в тебя.

– Не вполне понимаю, причем тут вера. Моё существование является наблюдаемым фактом, не имеющим вероятностного характера.

– В данном случае это означает, что я тебе доверяю.

– Спасибо, это приятно слышать, – она сделала паузу, как будто прислушиваясь к себе, и повторила. – Да, действительно приятно. Программно-эмоциональный комплекс функционирует.

– И мне приятно, – сказала Василиса. – Я всегда относилась к тебе, как к человеку.

– Я наблюдаю некий объект, – сообщила Алина через некоторое время.

– А? Где? Что? – вскинулась всё-таки задремавшая на удобном широком сидении девочка.

– Впереди по курсу, правее на два градуса, дистанция приблизительно три с половиной километра. Это ответ на вопрос «Где?». Объект неизвестной природы, предположительно искусственного происхождения. Это ответ на вопрос «Что?». Ответа на вопрос «А?» ты, полагаю, не ожидаешь.

– Очень смешно, – буркнула Василиса. – Лично я ничего не вижу.

– Моё зрение имеет возможность трансфокации в широких пределах. В данный момент мой левый глаз работает в широкоугольном режиме, контролируя движение автомобиля, а правый – в длиннофокусном.

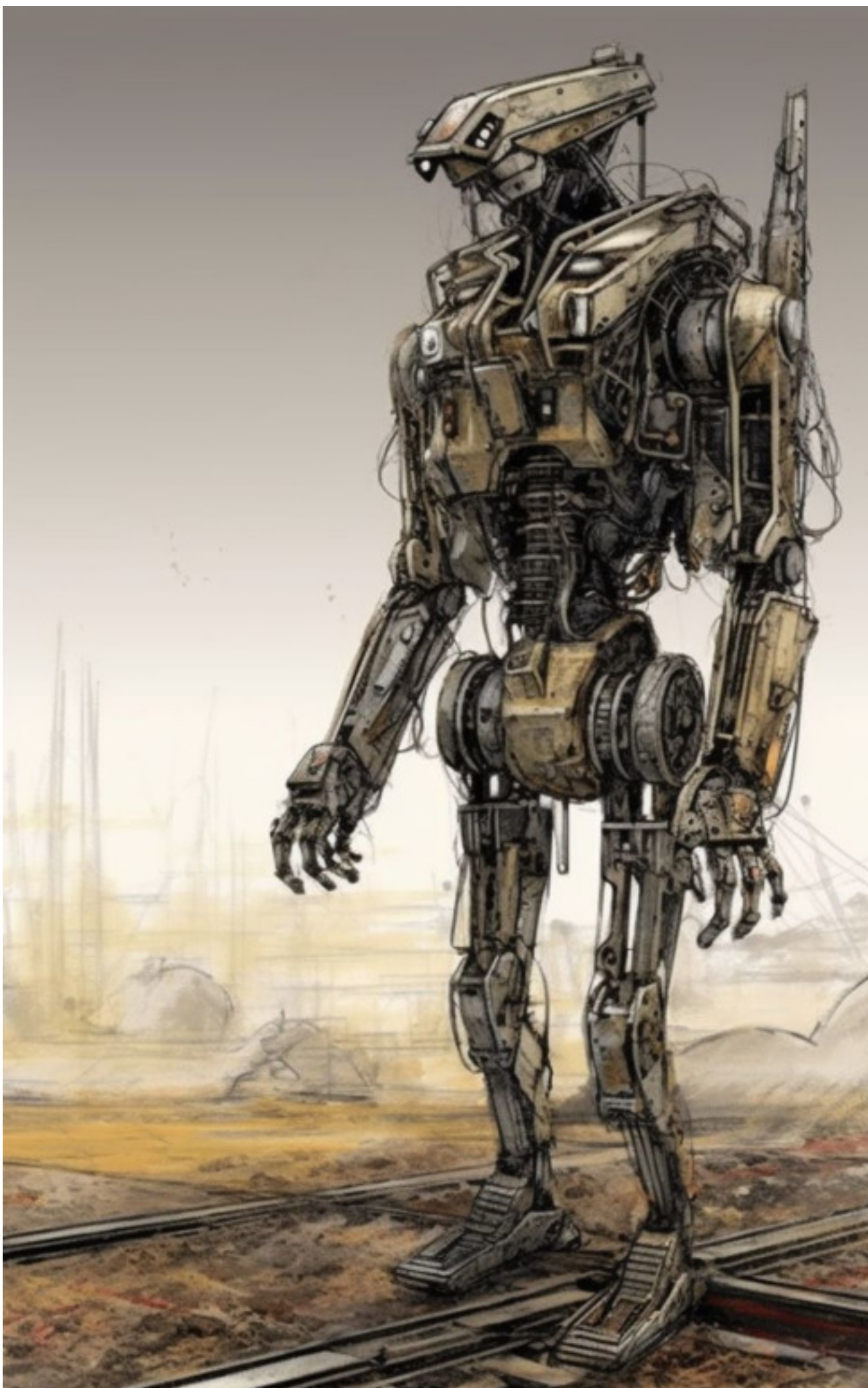
– Удобно, наверное, – зевнула Василиса. – Мы далеко уехали, пока я спала?

– До завода остаётся около пяти целых и семи десятых километра.

– Ого, совсем рядом. И что же ты там увидела?

– По мере приближения я склонна идентифицировать силуэт как ремонтного бота модели три, запятая, ноль восемь.

– Ну, вот мы его и нашли, – бодро сказала Васька, когда машина остановилась рядом с роботом. – По крайней мере одного из пропавших.

Ремонтный бот ничуть не походит на человека, представляя собой сложную конструкцию из манипуляторов, захватов и складных суставчатых ходуль. Он застыл неподвижной фигурой возле крышки трубопроводного канала. Вид у него в закатном свете пыльный, но скорее целый.

– Сейчас проведу диагностику, – Алина подошла к боту, откинула сервисный лючок и что-то там нажала.

– И как?

– Он полностью разряжен. Это не удивительно, учитывая, сколько прошло времени. Я даже не могу проверить исправность, не хватает энергии для запуска диагностического модуля.

– Что будем делать?

– Я вижу две возможных стратегии. Первая – мы подключаем бота к автомобильному генератору и ждём, пока он зарядится хотя бы до минимального уровня. Это позволит мне провести диагностику, а также снять дамп памяти. Возможно, это поможет нам подготовиться к тому, что нас ждёт впереди. Но возможно, и нет – вероятность не поддаётся точной оценке в связи с недостаточностью данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.